This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Содержание:

1) Государь - царь Иоанн Васильевич.
2). Лихолетье.
3). Бунтующая Русь
4) Боярское правление

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Содержание:

1) Государь-царь Иоанн Васильевич.
2). Лихолетье.
3). Блиц Руси
4) Боярское правление

А. А. НАВРОЦКІЙ (Н. А. Вроцкій).

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ГОСУДАРЬ-ЦАРЬ ІОАННЪ III ВАСИЛЬЕВИЧЪ

трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНІЕ

отрывокъ изъ драматической хроники.

БИБЛІОТЕКА ОФИЦЕРСКАГО СОБРАНІЯ 5-го ФИНЛЯНДСКАГО СТРѢЛКОВАГО ПОЛКА.

HOOVER LIBRARY

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Безобразова и К°

(Вас. Остр., 8 л., № 45).

1900.

PG 3467
N28 A19
v. 1

Первое изданіе перваго тома драматическихъ произведеній А. А. Навроцкаго не поступало въ продажу и, вслѣдствіе оказавшихся въ немъ погрѣшностей, было уничтожено.

ГОСУДАРЬ-ЦАРЬ

ІОАННЪ III ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ТРАГЕДІЯ

въ 5-ти дѣйствіяхъ и 10-ти картинахъ,
въ стихахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Государь Іоаннъ III Васильевичъ, 62 лѣтъ.
Государыня Софія Ѳоминишна, его жена, 45 лѣтъ.
Князь Василій, ихъ сынъ, 23 лѣтъ.
Княгиня Олена Степановна, вдова старшаго сына Іоанна, 32 лѣтъ.
Княжичъ Димитрій, ея сынъ, 15 лѣтъ.
Бояринъ князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, 67 лѣтъ.
Князь Семенъ Ивановичъ Ряполовскій, его зять, 32 лѣтъ.
Бояринъ Плещеевъ.
Бояринъ Кошкинъ.
Князь Даніилъ Щеня.
Князь Иванъ Ивановичъ Палецкой, 64 лѣтъ.
Фролъ Поярокъ, государыни боярскій сынъ, 30 лѣтъ.
Княгиня Палецкая, верховая боярыня, кравчая царицы, 62 лѣтъ.
Варвара Стрѣшнева, мама княжича Димитрія, 63 лѣтъ.
Марья Полтева, псаломщица княгини Олены.
Андрей Фіоравенти, прозванный **Аристотелемъ**, зодчій, 50 лѣтъ.
Яковъ Дебосисъ, литейщикъ, 36 лѣтъ.
Назаръ Дмитровъ Тороканъ, подъячій постельнаго приказа царицы, 65 лѣтъ.
Арина, его жена, 26 лѣтъ.
Вавренецъ, литвинъ, сторожъ государевой тюрьмы, 50 лѣтъ.
Сила Меркуловъ Гусевъ, распросный дьякъ, 48 лѣтъ.
Глафира Чашникова, 22 лѣтъ. } постельницы царицы.
Мареа Кондакова, 20 лѣтъ. }
Дуня, дѣвочка-сирота во дворцѣ царицы, 12 лѣтъ.
Алексѣй Протасьевъ, сѣнной истопникъ во дворѣ государевыхъ дѣтей, 24 лѣтъ.

1-ый } истопники во дворцѣ царицы.
2-ой

Колдунья.

Стольникъ } государя.
Спальникъ

Постельница царицы.

Сѣнной сторожъ.

Коробьинъ, начальникъ стражи.

Стражникъ.

Думные бояре, государевы дворцовые чины и стража. Дѣйствіе происходитъ въ концѣ XV столѣтія въ Москвѣ. Между 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями проходитъ годъ, между 4-мъ и 5-мъ — мѣсяцъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Картина 1-ая.

Горница въ домѣ боярина Патрикѣева. Вечеръ.

Патрикѣевъ, Ряполовскій, Аристотель и Дебосисъ сидятъ у стола.

ПАТРИКѢЕВЪ (*къ Дебосису*).

Ну молодецъ, по истинѣ сказать!
Какую штуку отлилъ. Вѣдь пищали
У насъ такой еще и не бывало.
Ты видѣлъ, зять?

РЯПОЛОВСКІЙ.

Сегодня не пришлось
Мнѣ посмотрѣть.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Повѣришь-ли, не вру!
Сажени двѣ длины, пожалуй, будетъ.

Да и станокъ невиданный. Какъ грянетъ, —
Оглохнешь, коли близко подойдешь.
Великій мастеръ! Государь не даромъ
Тебя своимъ подаркомъ наградилъ. (*къ Аристотелю*).
А ты о чемъ задумался, пріятель?
Все хмуръ, да скученъ; али нездоровъ?

АРИСТОТЕЛЬ.

Невольно будешь хмуръ, когда, бояринъ,
Невесело давно ужъ на душѣ.
Ты знаешь самъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

По родинѣ тоскуешь?
Да, это, братъ, тяжелая болѣзнь.

АРИСТОТЕЛЬ.

Хоть попроси ты за меня, бояринъ;
Авось твою исполнитъ просьбу онъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Напрасный трудъ. Ты больно ему нуженъ,
И онъ тебя не пуститъ ни за что!
Ты испыталъ; попробовалъ проситься —
И что-же вышло? Отсидѣлъ въ тюрьмѣ,
И своего прибытка ты лишился.
Привыкнуть надо.

АРИСТОТЕЛЬ.

Тяжело, бояринъ,
И не могу! Суровы ваши зимы;

У насъ же солнце, зелень и цвѣты.
Въ родной Болоньѣ много я имѣю
Друзей и близкихъ; съ ними повидаться
Стремится сердце; но вашъ князь суровый
Меня къ Москвѣ неволей приковалъ.
Я думалъ здѣсь пожить у васъ немного,
Васъ научить строительнымъ трудамъ,
Подъ старость же на родину вернуться
И умереть, гдѣ я на свѣтъ рожденъ.
Мой бѣдный сынъ не вынесъ горькой доли,
Скончался здѣсь, зачахнувъ, какъ цвѣтокъ;
А я, художникъ, зодчій знаменитый
Московскихъ храмовъ, башень и дворцовъ—
Въ неволѣ, плѣнникъ, рабъ многострадальный
Въ когтяхъ орла придавленный на смерть!

ПАТРИКѢЕВЪ.

Ты думалъ такъ, Господь судилъ иначе!
Своей судьбѣ смиренно покорись.
Попробуй меда! Выпей — легче станетъ;
Мягчитъ онъ боль тоскующей души.

АРИСТОТЕЛЬ.

Хорошъ вашъ медъ; но виноградъ ломбардскій
Напитокъ лучше вашего даетъ:
Игристъ, прозраченъ; цвѣтъ подобенъ солнцу;
И пить легко, и съ толка не собьетъ.

ДЕБОСИСЪ.

У насъ, въ Неополѣ, у лона моря,
На склонѣ огнедышащей горы

Изъ гроздій виноградныхъ добываютъ
Особое, завѣтное вино.
Слезой Христа оно у насъ зовется,
Въ болѣзни тяжкой пить оно дается,
Какъ благодатный и цѣлебный даръ.

АРИСТОТЕЛЬ.

Не вспоминай, Джакóпо! Удвояешь
Ты скорбь мою; она и такъ тяжкà.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Скорби иль нѣтъ, а жить, любезный, надо,
Пока Господь къ себѣ не призоветъ.
Да и у насъ не такъ ужъ очень худо,
Какъ кажется тебѣ.

АРИСТОТЕЛЬ.

Привыкнуть трудно.
Въ моей странѣ общительнѣй, живѣй,
Привольнѣе.

ДЕБОСИСЪ.

И веселитесь вы
Здѣсь не по нашему.

РЯПОЛОВСКІЙ.

А какъ у васъ
По вашему порядку веселятся?

ДЕБОСИСЪ.

У насъ, бояринъ, въ карнавала дни

Въ Венеціи, подъ масками, на лодкахъ
По городу катаются; на площадь
Передъ дворцомъ веселою толпой
Пособерутся; музыка, танцуютъ,
И льются пѣсни, шутки и вино.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Не важный городъ, негдѣ разгуляться,
На всѣхъ одна лишь площадь предъ дворцомъ;
А то извольте въ лодочкахъ кататься.
Да этакъ послѣ нашихъ-то пировъ
Давно бы мы ловили рыбъ въ канавахъ.
Изволь-ка, нагрузившися зѣло,
Садиться въ лодку. Прахъ ее возьми!
Не сдержитъ, право!

РЯПОЛОВСКІЙ.

Что-же и бояре
У васъ въ личинахъ пляшутъ, да поютъ?

ДЕБОСИСЪ.

Въ такіе дни у насъ различья нѣтъ!
Всѣ веселятся вмѣстѣ и охотно;
Не отличишь подъ маской никого.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Ну, хороши! У насъ же, слава Богу,
Иной порядокъ. Приведись хоть мнѣ!
Да я личины вашей не надѣну,
Хотя бы смерть грозила мнѣ за то.

ДЕБОСИСЪ.

Подъ маскою достоинство у насъ
Не умаляется, бояринъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Какъ же
Возможно вамъ другъ друга отличать,
Чтобъ честь воздать по роду и заслугѣ?

ДЕБОСИСЪ.

Бываетъ часто послѣ карнавала
Не мало поединковъ.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Почему?

ДЕБОСИСЪ.

Въ такой толпѣ всегда найдется поводъ.
Или толчокъ невѣжливый, иль слово
Неосторожное, и изъ-за женщинъ —
Зачѣмъ тебѣ другого предпочла.

АРИСТОТЕЛЬ.

Мы, итальянцы, нравомъ горячи
И съ юныхъ лѣтъ оберегать привыкли
Ревниво честь свою.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Что-жъ, потасовку
Другъ дружкѣ задаете? или встрепку?

РЯПОЛОВСКІЙ.

На кулакахъ, иль палкой?

ДЕВОСИСЪ.

Нѣтъ, бояринъ!
У насъ бываютъ поединки только
На шпагахъ, а въ народѣ—на ножахъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Неужели за каждое словцо
И смертный бой?

ДЕБОСИСЪ.

Таковъ у насъ обычай.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Не понимаю. Обругалъ кого,
Такъ, сгоряча—и за ножи хватайся!
Да развѣ легче станетъ человѣку,
Коль онъ, за брань или размахъ сердитый,
Тебя убьетъ иль искалѣчитъ? Ну,
Погорячились—оттузи другъ друга,
Потѣшь себя, и будетъ! Мало-ль что
Бываетъ на пиру иль въ рьяномъ спорѣ.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Пословица въ народѣ есть у насъ,
Разумная, старинная, что брань
На вороту не виснетъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Слова нѣтъ!
Случается — и мы на Божій судъ
Выходимъ въ поле; но лишь въ часъ, когда
Ничѣмъ инымъ нельзя добиться правды.
А такъ, за брань, да за тычокъ сейчасъ
Лѣзть на ножи — пустое, братецъ, дѣло!
Да развѣ это не грѣшно? Иль жизнь
У васъ ужъ больно дешева и ею
Не дорожитъ никто, что изъ-за вздора
Одинъ другого лѣзутъ убивать?

АРИСТОТЕЛЬ.

Грѣшно иль нѣтъ, про то Господь разсудитъ.
И жизнь безъ чести не находка.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Честь
И мы блюдемъ, передъ родной землею,
Передъ царемъ; но честь въ своихъ дѣлахъ,
По совѣсти. И мѣста не уступимъ
Другому, коль по роду своему
Онъ ниже насъ. Упремся. Не допустимъ!
Приказъ царя не въ силахъ насъ заставить
По роду низшимъ мѣсто уступить.
А въ вашихъ стычкахъ тутъ ужъ честь какая:
Тебя побьютъ, тебя же и убьютъ.

ДЕБОСИСЪ.

Иль самъ убьешь.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Тогда еще грѣшнѣе.
Тычокъ иль брань отъ насъ идутъ всегда;
А человѣчья жизнь — иное дѣло!
Не для того дана.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Не пустяки.

АРИСТОТЕЛЬ.

У каждаго народа свой обычай
И привыкать къ иному не легко.
Въ насъ юга жаръ, въ васъ сѣвера степенность,
И дорого намъ каждому свое. (*встаетъ*).
Прощай, бояринъ! Buona sera, княже!
То нашъ родной Италіи привѣтъ. (*къ Патрикѣеву*).
Похлопочи — до гроба не забуду. (*къ Дебосису*).
Пойдемъ, землякъ! (*уходитъ съ Дебосисомъ*).

ПАТРИКѢЕВЪ.

Его прискорбна доля.
Изъ царскихъ рукъ не вырваться ему.
Мнѣ жаль его; но помощи напрасно
Онъ ждетъ отъ насъ.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Таковъ его удѣлъ.
Полезенъ онъ. Царь дорожитъ такими,
И родины ему ужъ не видать.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Ты слышалъ, зять? Верейскій князь Михайло
Преставился.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Когда?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Вчерашній день.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Онъ былъ здоровъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Намедни при Шигонѣ
Промолвилъ государь, что зажился
Ужъ очень долго старый князь, и тотъ,
Сегодня возвратившись, доложилъ,
Что князь Михайло Богу душу отдалъ.
Поужиналъ — должно быть переѣлъ,
Неладное во чревѣ приключилось —
И померъ.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Значитъ, всѣ его владѣнья
По завѣщанью отойдутъ теперь
Къ Москвѣ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Ништо! круглитъ свою державу
Московскій князь, и всѣмъ князьямъ удѣльнымъ
Теперь и выхода иного нѣтъ.

Коль не мытьемъ, такъ катаньемъ докончитъ
Ихъ переводъ.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Свое всегда возьметъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Его свое вездѣ, гдѣ есть чужое,
Которымъ онъ надумалъ овладѣть.
Что годъ, то все становится суровѣй
И самовластнѣй, круче, недоступнѣй —
Свой царскій санъ съ жестокостью блюдетъ.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Гречанки дѣло! Много зла приноситъ
Она намъ всѣмъ надменностью своей.
(*входятъ*: *бояре* **Плещеевъ и Кошкинъ и князь Щеня**).

ПАТРИКѢЕВЪ.

Прошу садиться, гости дорогіе!
Васъ ждемъ давно.

ПЛЕЩЕЕВЪ.

Замѣшкались часокъ
Въ моихъ хоромахъ.

ЩЕНЯ.

Въ дружеской бесѣдѣ
Такъ незамѣтно времячко летитъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

О чемъ же толковали?

ПЛЕЩЕЕВЪ.

Да, вѣстимо,
О томъ, что на душѣ у всѣхъ лежитъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

И мы о томъ же думаемъ съ Семеномъ
Не мало дней.

ПЛЕЩЕЕВЪ.

И до чего-жъ, бояринъ,
Додумались? На чемъ остановились?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Да ждали васъ. Обсудимъ сообща.

КОШКИНЪ.

Нельзя намъ мѣшкать. Государь измѣнчивъ.
Сегодня добръ, а завтра палачамъ
Не пожалѣетъ выдать на расправу.
Пока съ княгиней милостивъ, да съ внукомъ,
Намъ надобно достигнуть поскорѣй
Желанной цѣли, отстранивъ вѣрнѣе
Его жену и первенца Василья
Отъ сердца государева.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Давно
И мы подкопъ ведемъ въ такомъ же смыслѣ,
И близокъ часъ плоды его пожать.
Хитра гречанка; но и мы не глупы,
И удалось ее перехитрить.

ЩЕНЯ.

Какимъ путемъ?

ПАТРИКѢЕВЪ.

А вотъ сейчасъ узнаешь. (*къ Ряполовскому*).
Вели, Семенъ, колдунью привести. (*Ряполовскій уходитъ*).

ПЛЕЩЕЕВЪ.

Отецъ былъ слѣпъ, а сынъ насъ всѣхъ заставитъ
Слѣпыми быть. Невольно опускаешь
Предъ нимъ глаза и холодъ пробѣгаетъ
До самыхъ пятъ. Проходитъ день—и славу
Воздашь Творцу, что насъ Онъ охранилъ
И не подвергъ мучительной опалѣ
По произволу тяжкому царя.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Да, молчаливъ, суровъ и словъ не любитъ
На вѣтеръ тратить; и не разберешь,
Что въ тайникахъ души его творится.

КОШКИНЪ.

Она, гречанка хитрая, его
Такимъ содѣлала.

ЩЕНЯ.

И былъ не мягокъ,
А нынѣ неприступенъ сталъ совсѣмъ.

(*входитъ* **Ряполовскій** *съ колдуньей въ оковахъ*).

РЯПОЛОВСКІЙ. (*къ колдуньѣ*)

Иди, иди! Не бойся! Не въ застѣнокъ
Пришла на пытку. Осмотрись.

КОЛДУНЬЯ.

Помилуй!
Простите! Все повѣдала я вамъ.

ПАТРИКѢЕВЪ. (*доставая изъ сундука поясъ*).

Кто-жъ, повтори, принесъ его къ тебѣ?

КОЛДУНЬЯ.

Не вѣдаю ея.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Знавала раньше?

КОЛДУНЬЯ.

Бывала. Много къ намъ приходитъ
Народа всякаго; не помнишь всѣхъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Припомни.

КОЛДУНЬЯ.

Съ виду будетъ пожилая;
Высокая, худая, рыжевата,
Съ пятномъ родимымъ на одной щекѣ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

И что̀ просила?

КОЛДУНЬЯ.

Навести присуху
Тому, чей поясъ...

ПАТРИКѢЕВЪ.

Имя назвала̀?
Сказала?

КОЛДУНЬЯ.

Да.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Какое же?

КОЛДУНЬЯ.

Ивана.

ПАТРИКѢЕВЪ.

А женское? Присуха на кого?

КОЛДУНЬЯ.

На Зинаиду.

ПАТРИКѢЕВЪ.

И ты знала, вѣдьма,
Кто тотъ Иванъ?

КОЛДУНЬЯ.

Не вѣдала.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Не лжешь?

КОЛДУНЬЯ.

Зачѣмъ мнѣ лгать? Для насъ не нужно вѣдать,
Кто человѣкъ; лишь имя знать его,
Да вещь имѣть натѣльную потребно.

ПАТРИКѢЕВЪ (*къ Ряполовскому*).

Вели ее покрѣпче запереть
Въ подземный срубъ и, какъ зеницу ока,
Стеречь пока. (*Ряполовскій уходитъ съ колдуньей*). Ну что,
друзья, слыхали?

ПЛЕЩЕЕВЪ.

Сомнѣнья нѣтъ.

КОШКИНЪ.

Одно меня смущаетъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Что̀ именно? Скажи! Я разъясню.

КОШКИНЪ.

Да имя женское.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Аль позабылъ, бояринъ,
Что вѣдь она двойное имя носитъ:
И Зинаиды, и Софіи. Только
О первомъ позабыли всѣ давно
И лишь Софіей всюду нарицаютъ.

КОШКИНЪ.

Забылъ и есть! Теперь мнѣ стало ясно.

ЩЕНЯ.

Ея подсылъ. (*входитъ* Ряполовскій).

ПАТРИКѢЕВЪ (*указывая на Ряполовскаго*).

Спасибо вотъ ему!
Сумѣлъ развѣдать. Поясокъ натѣльный
Успѣлъ достать у распроклятой бабы
И выудилъ признанье у нея.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Да, не легко досталось! Чуть не померъ
Въ проклятомъ обиталищѣ ея.
Не выдержала боли; повинилась
Подъ дружными ударами плетей
И указала мѣсто, гдѣ таила
Посылъ гречанки, царскій поясокъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

И этотъ поясокъ заутра службу
Сослужитъ намъ великую, друзья!
Царь наказалъ придти послѣ вечерни
Съ Семеномъ мнѣ. Онъ ужъ девятый день
Не видится съ женою и дѣтей
Не допускаетъ на свои глаза;
Къ Оленѣ же и къ внуку сталъ замѣтно
И добръ, и ласковъ. Надо поспѣшить
И, пояскомъ, какъ удочкою, ловко
Гречанку съ сыномъ отдалить совсѣмъ

И навсегда отъ мужа и престола.
Вѣдь государь страшится колдовства,
И ихъ судьбу по своему устроитъ.

ПЛЕЩЕЕВЪ.

Богъ въ помощь! Хочется невольно вѣрить,
Что своего добьемся мы, друзья!
А только...

ПАТРИКѢЕВЪ.

Что?

ПЛЕЩЕЕВЪ.

Хитра она зѣло.
Олена же труслива, какъ ребенокъ.
Перехитритъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

А мы-то, другъ, на что?
Ужъ понадѣйся на меня съ Семеномъ.
Не сапогомъ хлѣбаемъ щи, а ложкой.

РЯПОЛОВСКІЙ.

И ложка та имъ рты пораздеретъ.

КОШКИНЪ.

Ну, выпьемъ ковшъ заздравный въ многолѣтье
Твое, бояринъ, и за нашъ успѣхъ. (*встаетъ, беретъ ковшъ меда и съ поклономъ передаетъ его Патрикѣеву*).

ПАТРИКѢЕВЪ (*встаетъ*).

И вамъ, друзья, желаю многи лѣта
Во здравіи и въ счастіи прожить! (*Всѣ встаютъ. Патрикѣевъ кланяется, отпиваетъ и съ поклономъ передаетъ ковшъ Кошкину; тотъ кланяется, отпиваетъ и съ поклономъ передаетъ ковшъ Плещееву, и такъ ковшъ обходитъ всѣхъ присутствующихъ и возвращается къ Патрикѣеву, который съ поклономъ допиваетъ его*).

ПЛЕЩЕЕВЪ.

Прощай, своякъ! Пора на боковую.
Покойной ночи, князь! Пойдемъ, друзья!
Пора покой хозяину доставить.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Прощенья просимъ! Коли что удастся —
Подѣлимся мы радостью, друзья! (*Гости уходятъ. Къ Ряполовскому*).
Ты обожди. Я лягу на лежанку.
Мнѣ поясницу ломитъ. (*ложится на лежанку*). Такъ спокойнѣй.
Садись сюда и вмѣстѣ пообсудимъ,
Какъ завтра намъ опаснаго врага
Отъ сердца государева отвадить.

Картина 2-ая.

Комната во дворцѣ государя. Время — послѣ вечерни.

Иванъ сидитъ въ креслѣ и дремлетъ. Олена, Дмитрій, Патрикѣевъ и Ряполовскій сидятъ тихо, боясь его разбудить.

ИВАНЪ (*просыпаясь*).

Я, кажется, немного задремалъ?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Започивать изволилъ. При недугѣ,
Въ немолодые годы, часто такъ
Вдругъ позоветъ къ дремо́тѣ. Прислонишься —
Да и заснешь. Немножечко поспится,
А подкрѣпишься.

ИВАНЪ.

Это правда! Я
Почасту такъ дремлю въ уединеньи,
Да въ тишинѣ. (*къ Ряполовскому*). Семенъ, вели подать
Жбанъ заварного квасу, да со льдомъ.
Похолоднѣй.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Какого, государь?

ИВАНЪ.

Вели подать любимаго, изъ яблокъ. (*Ряполовскій уходитъ*).
Ты что-же, Митя, тутъ торчишь безъ дѣла?
Не занялся́ ничѣмъ?

ДМИТРІЙ.

Я опасался
Твой сонъ нарушить, государь!

ИВАНЪ.

Добро! (*входятъ: Ряполовскій и стольникъ съ подносомъ, на которомъ жбанъ съ квасомъ и ковшъ. Стольникъ ставитъ подносъ на столъ и съ низкимъ поклономъ уходитъ*).

Давай сюда! (*Ряполовскій подаетъ жбанъ. Иванъ пьетъ*).
Забористый. Игривый.
Такъ въ носъ и бьетъ. Ты хочешь квасу, Митя?
Возьми, испей! (*даетъ Дмитрію ковшъ, Дмитрій пьетъ*). Испей
и ты, Олена.
Превкусный квасъ!

ОЛЕНА (*пьетъ*).

Безъ хмеля, а играетъ
Не хуже меда.

ИВАНЪ.

Что, въ твоихъ хоромахъ
Не сыро?

ОЛЕНА.

Нѣтъ.

ИВАНЪ.

А я вотъ не могу
Жить въ каменныхъ палатахъ. Нездорово
Въ нихъ ночью спать. (*къ Дмитрію*). Ты, Митя, на охотѣ

Не пробовалъ еще заморскихъ псовъ,
Которыхъ мнѣ изъ Давіи прислали?

ДМИТРІЙ.

Не привелось.

ИВАНЪ.

Попробуй.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Говорятъ,
Что люты очень.

ИВАНЪ.

Такъ и быть должны!
Вѣдь на охотѣ имъ не цѣловаться
Съ лѣснымъ медвѣдемъ или кабаномъ.

ДМИТРІЙ.

Мнѣ больше пò сердцу удить въ рѣкѣ
Или въ озѐрахъ рыбокъ серебристыхъ,
И неводомъ. Такъ весело глядѣть,
Въ счастливый ловъ, какъ плещутся, сверкая
Онѣ въ сѣтяхъ блестящей чешуей;
И ершъ, и карпъ, и окунь красноперый,
Плотва, карась и кособрюхій лещъ,
И угорь-пòскользень.

ИВАНЪ.

Забава эта
Не молодому впору, а убогимъ,
Да старикамъ, чтобы дремать съ удой

И грѣть на солнцѣ ноющія кости.
Въ твои года, на борзомъ скакунѣ,
Въ отважной скачкѣ за пушистымъ звѣремъ
Довлѣетъ тѣшить молодую кровь
И силъ родникъ. Охотничья забава
Полезна очень. Самъ ужъ я не въ силахъ
Ей тѣшиться. А въ прежніе года
Ѣзжалъ, бывало, съ братьями не мало
По москворѣцкимъ рощамъ, да полямъ.
Моя любимая охота—это
Иль съ кречетомъ, иль съ соколомъ въ рукахъ.
Слетитъ-сорвется, вздыметъ высокò,
Намѣтитъ жертву, вихремъ устремится —
И сразу нà смерть клювомъ поразитъ.
Царева птица.

ОЛЕНА.

Мнѣ всегда ихъ жалко.

ИВАНЪ.

Кого?

ОЛЕНА.

Да птицъ.

ИВАНЪ.

Чего же ихъ жалѣть?
Превкусныя! Само собой охота
Не бабье дѣло. Наше—ихъ стрѣлять,
А ваше—ѣсть; жалѣючи, пожалуй!

ОЛЕНА.

Ѣдою вкусны.

ИВАНЪ.

Вкусны, такъ и ѣшь.
Не ты ихъ бьешь.

ДМИТРІЙ.

Вчера я потѣшался
Стрѣльбой изъ лука. Бились объ закладъ
Мы съ Кашинскимъ.

ИВАНЪ.

И кто же побѣдилъ?

ДМИТРІЙ.

Вѣстимо, онъ! Стрѣлокъ, какихъ немного.
Тоскуетъ все. Просилъ меня помочь
Его печали.

ИВАНЪ.

Что же съ нимъ такое
Случилося?

ДМИТРІЙ.

Ты знаешь, государь!
Сидитъ въ тюрьмѣ его старѣйшій дядя...

ИВАНЪ (*перебивая*).

Ты вотъ о чемъ. Ходатаемъ тебя
Избрали. Ошибутся. Не мѣшайся

Въ дѣла подобныя! Напрасно только
Слова потратишь. Осердить меня
Подчасъ такими просьбами нетрудно.
Тогда и имъ за это попадетъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

По юности онъ жалостливъ и хочетъ
Помочь друзьямъ. (*входитъ* **стольникъ**).

СТОЛЬНИКЪ.

Великій государь!
Царица жаловать изволитъ.

ИВАНЪ.

Вотъ какъ!
Чего ей нужно? (*входитъ* **Софья** *и низко кланяется Ивану*).

СОФЬЯ.

Здравствуй, государь!
Сказали мнѣ, что нездоровъ ты.

ИВАНЪ.

Правда!
Покой мнѣ нуженъ.

СОФЬЯ.

Если я тебя
Не въ пору потревожила, уйду я.

ИВАНЪ.

Зачѣмъ пришла?

СОФЬЯ.

Спросить тебя рѣшилась:
Пожалуешь-ли завтра ты къ обѣду?
Рожденья сына день. Иль позабылъ?

ИВАНЪ.

Котораго?

СОФЬЯ.

Меньшого, государь.

ИВАНЪ.

Мнѣ недосугъ, неможется къ тому же.
На врядъ приду.

ДМИТРІЙ.

Царица, ты позволишь
Придти къ тебѣ? Я съ мамой...

ОЛЕНА (*перебивая*).

Недосугъ
И мнѣ, царица.

СОФЬЯ (*къ Оленѣ*).

Я и не зову.

ИВАНЪ.

И не придемъ! Справляй сама съ дѣтьми;
А насъ не безпокой. Я знаю самъ,
Когда и что̀ справлять.

СОФЬЯ.

Прости! Не знала,
Что этимъ я лишь осержу тебя.
Не думала. (*уходитъ*).

ИВАНЪ (*вполголоса*).

Подумаешь теперь.
Пусть справятъ втихомолку. Такъ скорѣе
Мое нелюбье ощутятъ и будетъ
Оно имъ жестче. (*къ Дмитрію*). Митя, больше къ нимъ
Ты не ходи.

ДМИТРІЙ.

Позволь мнѣ...

ИВАНЪ (*перебивая*).

Не ходи,
Я говорю! Тебѣ тамъ быть опасно.

ОЛЕНА.

Я не пущу его!

ИВАНЪ.

И не пускай.

ОЛЕНА.

Его беречь мнѣ надо.

ИВАНЪ.

И не только

Беречь, да холить, гладить, да кормить;
Но и учить его. Онъ у тебя
Не замужъ выходить растетъ, а быть
И смѣлымъ, и рѣшительнымъ.

ОЛЕНА.

Онъ молодъ
И нравомъ кротокъ.

ИВАНЪ.

Смолоду вѣрнѣе
Свой нравъ и волю къ силѣ пріучать.

ОЛЕНА.

Успѣетъ, государь! Войдетъ въ года,
Смѣлѣе станетъ. Жизнь всему научитъ.

ИВАНЪ.

Не надо медлить. Знаетъ Богъ одинъ,
Когда ему та твердость пригодится. (*къ Дмитрію*).
Будь мужемъ силы, твердости и власти,
Которая, быть можетъ, отъ тебя
Недалекà.

ОЛЕНА.

Подъ властію твоею
Научится всему.

ИВАНЪ.

Пока я живъ —

Вѣстимо, такъ! А послѣ моей смерти...
Но нынѣ здѣсь, пожалуй, и не время
Объ этомъ мнѣ съ тобою толковать.
Прощай, Олена! Отправляйся съ Богомъ
Къ себѣ домой. (*Олена подходитъ и цѣлуетъ у Ивана руку*).
Прощай и ты, мой внукъ!
(*Дмитрій подходитъ и цѣлуетъ у Ивана руку, тотъ гладитъ его по головѣ*).
Будь смѣлъ и твердъ, но мудръ и остороженъ.
Передъ врагомъ подальше отойди,
Чтобы потомъ, обдумавъ хорошенько,
Его на смѐрть, какъ соколъ, поразить.
Степныхъ коней не силою одною,
Но твердой волей укрощаютъ. Съ Богомъ!
(*Олена и Дмитрій уходятъ*).

ИВАНЪ.

Совсѣмъ ребенокъ! Волей не окрѣпъ;
Охотно просьбѣ всякой поддается.
Управится-ли?..

ПАТРИКѢЕВЪ.

Подрастетъ, тогда
Окрѣпнетъ всѣмъ. Зачатки въ немъ благіе.

ИВАНЪ.

Что называешь благостью?

ПАТРИКѢЕВЪ

Вѣстимо:
Правдивый духъ, незлобивое сердце,

Широкій умъ, отзывчивость къ добру,
Къ хорошему.

ИВАНЪ.

Къ хорошему? Оно
Вѣдь не для всѣхъ людей одно бываетъ.
Что хорошо тебѣ, быть можетъ дурно
Хоть для меня. Я въ Дмитріѣ желалъ-бы
Имѣть не только вѣрнаго слугу,
Но кое-что и больше.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Будетъ вѣренъ
Онъ, государь, тебѣ безъ ухищренья.
Не то, что прочіе.

ИВАНЪ.

О комъ ты рѣчь
Со мной ведешь?

ПАТРИКѢЕВЪ.

О ворогахъ твоихъ,
Которыхъ злоба тайно покушалась
На жизнь твою.

ИВАНЪ.

Иванъ, ты не шути!
Отъ этихъ шутокъ недалекій путь
И къ палачу.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Не смѣемъ мы шутить
Такою рѣчью.

ИВАНЪ.

Что же вамъ извѣстно?
Не медлите! скажите!

ПАТРИКѢЕВЪ (*вынимая изъ-за пазухи поясъ*).

То не твой-ли
Натѣльный поясъ, государь?

ИВАНЪ (*выхватывая поясъ*).

Давай!
Мой! Мой и есть! Какъ онъ къ тебѣ попалъ?
Мнѣ думалось, что въ мыльнѣ обронилъ,
Или ночной порою затерялся.

ПАТРИКѢЕВЪ.

А мы его нашли.

ИВАНЪ.

Гдѣ?

ПАТРИКѢЕВЪ.

У колдуньи.

ИВАНЪ.

Какъ? у колдуньи? Кто-жъ его отнесъ?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Царицына постельница.

ИВАНЪ.

Царица
Ее послала?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Надо быть она.
Съ присухою Ивана къ Зинаидѣ.

ИВАНЪ.

Такъ вотъ что! Богомерзкимъ колдовствомъ
Моей любви она достичь хотѣла.
Натѣльный поясъ!.. Какъ же вы узнали
Объ этомъ дѣлѣ?

ПАТРИКѢЕВЪ.

О твоемъ здоровьѣ
Пещась зѣло и зорко ограждая
Твой, государь, покой, чрезъ слугъ надежныхъ
Въ царицыномъ дворцѣ узнали мы
О козни этой. Я послалъ его. (*указываетъ на Ряполовскаго*).

РЯПОЛОВСКІЙ.

А я накрылъ и подъ плетьми подробно
Развѣдалъ все и поясъ отыскалъ.

ИВАНЪ.

Спасибо вамъ! Усердья не забуду.
А гдѣ-жъ она? колдунья?

ПАТРИКѢЕВЪ.

У меня
Въ подземномъ срубѣ.

ИВАНЪ.

Кто-жъ была посломъ?
Постельницу узнали?

ПАТРИКѢЕВЪ.

По примѣтамъ,
Полу́шкина.

ИВАНЪ.

Схватить ее тайкомъ!
Обманомъ вызвать... ловко... осторожно,
И у себя до завтра схорони.
Какъ смѐркнется, я съ Гусевымъ пріѣду
И допрошу по своему ихъ самъ.
Теперь ступайте.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Мы приказъ исполнимъ
И будемъ ждать пріѣзда, государь! (*уходитъ съ Ряполовскимъ*).

ИВАНЪ.

Ты колдовать! Къ вѣдуньямъ обращаться
И на мое здоровье посягать...
Я васъ сожму! Я вамъ найду мѣстечко—
И матери, и сыну! Для Василья
Ты козни точишь! Хочется тебѣ
Его скорѣй увидѣть на престолѣ.

Увидишь!.. Нѣтъ, я такъ устрою васъ,
Что ужъ до смерти вамъ не увидаться.
Хитра ты, Софья! но и я не простъ,
И вѣрныхъ слугъ вокругъ себя имѣю.
Ты первенцу готовя своему
Престолъ отца тюрьму лишь приготовишь,
Да и сама туда же попадешь! (*ходитъ*).
Зачѣмъ она сегодня приходила?
Пожалуй, здѣсь наколдовала чѣмъ? (*стучитъ*; *входитъ* **стольникъ**)
Въ опочивальнѣ спать я ночь не буду,
А лягу тамъ, въ покоѣ угловомъ;
И никого ко мнѣ ты не допустишь,
Пока я самъ не выйду. Никого!
Ни сына, ни царицу, ни единой
Живой души! Ты понялъ?

СТОЛЬНИКЪ.

Будь спокоенъ,
Великій государь! Исполню все.

ИВАНЪ.

Ты ляжешь у дверей. Дозорной стражи
Нарядъ удвоить. Чтобы сплошь всю ночь
Подъ окнами дозорили надежно,
Безъ шума, тихо. Чтобъ никто не зналъ,
Гдѣ я ночую. (*даетъ знакъ рукою, стольникъ уходитъ*).
Прочитаю на ночь
Изъ требника молитвы на отгнанье

Духовъ нечистыхъ и волшебныхъ чаръ.
Ношу я крестъ съ священными мощами.
Не прикоснутся!.. О, она хитра,
Рѣшительна! Но я не дамъ ей время,
И жизнь свою надежно огражу.

Конецъ 1-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Картина 1-я.

Сѣни передъ крытымъ переходомъ изъ терема царицы въ теремъ царевичей. Въ глубинѣ большая печь. Темнѣетъ.

Два истопника вносятъ большой сундукъ.

1-й.

Поотдохнемъ немного. Тяжело!
Всѣ руки оттянуло. (*ставятъ сундукъ*). Говорилъ,
Чтобъ сторожей позвать.

2-й.

Отыщешь ихъ
Съ собаками! Когда ихъ дозовешься?
День цѣлый спятъ. Теперь недалекó.

1-й.

Недалеко. На лѣстницу придется
Его тащить.

2-й.

Дотащимъ. Посиди. (*садится на сундукъ*).
(*Входитъ* Протасьевъ *съ кафтаномъ на рукѣ*).

1-й.

Алеша, другъ! куда спѣшить? присядь.

ПРОТАСЬЕВЪ.

Несу кафтанъ царевича въ починку.
Что, какъ у васъ?

1-й.

Да плохо, милый другъ!
Совсѣмъ носы повѣсили. Серчаетъ
Инъ не на шутку государь. Вчера
И на рожденье сына не изволилъ
Придти къ столу.

ПРОТАСЬЕВЪ.

Съ чего бѣда такая
Стряслася вдругъ?

1-й.

Изъ-за дѣтей. Княгиня
Все внука выставляетъ, а царица
Своихъ дѣтей въ обиду не даетъ.
И заварилась каша.

ПРОТАСЬЕВЪ.

Что у нихъ,
То и у насъ въ быту одно и то же.
Всякъ за свое!

2-й.

Княгиня вѣдь чужая;
А наша-то царица государю
Жена законная.

1-й.

Жена, вѣстимо!
Да ужъ не молодая. Это, братъ,
Не то совсѣмъ.

2-й.

Жена не рукавица;
Не скинешь съ рукъ.

ПРОТАСЬЕВЪ.

Хотя не молода,
Да не проста: свое сумѣетъ взять.
Дай выждать время.

1-й.

Помоги Господь!
Теперь куда суровъ сталъ государь;
Какъ встрѣтится, душа уходитъ въ пятки.

ПРОТАСЬЕВЪ.

Суровъ къ чужимъ, дѣтей же пожалѣетъ.
Гдѣ отчій гнѣвъ, и милость тамъ близка.

1-й.

Давай-то Богъ! Какъ при недугѣ смертномъ
Въ хоромахъ стало. Всѣ со страхомъ ждутъ,
Не грянетъ-ли внезапная бѣда
На матушку-царицу, на дѣтей
Ея опальныхъ.

ПРОТАСЬЕВЪ.

Поживемъ, увидимъ.

1-й.

Спаси Господь! Ну что царевичъ твой?

ПРОТАСЬЕВЪ.

Да ничего! Ему работы мало.
Гуляй, да тѣшься.

2-й.

Молвятъ во дворцѣ,
Что онъ до бабъ охотникъ?

ПРОТАСЬЕВЪ.

Въ наши годы
Кому онѣ противны.

2-й.

Кто-жъ его
Приворожилъ. Скажи!

ПРОТАСЬЕВЪ.

Тебѣ зачѣмъ
Объ этомъ знать?

2-й.

Да такъ.

1-й.

А ты-то знаешь?

ПРОТАСЬЕВЪ.

Что знаю я, при мнѣ и остается;
А зря болтать лишь бабамъ не въ терпежъ.

(*Изъ дверей въ теремъ царевича вбѣгаетъ* **Кондакова**).

1-й (*загораживая ей дорогу*).

Куда бѣжишь?

КОНДАКОВА.

Тебѣ какое дѣло?

2-й.

Тащи сюда! клади ее въ сундукъ!

КОНДАКОВА.

Не тронь меня! Кричать начну, узнаешь,
Гдѣ гладятъ васъ.

1-й.

Кричи себѣ, кричи!
Лишь домовой въ трубѣ тебя услышитъ.
Давай намъ выкупъ! Инàче тебя
Не выпустимъ.

КОНДАКОВА.

Какой вамъ выкупъ?

1-й.

Знаешь,
Чѣмъ вы богаты. Поцѣлуй разокъ.

КОНДАКОВА.

Пусти, нахальникъ!
(*хочетъ пройти; всѣ загораживаютъ ей дорогу*).

ПРОТАСЬЕВЪ.

Не скупись, Мареуша!
Вѣдь не убудетъ у тебя.

КОНДАКОВА.

Пустите!
Пожалуюсь!

1-й.

Такъ и повѣрятъ. Дудки!
Какой отвѣтъ сама держать ты станешь,
Коль на допросъ потянутъ, для чего
Въ царевичъ теремъ бѣгала.

КОНДАКОВА (*въ сторону*).

Злодѣи!
Не увернешься.

2-й.

Что-же?

КОНДАКОВА.

Такъ и быть!
Что съ вами дѣлать. Разикъ поцѣлую.
Кидайте жребій, начинать съ кого.

1-й.

Начни съ меня.

КОНДАКОВА.

Другимъ обидно будетъ.
Нѣтъ, лучше жребій. (*вынимаетъ изъ кармана три орѣха*).
Вотъ, нашла. Берите!
Тутъ три орѣха. Сдѣлайте отмѣтки
И положите въ шапку.

1-й (*протягивая руку*).

Дай!

КОНДАКОВА (*отступая*).

Не дамъ!

Хоть поклонитесь мнѣ разокъ за это. (*бросаетъ орѣхи въ сторону на полъ*).

Вотъ вамъ на всѣхъ! Живѣй ловите!

(*Истопники бросаются поднимать орѣхи. Кондакова, пользуясь этимъ, убѣгаетъ*).

КОНДАКОВА (*въ дверяхъ*).

Дурни!

Съ орѣхами цѣлуйтесь! (*захлопываетъ двери*).

1-й.

Убѣжала.

ПРОТАСЬЕВЪ.

Заноза дѣвка!

2-й (*раскусывая орѣхъ*).

Тьфу! гнилой!

1-й.

Надула. (*подходитъ къ сундуку*).

Бери Павлуха! Понесемъ. Пора! (*поднимаетъ сундукъ*).

ПРОТАСЬЕВЪ.

Не подсобить-ли?

2-й.

Подсоби, родимый!
Втроемъ способнѣе. (*Протасьевъ помогаетъ*). Вотъ такъ! Теперь
Полегче стало. Донесемъ шутя. (*уходятъ съ сундукомъ*).
(*входитъ* **Арина**).

АРИНА.

Охъ, страшно какъ! Едва убереглась.
Сундукъ несли истопники. Могли
Меня замѣтить. Какъ темно! Едва
Изъ бѣлошвейни удалось урваться. (*Въ окна падаетъ свѣтъ луны*).
Свѣтлѣе стало. Страшно! Сердце бьется,
Какъ птица въ западнѣ. Скорѣй бы только
Царевича увидѣть. Ненаглядный!
Приди! приди! Не даромъ я тебя
Во снѣ ласкала. Такъ всегда боюся
Обмолвиться во снѣ. Когда проснусь,
Все думаю, не молвила-ли имя
Дружка завѣтнаго. Царевичъ мой!
Спѣши ко мнѣ! (*прислушивается*). Идетъ! Но не одинъ.
Куда бы схорониться поскорѣе. (*прячется за печь*).
(*входятъ* **Василій и Поярокъ**).

ПОЯРОКЪ.

Повѣрь, царевичъ! Будь ты остороженъ
Здѣсь, во дворцѣ. Слѣдитъ за вами врагъ.
Всѣ ваши рѣчи переносятъ тайно;
Не безъ прикрасъ доводятъ ежедень

До государя. И все больше въ немъ
Противъ тебя и матушки царицы
Растетъ нелюбье.

ВАСИЛІЙ.

Кто же это, Фролъ,
На насъ доноситъ?

ПОЯРОКЪ.

Мало-ли народа
Снуетъ вокругъ.

ВАСИЛІЙ.

Остерегаться всѣхъ —
И жить не стоитъ. Бабъ у насъ довольно.
Должно быть ихъ работа.

ПОЯРОКЪ.

Баба — ковшъ!
Что зачерпнетъ, сейчасъ переливаетъ.
Тутъ уши бабьи, спора нѣтъ; но врагъ,
Который вѣсти ихъ царю доноситъ,
Не баба.

ВАСИЛІЙ.

Кто-же?

ПОЯРОКЪ.

Домекаю я,
Что это Тороканъ. Онъ золъ, хитеръ,
Завистливъ, жаденъ; на такое дѣло
Повадливъ.

ВАСИЛІЙ.

Если это онъ — не даромъ
Ко мнѣ нелюбье держитъ.

ПОЯРОКЪ.

Почему?
Аль досадилъ ему?

ВАСИЛІЙ.

Нѣтъ, съ нимъ самимъ
Не доводилось ссориться; но можетъ
Онъ недоволенъ мною быть.

ПОЯРОКЪ.

За что?

ВАСИЛІЙ.

Да такъ! Скажу потомъ когда-нибудь.
Теперь не время. Слушай-ка, дружище!
Ты не торопишься-ль куда?

ПОЯРОКЪ.

Не надо
Мнѣ никуда спѣшить.

ВАСИЛІЙ.

Такъ поспѣши
Куда-нибудь. Оставь меня! Мнѣ нужно
Тутъ позамѣшкать.

ПОЯРОКЪ.

Хорошо, царевичъ!
Уйду сейчасъ! Мѣшать тебѣ не стану.
Въ счастливый часъ! Но только стерегись
И не болтай, чего болтать не нужно.
Прощай!

ВАСИЛІЙ.

Прощай! (*Поярокъ уходитъ*). Пусть на меня доноситъ
Проклятый аспидъ! Я съ его женой
Сведу расчетъ.

АРИНА (*выходитъ изъ-за печи*).

Царевичъ милый. Здравствуй!

ВАСИЛІЙ.

Откуда ты?

АРИНА.

Пришла сюда я раньше,
Да услыхала, что идутъ вдвоемъ,
И схоронилась. Здравствуй!

ВАСИЛІЙ (*обнимая и цѣлуя*).

Здравствуй,
Моя голубка! Долго дожидалась?

АРИНА.

Недолго, милый! Только я боюсь!
Тайкомъ ушла. Меня схватиться могутъ.
Постылый мужъ, какъ тѣнь, слѣдитъ за мной.

ВАСИЛІЙ.

Не сослѣдитъ. И вздумала-жъ ты взять
Въ мужья себѣ нетопыря ночного,
Кикимору!

АРИНА.

Неволей, милый, шла.
Подъ плетью батюшки дала согласье.
Топиться вздумала. Изъ озера меня
Едва живую вытащили.

ВАСИЛІЙ.

Вотъ какъ!
Такой товаръ, да ракамъ на ѣду.
Пусть лучше мнѣ достанется. (*цѣлуетъ*). Со мною
Теплѣе будетъ.

АРИНА.

Ахъ, желанный мой!
Какъ я люблю тебя!

ВАСИЛІЙ.

Люби! люби!
И мнѣ пришлась ты по-сердцу, голубка!
Красавица!

АРИНА (*ласкаясь*).

Голубчикъ!

ВАСИЛІЙ.

Какъ бы мнѣ
Пробраться къ вамъ?

АРИНА.

И думать не моги!
Замки, затворы, на дверяхъ, на окнахъ;
А на дворѣ не псы, а лютость злая
На лапахъ бѣгаетъ.

ВАСИЛІЙ.

Досадно! Мало
Тебя урывкомъ видѣть. Любо мнѣ
Съ тобой бы безъ помѣхи повидаться;
Какъ милую подружку приласкать
Безъ опасенья, всласть, и на груди
Твоей лебяжьей дремой позабыться.
И не ушелъ бы до утра!

АРИНА.

И я
Готова жизнь отдать за день съ тобой,
Наединѣ, вдвоемъ, въ горячей ласкѣ,
Въ твоихъ объятьяхъ сладкихъ. Дорогой!
О, если-бъ зналъ ты горе мое злое!
Какъ мнѣ противенъ мужъ.

ВАСИЛІЙ.

Да, некрасивъ.
Уродъ такой, какихъ на свѣтѣ мало.

АРИНА.

Не знаю, что и дѣлать! Если-бъ только
Не ты, желанный! ужъ давно-бы я

Иль въ воду кинулася, иль его,
Какъ гадину болотную, убила.

ВАСИЛІЙ.

Ты не горюй! Покрѣпче поцѣлуй—
И легче станетъ. (*цѣлуетъ*). Ну, еще разочекъ!
Горяченькій! какъ съ пылу. Обожги! (*цѣлуетъ*).
Вотъ такъ! Спасибо!

АРИНА.

Соколъ ненаглядный!
Родной мой свѣтикъ. Вѣдь въ тебѣ одномъ
Вся жизнь моя! и радость, и утѣха,
И все, и все! (*прислушивается*). Подходятъ.

ВАСИЛІЙ.

Схоронись!
(*Арина прячется за печку*).

ТОРОКАНЪ (*тихо отворяетъ дверь и вглядывается*).

Кто тамъ таится?

ВАСИЛІЙ.

Я.

ТОРОКАНЪ (*подходя*).

Царевичъ, ты?
Куда идти изволишь?

ВАСИЛІЙ.

Да къ царицѣ.

ТОРОКАНЪ.

И кстати какъ! Сейчасъ мнѣ приказала
Тебя позвать. Въ свѣтлицѣ быть изволитъ.
Прислали ей изъ Рима погребецъ
Съ хрустальными сулейками. Красиво
Налажено, какъ яхонты горятъ.

ВАСИЛІЙ.

Пойдемъ со мной.

ТОРОКАНЪ.

Нѣтъ, не могу, царевичъ!
Мнѣ дѣло есть.

ВАСИЛІЙ.

Коль дѣло, такъ ступай,
Куда потребно.

ТОРОКАНЪ (*оглядываясь*).

Я пойду, царевичъ!
Не запоздай и ты къ царицѣ.

ВАСИЛІЙ.

Ладно!
Не запоздаю. (*Тороканъ уходитъ*). Пережди, Ариша,
Да и ступай скорѣе въ бѣлошвейню,
Пока твой мужъ вернуться не успѣлъ. (*подходитъ къ Аринѣ*).
Прощай!

АРИНА (*выходя изъ-за печки*).

Прощай, желанный соколъ мой!
Господь съ тобой! (*цѣлуются. Василій уходитъ*).

АРИНА.

Дрожатъ со страха ноги.
Боюсь всего! (*идетъ къ дверямъ. Тороканъ тихо крадется изъ противоположной двери и хватаетъ Арину сзади за плечи*).

ТОРОКАНЪ.

Куда идешь? постой!

АРИНА.

Ахъ, Боже мой!

ТОРОКАНЪ.

Чего оторопѣла?
Зачѣмъ ты здѣсь? Къ кому сюда пришла?

АРИНА.

Я ни къ кому. . . Я шла къ княгинѣ Пронской,
Къ боярынѣ свѣтличной.

ТОРОКАНЪ.

Развѣ здѣсь
Дорога къ ней?

АРИНА.

Запуталась въ потемкахъ.

ТОРОКАНЪ.

Запуталася. Сбилася съ пути.
Съ царевичемъ сошлася ненарокомъ.
О чемъ шепталась съ нимъ? Я слышалъ!
Меня не проведешь.

АРИНА.

Спросилъ меня
Царевичъ...

ТОРОКАНЪ.

Что?

АРИНА.

Не помню, Митричъ.
Перепугалась очень.

ТОРОКАНЪ.

Вишь, труслива.
Лукавый родъ! и кошачью повадку
Безъ наученья знаетъ. Я тебя
Попотчую ужо! Не станешь больше
Съ царевичами прятаться въ потьмахъ.
Иди отсюда въ горницу къ Анѳисѣ
И жди меня, пока я не приду
Тебя домой отвесть! Иди! Иди!
Съ тобой расправлюсь я наединѣ.
Не позабудешь!

(*Арина уходитъ*).

ТОРОКАНЪ.

Вотъ ты какъ, царевичъ!
Съ чужими женами якшаться вздумалъ.
Я отплачу тебѣ! До смерти будешь
О томъ ты помнить. Государь на васъ
И то во гнѣвѣ, а ужъ я теперь
Ожесточить его въ конецъ сумѣю.
Его опалу наведу на васъ!
Поплатишься жестоко. Не забудешь,
Насколько сладокъ поцѣлуй жены,
И горекъ мужа за него подарокъ.
Я не спущу! Коли меня не любишь,
Не смѣй любить и никого! Не дамъ
Къ ней прикоснуться! Загублю на смерть!
Годами мукъ въ гнилой подземной ямѣ
Заплатишь ты, царевичъ, за попытку
Мою жену въ любовницы сманить.

Картина 2-я.

Комната во дворцѣ Софьи. Вечеръ.

Софья и Аристотель.

СОФЬЯ.

И про меня не говорилъ?

АРИСТОТЕЛЬ.

Ни слова.

Хоть зналъ, что я вчера былъ удостоенъ
Твоимъ столомъ, царица.

СОФЬЯ.

Все съ Оленой
Онъ нѣжничаетъ.

АРИСТОТЕЛЬ.

Милостивъ онъ къ ней,
И къ внуку также.

СОФЬЯ.

Просьба есть къ тебѣ
Не малая. Ты перешли письмо
Въ Неаполь, къ брату.

АРИСТОТЕЛЬ.

Съ кѣмъ послать, царица?

СОФЬЯ.

Чрезъ итальянцевъ, родичей твоихъ.

АРИСТОТЕЛЬ.

Слѣдятъ за ними строго. Вдругъ узнаютъ
Тогда и намъ, да и тебѣ бѣда.

СОФЬЯ.

Пообсуди.

АРИСТОТЕЛЬ.

Готовъ служить, царица!
Поговорю. А если снова въ милость
Войдешь къ царю — не позабудь меня.
Похлопочи, чтобъ отпустилъ въ Болонью,
Хотя на время. Смертною тоскою
Болѣю я по родинѣ.

СОФЬЯ.

Прощай!
Я постараюсь. Помоги и ты.
Узнаешь что̀ — предупреди.

АРИСТОТЕЛЬ.

Охотно.
Съ тобой въ рѣчахъ я душу отвожу,
Италію родную вспоминая.
Прощай, царица! (*уходитъ*).

СОФЬЯ.

Все печальнѣй вѣсти!
Въ опалѣ мы. Онъ охладѣлъ совсѣмъ
И что-то затѣваетъ. Къ молдаванкѣ
Становится все ласковѣй и внука
Все чаще видитъ, а моихъ дѣтей,
Словно чужихъ, и знать совсѣмъ не хочетъ.
Я помогла ему его державство
Поставить на высокую ступень
И отблескомъ былой царьградской славы

Свой возвеличить княжескій престолъ.
А онъ меня чуждаться нынѣ началъ,
И унижаетъ даже при другихъ
Мой царскій санъ. Съ какимъ меня позоромъ
Онъ удалилъ намедни изъ дворца
Въ присутствіи враговъ моихъ коварныхъ.
Горѣла я стыдомъ неизъяснимымъ
Отъ словъ его. Кипѣла гнѣвомъ кровь!
Но скрыть должна была свое волненье
Предъ торжествомъ ихъ. (*задумывается*). Отдалилъ совсѣмъ;
Забылъ дѣтей — и ходитъ слухъ не даромъ,
Что хочетъ всенародно онъ вѣнчать
Димитрія наслѣдникомъ престола.
Какая-жъ участь ждетъ тогда на свѣтѣ
Моихъ дѣтей? Нѣтъ, этого не будетъ! (*встаетъ*).
Я о себѣ не думаю. Пускай
Онъ меня броситъ, даже позабудетъ,
Казнитъ, изгонитъ! — но моихъ дѣтей,
Пока жива, не выдамъ беззащитно
На произволъ соперницы моей!
Я постою за нихъ и ужъ сумѣю
Отъ хитрыхъ козней вражьихъ охранить.
Я Византіи дочь! Во мнѣ державныхъ
Восточныхъ кесарей преемственная кровь!
И не забыла я родныхъ преданій,
Рѣшимость предковъ въ случаяхъ такихъ. (*стучитъ, входитъ* Чашникова).
Позвать ко мнѣ Варвару!

ЧАШНИКОВА.

Нѣтъ ея,
Пресвѣтлая царица!

СОФЬЯ.

Какъ вернется,
Сейчасъ позвать.

ЧАШНИКОВА.

Отпущена къ отцу.

СОФЬЯ.

Зови ко мнѣ княгиню Парасковью.

ЧАШНИКОВА.

Сейчасъ, пресвѣтлая царица! (*уходитъ*).

СОФЬЯ.

Надо
Мнѣ разъяснить. Неужели открылось?
Тогда бѣда! (*входитъ княгиня* **Палецкая**).

ПАЛЕЦКАЯ.

Что́ приказать изволишь,
Пресвѣтлая царица?

СОФЬЯ.

Гдѣ Варвара?

ПАЛЕЦКАЯ.

Не вѣдаемъ. Вчера за ней прислалъ
Ея отецъ; сказали — занедужилъ.
Я отпустила — и до сей поры
О ней нѣтъ вѣсти.

СОФЬЯ.

Прикажи, не медля,
Послать за ней туда, къ ея отцу,
И упредить, что на ночь отпущу
Ее опять; но что сейчасъ она
Нужна мнѣ очень. Да пошли, княгиня,
Надежную, Шибаеву Ульяну.
Чтобъ не болтала лишняго; хитро
И осторожно разузнала все:
Гдѣ ночевала, гдѣ теперь Варвара,
Кто приходилъ за ней, и въ ночь иль днемъ
Не отлучалась-ли она оттуда?

ПАЛЕЦКАЯ.

Сейчасъ пошлю; узнаемъ все, царица. (*уходитъ*).

СОФЬЯ.

Варвара опытна, хитра и съ виду
Мнѣ предана; но все случиться можетъ...
И если только вороги мои
Узнаютъ нашу тайну—мы погибли!
И я, и дѣти также. (*входитъ* Чашникова).

ЧАШНИКОВА.

Князь Иванъ
Ивановичъ пожаловать изволилъ.

СОФЬЯ.

Зови сюда! (*Чашникова уходитъ*). Развѣдаль что нибудь.
На преданность его я полагаюсь. (*входитъ* **Палецкой**).

ПАЛЕЦКОЙ.

Поклонъ тебѣ, пресвѣтлая царица!
Чѣмъ такъ встревожена?

СОФЬЯ.

Плохія вѣсти
Идутъ отвсюду.

ПАЛЕЦКОЙ.

Да, не хороши.
Недобрыя.

СОФЬЯ.

Скажи и ты, что слышалъ.

ПАЛЕЦКОЙ.

Сегодня утромъ во дворцѣ прошелъ
Зловѣщій слухъ, что государь надумалъ
Наслѣдникомъ престола объявить
Димитрія.

СОФЬЯ.

А что-жъ мой сынъ Василій?

ПАЛЕЦКОЙ.

Помѣхой станетъ. Вѣдаешь сама,
Какъ государь помѣхи устраняетъ.

СОФЬЯ.

Ужасный слухъ! Что-жъ дѣлать надо намъ?
Какъ помѣшать? не допустить? Нельзя же
Родныхъ дѣтей мнѣ выдать головой.
Я соглашусь на все!

ПАЛЕЦКОЙ.

Да, съ государемъ
Плохія шутки! Не привыкъ жалѣть.
Совѣтъ держать въ дѣяніяхъ своихъ
Ни съ кѣмъ не любитъ. Что ужъ разъ рѣшитъ,
То и исполнитъ. Плохо имъ придется,
Твоимъ сынамъ. Въ тюрьмѣ подземной мѣста
Еще довольно.

СОФЬЯ.

Что-же дѣлать мнѣ?

ПАЛЕЦКОЙ.

Рѣшаться надо. Смѣлымъ Богъ владѣетъ!
Летать орлу, доколѣ крылья есть.
Вотъ я схожу и позову Василья,
И поразсудимъ сообща втроемъ. (*уходитъ*).

СОФЬЯ.

Тюрьма, тюрьма!.. Нѣтъ, я не допущу
Моихъ дѣтей сгубить въ его темницѣ!
Пусть лучше смерть, изгнанье, нищета—
Но не тюрьма подземная! (*входятъ* **Василій и Палецкой**).
Ты слышалъ,
Что ждетъ тебя, съ тобою же и насъ?

ВАСИЛІЙ.

Повѣдалъ князь. И хочется не вѣрить;
Но знаю батюшку. Возможно ждать.

ПАЛЕЦКОЙ.

Примѣровъ много.

СОФЬЯ.

Надо торопиться.

ПАЛЕЦКОЙ.

Да, медлить нечего.

ВАСИЛІЙ.

Что-жъ дѣлать? Говори!

ПАЛЕЦКОЙ.

Бѣжать скорѣй!

ВАСИЛІЙ.

Куда?

ПАЛЕЦКОЙ.

Гдѣ посвободнѣй.

ВАСИЛІЙ.

Куда-жъ? Скажи!

ПАЛЕЦКОЙ.

Ты вѣдаешь, царевичъ,
Что въ Вологдѣ хранится много лѣтъ
Казна царева. Полети туда,
Ей овладѣй! а съ ней ужъ легче будетъ
Вести дѣла. Немало недовольныхъ
Есть на Руси; сберутся вкругъ тебя.
Царь не изъ храбрыхъ. Онъ уступитъ силѣ.
А мы поищемъ здѣсь, какъ поудобнѣй
Съ Димитріемъ покончить навсегда.
Тогда тебѣ, царевичъ, легче будетъ
Съ отцомъ сойтись. Вѣдь больше у тебя
Никто права оспаривать не станетъ.

СОФЬЯ.

Совѣтъ хорошъ. Удастся-ль изъ Москвы
Ему уйти?

ПАЛЕЦКОЙ.

Ты предоставь, царица,
Намъ это дѣло. Много вѣрныхъ слугъ
Есть у царевича; они охранно
Его съ Москвы до Вологды домчатъ. (*стукъ, входитъ* **Палецкая**).

ПАЛЕЦКАЯ.

Царица! не было Варвары у отца.
Не присылалъ; да онъ совсѣмъ не боленъ.

СОФЬЯ.

Такъ гдѣ-жъ она?

ПАЛЕЦКАЯ.

Пропала безъ слѣда!

СОФЬЯ.

Пропала, молвишь?.. Ты уйди, княгиня,
И никого сюда не допускай!
А если царь иль по его приказу
Ко мнѣ придутъ, сейчасъ же упреди,
Не мѣшкая.

ПАЛЕЦКАЯ.

Покойна будь, царица. (*уходитъ*).

СОФЬЯ.

Нельзя намъ медлить! Будь смѣлѣй, Василій!
Рѣшайся!.. Надо!.. Иль грозитъ бѣда
Тебѣ, и мнѣ, и братьямъ.

ПАЛЕЦКОЙ.

Что́ тебя
Такъ растревожило, царица?

СОФЬЯ.

Вѣсти
Недобрыя... Варвары не найдутъ...
Схватили вѣрно. Можетъ меня выдать...

Ее къ колдуньѣ посылала. Выдастъ...
Разскажетъ все... тогда погибла я!
Со мной и дѣти!

ВАСИЛІЙ.

Не видать, родная,
Имъ гибели твоей! (*къ Палецкому*). Готовъ я, князь,
Бѣжать, не медля. Подниму съ собою
Всѣхъ недовольныхъ; встану на отца;
Погибну лучше — но тебя, родная,
Пока я живъ, на гибель не отдамъ!

СОФЬЯ (*обнимая сына*).

Достойный сынъ! Да будетъ надъ тобою
Благословенье матери и братьевъ
Горячія молитвы.

ПАЛЕЦКОЙ.

Собирайся
Скорѣе въ путь! Когда совсѣмъ стемнѣетъ,
Жди насъ въ саду, подъ дубомъ, у стѣны,
Возлѣ калитки. Знаешь? И калитку
Ты отомкни заранѣе. Къ тебѣ
Придетъ Поярокъ. Съ нимъ тихонько выйди,
Пройди за Кремль, тамъ сядешь на коня
И съ слугами надежными твоими
Проѣдешь безъ помѣхи по Москвѣ.
Когда жъ удастся миновать заставы,
Лети, какъ вѣтеръ, не жалѣй коней,
Безъ остановки въ Ярославль, чрезъ Волгу

И въ Вологду. Тамъ объяви себя,
Казною овладѣй въ царево имя
И съ нею смѣло начинай свое
И для Руси спасительное дѣло.
А ты, царица, не жалѣй казны
Теперь для сына. Все, что только можешь,
Ему отдай!

СОФЬЯ.

Отдамъ! Не пожалѣю.

ПАЛЕЦКОЙ (*къ Василью*).

Такъ собирайся! Я же поспѣшу
Поторопить друзей твоихъ надежныхъ,
Чтобъ снаряжалися въ далекій путь.
Устроимъ все. Спокойна будь, царица! (*уходитъ*).

СОФЬЯ.

Прощай, мой сынъ!

ВАСИЛІЙ.

Прощай, моя родная!
Благослови меня. (*становится на колѣни*).

СОФЬЯ (*благословляя*).

Будь остороженъ.
Не горячись... Но ужъ на что рѣшишься,
Такъ исполняй упорно до конца!
Не забывай, что можешь головой
Отвѣтить ты, и ждетъ ее въ грядущемъ

Престолъ — иль плаха! И моя судьба
Съ судьбой дѣтей въ твоихъ рукахъ отнынѣ.
Ступай, сберись! А смéркнется, тогда
Приди сюда; я передамъ тебѣ
Что подъ рукой есть цѣннаго.

ВАСИЛІЙ.

Родная!
Спокойна будь. Я постараюсь сдѣлать
Все, что смогу. Молися за меня!

СОФЬЯ.

А если не удастся, то не медли:
Чрезъ земли новгородскія иль Чудью
Въ владѣнья свейскія тайкомъ спасайся.
Тамъ объявись, и гдѣ найдешь поддержку,
Переговоры начинай съ отцомъ;
А мы тебѣ, чѣмъ можемъ, здѣсь пособимъ
И Дмитрія сумѣемъ отстранить. (*цѣлуетъ Василья*).

ВАСИЛІЙ.

Я чту отца, но ты, моя родная,
И ближе, и дороже для меня! (*уходитъ*).

СОФЬЯ.

Дай Богъ ему желаннаго успѣха!
Царица я — и вѣрною женой
Царю и мужу быть всегда готова.
Но если онъ рѣшится посягнуть

На жизнь дѣтей или на ихъ свободу,
На ихъ права по роду своему —
Тогда мнѣ выбора иного нѣтъ!
За ихъ судьбу я, мать, на все готова!
И защищать ихъ буду до могилы,
Пожертвовавъ и мужемъ, и отцомъ.

Конецъ 2-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ

Картина 1-я.

Нижній дворцовый садъ. Слѣва высокій тынъ и въ немъ калитка. Справо крыльцо дворца царевичей. Посреди большой дубъ. Въ глубинѣ кремлевская каменная бѣлая стѣна, на которую ведетъ лѣстница изъ сада. Вечеръ. По стѣнѣ ходитъ стражникъ.

КОНДАКОВА (*крадется по саду*).

Пока калитку отопру. (*подходитъ къ калиткѣ и отпираетъ ее, доставъ ключъ изъ тайника въ стѣнѣ*) Позднѣе
Скользну сюда и съ милымъ хоть немного .
Побуду вмѣстѣ. (Чашникова *показывается между деревьями*).
Кто это идетъ?
Скорѣй за дубъ родимый схоронюся.
(*прячется за дубъ*).

ЧАШНИКОВА.

Придетъ иль нѣтъ? Мнѣ долго ждать нельзя.
Шепнулъ: приди, когда совсѣмъ стемнѣетъ.
А самого и нѣтъ!

(*Издали раздается протяжный на распѣвъ окликъ стражника: «Славенъ городъ Москва»; стражникъ на стѣнѣ отвѣчаетъ тоже на распѣвъ: «Славенъ городъ Кіевъ»; третій вдали продолжаетъ: «Славенъ городъ Володимеръ»*).

И стража стала
Перекликаться. Ишь, какой дрянной!

Не думаетъ. А тутъ томись, да жди
Безпутнаго. (*вглядывается*). Тамъ кто-то есть за дубомъ.
Кто тамъ стоитъ? Мареутка, это ты?

КОНДАКОВА (*выходя изъ-за дуба*).

Я, Глаша, я!

ЧАШНИКОВА.

Зачѣмъ-же хоронилась
Ты отъ меня?

КОНДАКОВА.

Не вѣдала что ты.
Подумала: не старая-ли Домна
Подглядывать пришла, и испугалась
Грозы-то нашей.

ЧАШНИКОВА.

Для чего-же ты
Сюда пришла?

КОНДАКОВА.

Такъ, мимоходомъ, Глаша.

ЧАШНИКОВА.

Какой тутъ мимоходъ. (*въ сторону*). Она, должно быть,
Кирилку ждетъ. (*къ Кондаковой*). Нельзя обѣимъ намъ
Хоромы оставлять. Хватиться могутъ.

КОНДАКОВА.

Я, Глашенька, не знала, что и ты
Ушла оттуда.

ЧАШНИКОВА.

Я — другое дѣло!
Мнѣ наказала принести... мнѣ нужно...
Да некогда съ тобою толковать!
Иди скорѣй!

КОНДАКОВА.

Голубушка, послушай!

ЧАШНИКОВА.

Не стану слушать! Некогда! Ступай!
Вотъ выдумала въ темнотѣ шататься.
Иди! иди!

КОНДАКОВА (*уходя*).

Сама навѣрно ждешь
Алешку своего.

ЧАШНИКОВА.

Пошла, лепешка! (*Кондакова уходитъ*).
Ночной порой, какъ совушки-сестрички,
Ютимся мы въ царициномъ саду.

ПРОТАСЬЕВЪ (*съ крыльца*).

Ты, Глаша, здѣсь?

ЧАШНИКОВА.

Иди сюда!

ПРОТАСЬЕВЪ.

Не время!
Я занятъ очень. Приходи позднѣй
И поджидай. Придешь?

ЧАШНИКОВА.

Приду, вѣстимо!
Не обмани.

ПРОТАСЬЕВЪ.

Зачѣмъ? Не на расправу
Идти придется. Ты не запоздай.

ЧАШНИКОВА.

Прощай! Не запоздаю. *(Протасьевъ уходитъ).*
Бѣдовый парень! А люблю! Всю душу
Отдамъ за ласку сладкую его.
Не дологъ срокъ. Остался только мѣсяцъ
Ему служить въ истопникахъ; уѣдетъ
Въ свое помѣстье и опять полгода
Здѣсь изнывай въ разлукѣ. Позабудетъ,
Коль не возьметъ съ собою, какъ жену.
Не увернется! Милаго дружка
Не выпущу отсюда холостого;
Измѣнчивы на женскую любовь.

Пойду скорѣй, Марѳуткѣ такъ подстрою,
Чтобъ ей сюда нельзя было придти. (*уходитъ*).
(*Въ глубинѣ показывается* **сѣнной сторожъ** *и обходитъ садъ*).

СТОРОЖЪ.

Исправно все, калитка заперта.
Пойду вздремну, умаялся сегодня. (*уходитъ*).
(*Съ крыльца сходитъ* **Василій** *въ дорожной одеждѣ*).

ВАСИЛІЙ.

Трепещетъ сердце. Удалось бы только
Изъ города пробраться, а ужъ тамъ
Свободнѣй будетъ. (*подходитъ къ калиткѣ*). Надо отпереть.
(*вынимаетъ изъ тайника ключъ и пробуетъ замокъ*).
Ужъ не испортился-ли? (*пробуетъ калитку*). Отперта.
Поярокъ знаетъ всѣ ходы; не даромъ
Царицынъ сынъ боярскій. Страшный шагъ!
Коль не удастся — гибель! Здѣсь не легче.
Сгніешь въ тюрьмѣ. Тамъ много у отца
Родныхъ и старшій дядя въ заключеньи.
Не пожалѣлъ его, не пожалѣетъ
Меня и мать родимую мою.
Хоть тяжело ослушникомъ отца
Мнѣ сдѣлаться, междоусобья руку
Поднять мятежно; заповѣди Божьей
Оно противно; но иного нѣтъ
Теперь пути. Не на отца дерзаю
Возстать я днесь, но на Руси владыку,
Грозящаго погибелью царицѣ
И роду царственному своему.
Господь разсудитъ. (*въ калитку входитъ* **Поярокъ**). Это
ты, Поярокъ?

ПОЯРОКЪ.

Готово все и ждутъ тебя. Помедлить
Немного надо. Тамъ сейчасъ дозоръ
Ночной пройдетъ, тогда насъ не задержатъ.

ВАСИЛІЙ.

Гдѣ ждутъ насъ кони?

ПОЯРОКЪ.

За Неглинной, возлѣ
Ильинской церкви.

ВАСИЛІЙ.

Удалось бы только
Намъ миновать Фроловскія ворота.

ПОЯРОКЪ.

Спокоенъ будь! Сегодня у воротъ
Дозоритъ братъ. Пропустятъ безъ задержки.
А тамъ гайда! попробуй догонять.

ВАСИЛІЙ.

Идутъ съ крыльца. (*съ крыльца спускается* Палецкой).

ПАЛЕЦКОЙ.

Не бойтесь; это я! (*къ Поярку*).
Ты уже здѣсь. Ну что? ни въ чемъ не встрѣтилъ
Помѣхи?

ПОЯРОКЪ.

Нѣтъ! Уладилось отлично.
Готово все! Лишь надо обождать,
Пока дозоръ ночной пройдетъ дорогой
Мимо калитки.

ВАСИЛІЙ.

А пока ко мнѣ
Зайдите оба. (*къ Поярку*). Передамъ тебѣ
Я часть казны. Тяжеловѣсна будетъ
Для одного. Не донесешь, пожалуй!
(*уходятъ во дворецъ. Входитъ* Чашникова).

ЧАШНИКОВА.

Освободилась. Больше не нужна имъ
Вплоть до утра. Здѣсь душу отведу
Съ Алешинькой. (*къ дубу*). Укроешь, дѣдка, насъ.
Не выдашь ты, хоть многое видалъ,
Раскидистый! (*изъ сада вбѣгаетъ* Дуня).

ДУНЯ.

Ты, Глаша, здѣсь?

ЧАШНИКОВА.

Я здѣсь.
Чего тебѣ?

ДУНЯ.

Тамъ, у крыльца, внизу
Тебя зовутъ.

ЧАШНИКОВА.

Да кто?

ДУНЯ.

Просила слезно
Тебя сыскать. Едва отъ бѣга дышетъ.
«Зови скорѣе Глашу, говоритъ,
Что-бъ шла сюда къ сестрѣ своей Аринѣ.
На спѣшку дѣло!» Вся сама дрожитъ.
Недоброе должно быть приключилось.

ЧАШНИКОВА.

Теперь нельзя ее впустить въ хоромы.
Запрещено. Веди ее сюда,
Чрезъ ходъ сквозной, мимо воротъ, къ калиткѣ.
Я отопру. Да осторожнѣй, Дуня.
Не попадитесь!

ДУНЯ.

Ничего, не бойся!
Я проведу. (*уходитъ*).

ЧАШНИКОВА.

Зачѣмъ сестра Арина
Меня зоветъ? И какъ ей удалось
Уйти изъ дома въ праздникъ? (*подходитъ къ калиткѣ*).
Отперта.
Должно быть, отперла ее Мареутка
Для своего. Ошиблася немножко.
Сестру спроважу, да и затворю

На ключъ покрѣпче, чтобъ не помѣшали
Моей бесѣдѣ съ дорогимъ дружкомъ. (*Въ калитку входятъ* **Арина** *и* **Дуня**. *Арина подбѣгаетъ къ Чашниковой*).

ЧАШНИКОВА.

Зачѣмъ, Ариша?

АРИНА.

Глаша дорогая!
Гдѣ князь Василій?

ЧАШНИКОВА.

Кто?

АРИНА.

Царевичъ, Глаша!
Зови его сюда, сейчасъ! скорѣй!

ЧАШНИКОВА.

Зачѣмъ тебѣ?

АРИНА.

Зови его не медля!
Спасай его!

ЧАШНИКОВА.

Въ умѣ-ли ты?

АРИНА.

Въ умѣ!

Въ умѣ совсѣмъ! Ему грозитъ тюрьма!
Погибель! Смерть!

ЧАШНИКОВА.

Да какъ же ты узнала?

АРИНА.

Подслушала... отъ мужа... Поскорѣй
Его зови!

ЧАШНИКОВА.

Постой!.. Сейчасъ!.. Немного
Ты обожди...

АРИНА.

Нельзя, голубка, ждать!
Сейчасъ придутъ, тогда ужъ поздно будетъ.
Скорѣй зови!

ЧАШНИКОВА.

Охъ, Г'осподи!.. Не знаю
Кому сказать. Да вотъ никакъ онъ самъ
Сюда изволитъ жаловать. (*Съ крыльца сходятъ* **Василій, Палецкой** *и* **Поярокъ**).

АРИНА (*бросаясь къ Василью*).

Царевичъ!
Родной ты мой! Спасайся поскорѣй!
Бѣда тебѣ!

ВАСИЛІЙ.

Арина, это ты?
Какимъ путемъ сюда ко мнѣ добрàлась?

АРИНА.

Сама не знаю. Богъ меня довелъ!
Подслушала... у мужа... что сегодня
Тебя въ тюрьму сведутъ... и убѣжала
За ними вслѣдъ. Спѣши! спѣши!

ПАЛЕЦКОЙ.

Въ тюрьму?
Ты кто такая будешь?

ВАСИЛІЙ.

Торокана
Подъячаго жена.

ПАЛЕЦКОЙ (*къ Аринѣ*).

Ты не ошиблась?
Кто съ твоимъ мужемъ говорилъ у васъ?

АРИНА.

Князь Ряполовскій.

ПАЛЕЦКОЙ.

Такъ спѣши, царевичъ!
Спѣши скорѣй, пока еще твой путь
Передъ тобой на вѣки не закрылся!

ПОЯРОКЪ.

Да, торопиться надо! Поспѣшимъ!
Идемъ! идемъ!

ПАЛЕЦКОЙ.

Помилуй васъ, Господь!
Спѣшите! (*Идутъ къ калиткѣ, но она отворяется и въ нее входятъ князь* **Ряполовскій, Торованъ** *и* **Коробьинъ** *съ стражей. Арина скрывается за дубъ. Чашникова убѣгаетъ*).

РЯПОЛОВСКІЙ.

Стойте! Опоздалъ немного
Съ совѣтомъ ты. И среди васъ нашлися
Царевы слуги. (*къ Василью*). По его наказу,
Я долженъ взять тебя и ихъ подъ стражу
И отвести въ тюрьму. (*На крыльцо тоже выходитъ стража изъ дворца*).

ВАСИЛІЙ.

Какъ? и меня?

РЯПОЛОВСКІЙ.

Да—и тебя, царевичъ! Не противься.
Исполни волю отчую.

ВАСИЛІЙ (*оглядѣвшись*).

Готовъ
Исполнить волю государя. Ихъ же
За что берешь?

РЯПОЛОВСКІЙ.

Почуютъ сами, князь,
Въ чемъ виноваты. Наложить оковы
На нихъ обоихъ. (*стража налагаетъ оковы на Палецкаго и на Поярка*).

ПАЛЕЦКОЙ.

Не привелъ Господь
Тебѣ, царевичъ, послужить. Его
Да будетъ воля! Ты о насъ не думай.

ВАСИЛІЙ.

Простите мнѣ! Изъ за меня теперь
Вы сгибнете.

ПОЯРОКЪ.

Богъ милостивъ, царевичъ!
Молись ему. Лишь спасъ бы онъ тебя!
А вѣрныхъ слугъ довольно и безъ насъ
Твоихъ найдется.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Переловимъ всѣхъ.
Ведите ихъ! (*къ Василью*). Тебя же попрошу
Безъ противленья слѣдовать за ними.
Идемте! (*къ Коробьину*). У калитки, у крыльца
И въ княжьихъ комнатахъ сейчасъ поставь
У выходовъ надежнѣйшую стражу.
Чтобъ не впускали никого. Ты понялъ?
Ни братьевъ, ни царицу! Я вернусь

Сейчасъ сюда и мы, Назаръ, съ тобою
Повсюду обыскъ учинимъ. Теперь
Въ дорогу всѣ! Идите доброй волей;
Не вынуждайте къ силѣ прибѣгать.

(*Уходитъ съ Василіемъ, Палецкимъ, Поярковъ и частью стражи. Коробьинъ разставляетъ стражу у калитки и у крыльца, съ остальными уходитъ черезъ крыльцо во дворецъ*).

ТОРОКАНЪ.

Попался, милый другъ! Не станешь больше
Съ чужой женой въ потемкахъ ворковать.
Въ тюрьмѣ подземной будетъ поспокойнѣй
И не придется бабу обнимать.
Доволенъ я! (*слышны рыданія Арины*). Кто это? Кто тамъ плачетъ?
Знакомый голосъ. (*подходитъ къ Аринѣ*). Это ты, Арина?
Какъ ты сюда попала? Говори! (*хватаетъ ее за руку и выводитъ изъ-за дуба*).

АРИНА (*вырываясь*).

Оставь, постылый!

ТОРОКАНЪ.

Какъ ты очутилась
Здѣсь во дворцѣ съ царевичемъ опять?
Зачѣмъ пришла?

АРИНА.

Пришла своей охотой.
Нарочно прибѣжала упредить
Его о гибели! Узнала отъ тебя.

Подслушала... спасти его летѣла,
Желаннаго!.. любимаго!.. кому
И жизнь, и душу волей отдала!

ТОРОКАНЪ.

Такъ вотъ ты какъ! Постой же научу
Тебя покорности! (*хватаетъ ее за руку*).

АРИНА (*вырываясь*).

Не удалось
Его спасти и жить на свѣтѣ больше
Я не хочу съ тобою! Будь же проклятъ
Ты, нетопырь! А я ужъ не твоя!
И никогда отсель твоей не буду! (*вырывается, вбѣгаетъ на стѣну и кидается со стѣны въ воду*).

ТОРОКАНЪ.

Держи ее! держи!

СТРАЖНИКЪ (*со стѣны*).

Упала въ воду!

ТОРОКАНЪ (*падая на землю*).

Охъ, помогите! Ноги отнялись!
Встать не могу! Спасите! Охъ, спасите!
(*Изъ дворца выбѣгаетъ Коробьинъ съ нѣсколькими стражниками*).

КОРОБЬИНЪ (*подбѣгая къ Торокану*.

Чего орешь?

ТОРОКАНЪ.

Жена! Жена сбѣжала!
Тамъ, со стѣны... погибла! (*рыдаетъ*).

КОРОБЬИНЪ.

Не ори!
Съ ума ты спятилъ! Гдѣ ты тутъ жену
Свою нашелъ? *(къ стражѣ.)* Его постерегите,
И ротъ заткнуть, коль вздумаетъ орать! *(уходитъ во дворецъ).*

(Издали раздается протяжный, на распѣвъ, голосъ стражника: «Славенъ городъ Москва»; стражникъ со стѣны отвѣчаетъ: «Славенъ городъ Кіевъ», третій вдали продолжаетъ: «Славенъ городъ Володимеръ»).

Картина 2-я.

Во дворцѣ Ивана. Вечеръ.

ИВАНЪ *(сидитъ въ креслѣ).*

Одинъ, одинъ.. и долженъ быть одинъ.
Какъ государю, всѣ повиноваться
Мнѣ безъ изъятья всякаго должны:
Жена и дѣти, братья—и отецъ,
Когда бы самъ онъ государемъ не былъ.
Не легкій путь. На совѣсти грѣховъ
Лежитъ не мало... Но проститъ Господь
Мои вины, въ моей душѣ читая,
Что лишь одну я въ жизни мысль берегъ,
Единую—и ей одной служу,
И до конца служить не перестану.
То Божій даръ! Не храбрости, не кознямъ,

Не хитрости обязанъ я престолу,
А праву первородства по наслѣдью
Отъ прародителей. Господь избралъ
Меня царемъ наслѣдственной державы
И предками сбираемой земли.
Разрознена она еще не мало,
И трудъ большой въ грядущемъ предстоитъ.
Но много сдѣлано. И кто-жъ достойно
Послѣ меня продолжитъ подвигъ мой?
Кто собирать упорно не устанетъ
Удѣльный сбродъ, сплотитъ его въ одно,
И духъ крамольный всюду уничтожитъ?
Я жертвую Васильемъ. Не его
Я опасаюсь — мать его Софію.
Она властна̀ и станетъ заступаться
За сыновей и требовать для нихъ
Удѣловъ вольныхъ. У Олены-жъ сынъ
Всего одинъ, и нѣтъ въ ней жажды власти,
И плоть хранитъ въ томительномъ вдовствѣ.
Но молодъ Дмитрій... я же самъ старѣюсь;
Не долго жить — и мысль, кому оставить
Престолъ Руси, и день, и ночь меня
Тревожитъ сильно. Лишь бы мнѣ женить
На иноземкѣ царственнаго рода.
Его пришлось. Тогда она ему
Власть укрѣпить старательно поможетъ,
Какъ помогла мнѣ Софья. (*встаетъ*). Извести
Меня задумала. Натѣльный поясъ
Къ колдуньѣ посылала. Нѣтъ, нельзя
Ее простить! Чтобы скорѣй увидѣть

Царемъ Василья, извести меня
Не пожалѣетъ. Въ Византіи ихъ
Бывали случаи. Родной семьи
Я опасаться долженъ. Трудный путь!
А я старѣюсь... (*входитъ* **стольникъ**).

СТОЛЬНИКЪ.

Вавренецъ пришелъ,
Великій государь! и ждетъ приказа
Предстать предъ очи свѣтлыя твои.

ИВАНЪ.

Впусти! (*Стольникъ уходитъ. Иванъ садится въ кресло. Входитъ* **Вавренецъ** *и низко кланяется*).
Зачѣмъ явился, Ермолаичъ?
Съ какою вѣстью?

ВАВРЕНЕЦЪ.

Умерла сейчасъ
Борецкая.

ИВАНЪ.

Кто? Марѳа?

ВАВРЕНЕЦЪ.

Да, она.
Духовника просила.

ИВАНЪ.

Допустили?

ВАВРЕНЕЦЪ.

Нѣтъ.

ИВАНЪ.

Почему?

ВАВРЕНЕЦЪ.

Да ты не приказалъ
О ней тебя тревожить. Не посмѣли.

ИВАНЪ.

Похоронить потайно, безъ огласки,
На томъ дворѣ, гдѣ всѣхъ хоронишь ты.
Пускай монахъ Геронтій отпоетъ
Ее одинъ и въ гробъ ей разрѣшенье
Положитъ отъ грѣховъ. (*помолчавъ*). Что князь Арсеній
Живетъ еще?

ВАВРЕНЕЦЪ.

Живетъ.

ИВАНЪ.

Ужъ ты его
Не очень ли балуешь?

ВАВРЕНЕЦЪ.

Нѣтъ, у насъ
Не полагается, великій государь,
Ни баловства, ни льготы, ни поблажки.
На что ужъ братъ твой князь Андрей и тотъ

Въ верстѣ со всѣми. Плохъ здоровьемъ сталъ.
Недужитъ очень. Проситъ хоть немного
Ему на воздухъ выйти, освѣжиться,
На Божій свѣтъ предъ смертью поглядѣть. (*помолчавъ*).
Съ тобой проститься хочетъ предъ кончиной.

ИВАНЪ.

Зачѣмъ? Не надо!

ВАВРЕНЕЦЪ.

А духовника
Къ нему пустить?

ИВАНЪ.

Пусти; но не мѣшай
Меркулычу свое исполнить дѣло.
Сегодня скоро приведутъ къ тебѣ
Еще гостей. Такъ князю молодому
Надежную ты клѣтку приготовь.
Угольную. А остальныхъ посадишь
Всѣхъ вмѣстѣ и Меркулычу скажи,
Чтобъ записалъ старательно всѣ рѣчи,
Которыя услышитъ промежъ нихъ.
Къ разсвѣту жди меня. Ступай! (*Вавренецъ уходитъ*). Должны
Забрать ихъ во́-время. Семенъ толковый.
Не улизнутъ. (*задумывается*). Андрею тяжело.
На воздухъ просится... То не подвохъ-ли,
Чтобъ путь къ побѣгу облегчить себѣ?
Бывало, съ нимъ мы весело играли
И въ запуски перегонялись. Онъ

Тогда меня опережалъ и это
Меня сердило... Долго я сносилъ
Его строптивость. Но когда дерзнулъ
Противиться онъ моему приказу,
Не выславъ воеводъ противъ Ахмата,
То княжить оставаться онъ не могъ.
Примѣръ былъ нуженъ. Если я ужъ брата
Не пожалѣлъ, такъ знать должны теперь,
Что никого другихъ не пожалѣю. (*задумывается*).
Не мало ихъ въ тюрьмѣ моей томится,
И на душу ложатся не легко. (*стучитъ, входитъ* стольникъ).
Поправь огонь. (*Стольникъ снимаетъ нагаръ со свѣчъ*).
Подай мнѣ кубокъ меда!
Какъ на дворѣ?

СТОЛЬНИКЪ.

Туманъ и мелкій дождь.

ИВАНЪ. (*даетъ знакъ рукой, стольникъ уходитъ*).

И на душѣ моей захолонуло.
Подчасъ не въ силахъ побороть въ себѣ
Родное чувство. Бремя самодержца
И велико, и тяжко... Вотъ и сына
Теперь карать я долженъ безъ пристрастья,
Не какъ отецъ его, а государь!
Давно-ли я носилъ его малюткой,
И на плечи сажалъ, и смѣхъ сердечный
Его такъ радовалъ меня—а нынѣ
Его въ тюрьму я долженъ засадить.
Тамъ, въ этой смрадной ямѣ, онъ зачахнетъ

Годами, въ мукахъ, какъ мой братъ Андрей
И многіе другіе... Но нельзя
Его помиловать!... тогда и прочихъ
Простить я долженъ... Тяжело!.. Порой
До стона сердце жмется. Лишь отъ Бога
Я долженъ ждать и крѣпости, и силы
Противъ враговъ державства моего. (*стольникъ приноситъ кубокъ меда*).
Когда придетъ бояринъ Патрикѣевъ,
Сейчасъ впустить, меня не упреждая. (*стольникъ уходитъ. Иванъ пьетъ медъ*).
Теплѣе стало. (*задумывается*). Время уже имъ
Исполнить дѣло. (*входитъ* **Патрикѣевъ** *съ мошной въ рукахъ*).
Что?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Приказъ исполненъ.

ИВАНЪ.

Гдѣ захватили?

ПАТРИКѢЕВЪ.

У дворца, въ саду.
Съ нимъ былъ князь Палецкой и Фролъ Поярокъ.

ИВАНЪ.

Противился?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Не могъ. Не прекословилъ.

ИВАНЪ.

Они въ тюрьмѣ?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Въ тюрьмѣ. Подъ стражу взялъ
Ихъ зять Семенъ, и мы потомъ въ хоромахъ
У князя обыскъ всюду учинили.

ИВАНЪ.

И что-жъ нашли?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Въ хоромахъ ничего.

ИВАНЪ (*указывая на мошну*).

А это что?

ПАТРИКѢЕВЪ.

А это государь,
Его казна, которую съ собою
Онъ захватить задумалъ. (*высыпаетъ изъ мошны*).
Посмотри:
Царицыны запястья, кольца, серьги,
Каменья, жемчугъ. . . собрано не мало!
Хватило бы на подкупъ и мятежъ.

ИВАНЪ.

Оставь ихъ здѣсь. Еще кого схватили?
Пособниковъ?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Яропкинъ, Скрябинъ, Хруль...
До остальныхъ подъ пыткой доберемся.

ИВАНЪ.

Да! Завтра утромъ я имъ самолично
Допросъ чинить начну. Я вырву тайну!
Злодѣйскій умыселъ ихъ я до дна
Весь обнаружу и жестокой казнью
Ихъ дерзость накажу. Родного сына
Сгною въ тюрьмѣ! А мать..

ПАТРИКѢЕВЪ.

Прикажешь тоже
Подъ стражу взять?

ИВАНЪ.

Ее? Нѣтъ... погоди!
Она изъ рода царскаго. Негоже
Царицѣ быть съ холопами въ тюрьмѣ.
Приставь къ ней стражу. Чтобы никуда
Ее съ дѣтьми пока не выпускали;
А тамъ найду, какъ съ нею поступить.
Теперь ступай! Спасибо за усердье!
На утро же къ разсвѣту приходи
Въ разспросную Что нужно приготовишь.
Собрать туда заплечныхъ мастеровъ
И ждать меня. Ступай! Прощай. Спасибо!

ПАТРИКѢЕВЪ.

Исполню все. Не худо бы ...

ИВАНЪ.

Ступай! (*Патрикѣевъ уходитъ*).
Обдумать надо. Сгоряча негоже
Рѣшать дѣла. На то Господь поставилъ
Намъ выше сердца голову. Успѣю.
Ночной порой, въ часы уединенья
Обдумать времени достанетъ. Сынъ ...
Жена ... и братъ ... пожертвую я всѣми
Для самодержца власти на Руси!
Она одна собрать всю Русь лишь можетъ,
Чтобъ повести невѣдомымъ путемъ,
Отъ Бога ей указаннымъ въ грядущемъ.

Конецъ 3-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Картина 1-я.

Во дворцѣ княгини Олены.

(*входятъ* Олена *и* Полтева).

ОЛЕНА.

Ты приготовь. Сегодня мы опять
Пойдемъ туда. (*садится*). Садись.

ПОЛТЕВА. (*садится*).

Пойдемъ, княгиня.
Такъ и манитъ съ утра въ священный кругъ,
Гдѣ чудеса творятся передъ нами.
Небесный свѣтъ, пророческіе гласы,
И пѣніе невѣдомыхъ молитвъ.
Такъ хорошо, княгиня!

ОЛЕНА.

Хорошо!
Извѣдала сама. Душой охотно
Стремлюся къ нимъ. И мнѣ не наглядѣться
На чудеса ихъ. Свѣтлыя онѣ.
Кружитъ главу волшебное куренье,

И нѣжный звонъ разносится вокругъ;
Повѣетъ вѣтеръ, облики мелькаютъ
Средь свѣтоносныхъ чудныхъ облаковъ;
Трепещетъ сердце, а душа невольно
Раскроется къ объятіямъ привѣта,
Къ словамъ любви, несущимся съ небесъ.
Ученье ихъ добра желаетъ людямъ,
Лишь возстаетъ на жадность и корысть,
Понятно сердцу и невольно тянетъ
Меня все больше къ общинѣ святой.

(*входитъ* **Стрѣшнева**).

СТРѢШНЕВА.

А княжичъ гдѣ?

ОЛЕНА.

Позвали къ государю.

СТРѢШНЕВА.

Зачѣмъ?

ОЛЕНА.

Не знаю. Онъ давно ушелъ.
Ты подожди сегодня насъ.

СТРѢШНЕВА.

Опять
Идти ты хочешь?

ОЛЕНА.

Да.

СТРѢШНЕВА.

Нельзя, княгиня,
Тебѣ такъ часто ночью отлучаться.
Коль сослѣдятъ, такъ наживешь бѣду.
Съ собой и сына сгубишь.

ОЛЕНА.

Да кому
Есть дѣло до меня?

СТРѢШНЕВА.

Княгиня, ты
Словно ребенокъ малый. Иль не знаешь
Своихъ враговъ? не доискалась ихъ?
Ты думаешь, что хитрая царица
Въ конецъ сдалась и сыновей своихъ
Димитрію служить добромъ заставитъ?

ОЛЕНА.

Онъ вѣнчанъ былъ.

СТРѢШНЕВА.

И это не защита.
Не государь онъ! Кто его вѣнчалъ—
И развѣнчаетъ, коль того захочетъ.

ПОЛТЕВА.

Богъ милостивъ.

СТРѢШНЕВА.

Онъ милостивъ, вѣстимо;
Но и самимъ не слѣдуетъ плошать.
Тебѣ бы, грамотной, совсѣмъ другое
Княгинѣ слѣдовало говорить;
Не отвращать отъ вѣры.

ОЛЕНА.

Не кори
Ее за то. Сама я убѣдилась
Въ ихъ правотѣ. Не въ силахъ больше я
Отъ посѣщеній этихъ отказаться.
Отрадны очень. Если-бъ знала ты,
Что тамъ со мной и вкругъ меня творится.

СТРѢШНЕВА.

Зачѣмъ мнѣ знать? Вѣстимо, колдовствомъ
Тебя сманили.

ОЛЕНА.

Нѣтъ, не колдовствомъ!
Спасенья дѣло. Хочешь посмотрѣть?
Тебя со мной допустятъ.

СТРѢШНЕВА.

Не хочу!
Святая церковь строго намъ велитъ
Отъ искушеній этихъ отдаляться.
Мнѣ жаль тебя, княгиня! Много лѣтъ

Я милостью осыпана твоею
И всей душою предана тебѣ
И княжичу. О немъ не позабудь!
Не повреди ему. Повѣрь, не скроешь
Отъ вражьихъ соглядатаевъ свои
Отлучки частыя. И здѣсь извѣстны.
Опомнись во̀-время.

ПОЛТЕВА.

Мы осторожны.
Съ опаскою выходимъ изъ дворца,
И возвращаемся тайкомъ.

ОЛЕНА.

Не бойся!
Я не мѣшаю никому.

СТРѢШНЕВА.

Кругомъ
Разставлены силки; а ты, какъ итица,
Межъ ними ходишь и не видишь ихъ.
Словно слѣпая!

ОЛЕНА.

Государь ко мнѣ
Все такъ же милостивъ.

СТРѢШНЕВА.

И это надо
Въ немъ укрѣплять, а не давать врагамъ

Самой оружье въ руки. Не ходи
Ты больше къ нимъ! Повѣрь, что не напрасно
Я упреждаю. Ужъ молва въ народѣ
Пошла объ этомъ. Не ходи! Оставь
Твою затѣю, иль себя погубишь
И сына также. Не пренебрегай
Моимъ совѣтомъ опытнымъ, княгиня.

ОЛЕНА.

За твой совѣтъ спасибо! Но напрасно
Ты такъ боишься. Вѣдь не я одна.
Сбирается туда народа много.
И изъ духовныхъ. Если бъ назвала
Ихъ имена, и ты бы согласилась,
Что ихъ нельзя опутать колдовствомъ.

СТРѢШНЕВА.

И знать ихъ не хочу! Тебѣ не гоже
Быть съ ними тамъ. А сами, что хотятъ,
Пусть и творятъ. Предъ Господомъ отвѣтятъ.

ПОЛТЕВА.

Въ томъ нѣтъ грѣха. Священное писанье
Кто понимать захочетъ...

СТРѢШНЕВА (*перебивая*).

Не тебѣ
Писанье толковать. Какъ указала
Святая церковь, такъ и понимай!

Мудрить начнешь, до ада дотолкнешься.
Хитеръ лукавый!

ПОЛТЕВА (*горячо*).

Много знаешь ты...

ОЛЕНА (*перебивая*).

«Не надо спорить», говорилъ наставникъ:—
«На дѣлѣ вѣру лучше докажи». (*къ Стрѣшневой*).
Скажу тебѣ: ко мнѣ явилась мать
Вчера у нихъ, во-очью, и сказала,
Что я могу имъ ввѣриться вполнѣ.

СТРѢШНЕВА.

Ну какъ же не колдуютъ?

ПОЛТЕВА.

У тебя
Только и словъ, что колдовство.

СТРѢШНЕВА (*вставая*).

Небось
Не нравится. Меня не переучишь!
Къ вамъ не пойду; а только неустанно
Твердить я буду: берегись, княгиня!
Ты не одна! Съ собою вмѣстѣ сына
Не погуби. Удача съ неудачей
Рядкомъ живутъ и переходъ у нихъ
Бываетъ вдругъ, негаданно, нежданно. (*смотритъ въ окно*).
Вонъ, государь идетъ и княжичъ съ нимъ.

Прощай, княгиня! Пожалѣй себя
И сына также. (*уходитъ, за ней уходитъ и Полтева*).

ОЛЕНА.

И съ чего она
Все мнѣ грозитъ? Какъ жаль, что я должна
Въ моихъ дѣлахъ, какъ воръ, отъ всѣхъ таиться.
Здѣсь трудно жить. Въ Молдавіи у насъ
Свободнѣй было. Не пойду сегодня,
Такъ напугала старая меня.
(*входятъ*: **Иванъ** *и* **Дмитрій**).

ИВАНЪ.

Здорова-ли?

ОЛЕНА.

Здорова, государь.
Куда водить Димитрія изволилъ?

ИВАНЪ.

Въ тюрьму, къ разспросамъ. Время ему вѣдать,
Какъ ихъ вершатъ.

ОЛЕНА.

Должно быть, тяжело
Смотрѣть на муки.

ДМИТРІЙ.

Да, моя родная!
Такъ тяжело! Готовъ я былъ заплакать.
Хотѣлъ просить, но только не посмѣлъ.

ИВАНЪ.

Ты не дѣвчонка! Плакать не пристало
Въ твои года. Нельзя добиться правды
Инымъ путемъ.

ОЛЕНА.

Я не могла бы видѣть
Ужасныя мученія людей.

ИВАНЪ.

Не бабье дѣло!

ОЛЕНА.

Рано ты его,
Великій государь, къ такому дѣлу
Сталъ пріучать.

ИВАНЪ.

Пятнадцать лѣтъ ему.
Не маленькій!

ОЛЕНА.

Онъ духомъ очень кротокъ.

ИВАНЪ.

То и бѣда! Настало ему время
И къ твердости, и къ силѣ пріучаться.
Враговъ у васъ послѣ меня довольно
Останется. Не кротостью же съ ними
Управитесь.

ОЛЕНА.

Поможетъ намъ Господь.
По справедливости пусть правитъ, государь!
И кротостью съ инымъ скорѣй достигнешь
Конца вражды, чѣмъ строгостью одной.

ИВАНЪ.

По твоему выходитъ такъ! Но сыну
Совѣтчицею станешь ты плохой.
Съ такой повадкой онъ запнется скоро
Въ правленьи царствомъ.

ОЛЕНА.

Подъ твоимъ надзоромъ
Научится, великій государь!
И дай тебѣ Господь на многи лѣта
И здравія, и силы.

ИВАНЪ.

Благодарствуй
На добромъ словѣ! Ты пойди къ себѣ.
А мнѣ еще съ Димитріемъ потребно
Одинъ вопросъ совмѣстно учинить. (*Олена уходитъ*).
Очухайся! Какъ полотно, ты блѣденъ!
Дрожишь, какъ песъ, и слезы на глазахъ.
Ты не дѣвчонка!

ДМИТРІЙ.

Дѣдушка родимый!
Я не могу! Такъ и стоитъ въ ушахъ

Ихъ страшный крикъ и вопль; такъ и мелькаютъ
Ихъ взоры, раны, кровь и свистъ плетей!
Я не могу ихъ выносить.

ИВАНЪ.

И видно,
Что бабій сынъ, возросшій подъ крыломъ
Дворцовыхъ мамокъ! Надо пріучаться
Къ суровой строгости тебѣ. Иначе
Тебя сметутъ, какъ соръ, съ лица земли.
(*стучитъ, входитъ* **стольникъ**).
Скажи, чтобъ привели сюда Василья. (*Стольникъ уходитъ*).

ДМИТРІЙ.

Простить его ты хочешь, государь?
Освободить? О, какъ я буду радъ!

ИВАНЪ.

Чему?

ДМИТРІЙ.

Тому, что будетъ онъ свободенъ;
Что снова съ нимъ могу поѣхать я
Въ Измайлово на ловлю и охоту.

ИВАНЪ.

Нашелъ чему обрадоваться, глупый!
Въ охотѣ вашей на престолъ отца
Ты будешь жертвою его навѣрно. (*вводятъ Василья въ оковахъ*).
Здорово, сынъ! (*Василій молча кланяется*).

ДМИТРІЙ (*хочетъ броситься къ Василью*).

Ты-ль это, дядя милый?

ИВАНЪ (*къ Дмитрію*).

Остановись! Не подходи къ нему. (*къ Василью*).
Бѣжать задумалъ?

ВАСИЛІЙ.

Изъ твоей тюрьмы
Не убѣжишь.

ИВАНЪ.

А вотъ тебя пытались
Освободить.

ВАСИЛІЙ.

Жалѣю я о нихъ!
Напрасно муки за меня пріяли.

ИВАНЪ.

А если-бъ удалося — убѣжалъ?

ВАСИЛІЙ.

Само собой понятно.

ИВАНЪ.

И потомъ
Что началъ бы?

ВАСИЛІЙ.

Отыщется занятье
На волѣ мнѣ.

ИВАНЪ.

А головы не жаль?

ВАСИЛІЙ.

Что голова! Въ тюрьмѣ твоей подземной
Такъ жизнь страшна, что милостью великой
Сочтется смерть. Казни меня, отецъ!
Казни скорѣй — и я передъ кончиной
Благословлю твой смертный приговоръ.
Ты не поймешь, какъ страшное бездѣлье,
Средь вѣчной тьмы, терзаетъ и томитъ!
Казни меня, объ этомъ умоляю!
Какъ милость смерть я встрѣчу отъ тебя.

ИВАНЪ.

Зачѣмъ казнить? Быть можетъ, пригодишься.
Повремени.

ВАСИЛІЙ.

Нѣтъ больше силъ моихъ!

ИВАНЪ.

А было силы замышлять возстанье
На государя? Что-жъ, тебя простить

За этакое дѣло. (*къ Дмитрію*). Ты бы, Дмитрій,
Простилъ его?

ДМИТРІЙ.

Простилъ.

ИВАНЪ.

Чтобы своей
Свободою и жизнью поплатиться.

ДМИТРІЙ.

Нѣтъ, государь! Онъ дастъ мнѣ обѣщанье
И не нарушитъ. Въ томъ увѣренъ я.

ИВАНЪ.

И вѣришь ты словамъ, обѣтамъ, клятвамъ,
Даваемымъ въ неволѣ, по нуждѣ?

ДМИТРІЙ.

Повѣрилъ бы! Я честно раздѣлю
Владѣнье съ дядями. Я не обижу
Ни одного—и въ миролюбьи, дружно
Мы уживемся всѣ между собой.
Прости его!

ИВАНЪ.

Простить... А ты, Василій,
Скажи по совѣсти и правды не тая,
Когда бы мы мѣстами помѣнялись

И я, твой сынъ, задумалъ бы тайкомъ
Противъ тебя, отца и государя,
Мятежный шагъ — простилъ бы ты меня? (*Василій молчитъ*).
Скажи по правдѣ?

ВАСИЛІЙ.

Нѣтъ.

ДМИТРІЙ.

Зачѣмъ ты...

ИВАНЪ (*къ Дмитрію*).

Тсс! (*къ Василью*).
Освободилъ бы?

ВАСИЛІЙ (*подумавъ*).

Нѣтъ.

ИВАНЪ.

Спасибо, сынъ!
Въ тебѣ разумна царственная воля,
Достойная иного. Потерпи!
Недалека́ теперь твоя свобода,
И въ должный часъ придетъ къ тебѣ она. (*дѣлаетъ знакъ рукой. Василья уводятъ. Къ Дмитрію*).
Иди и ты!

ДМИТРІЙ.

Какъ измѣнился дядя.
Освободи его!

ИВАНЪ (*грозно*).

Уйди, Димитрій! (*Дмитрій уходитъ*).
Не гожъ, не гожъ, совсѣмъ не гожъ ребенокъ
Быть самодержцемъ царственнымъ Руси.
Освободитъ ихъ всѣхъ и подѣлится
Онъ съ ними властью... Всю мою работу,
Весь многолѣтній и тяжелый трудъ
Онъ уничтожитъ неразумнымъ дѣломъ,
Порывомъ бабьей, куричьей души!
Вѣдь знаетъ онъ, какія были распри;
Какъ ослѣпилъ покойнаго отца
Злодѣй Шемяка! Я по камню къ камню,
Какъ сотъ пчелиный, строю столько лѣтъ
Московскую единую державу—
И весь мой трудъ, всю цѣль тяжелой жизни
Отдать мальчишкѣ, чтобы снова онъ
Возстановилъ минувшіе раздоры.
Нѣтъ! Никогда! (*ходитъ*). Вотъ кто достоинъ быть
Моимъ наслѣдникомъ. Василій! Духомъ
И силой воли онъ въ меня пошелъ.
Его отвѣтъ сегодня, предо мною,
Отвѣтъ, достойный мужества царя,
Рѣшилъ ихъ участь. Медлить нѣтъ причины.
Я чувствую—недалекà она
Моя кончина, и до смѐрти долженъ
Преемника избрать я для Руси,
Который сталъ бы такъ же править ею,
Какъ правлю я. (*входитъ* стольникъ).

СТОЛЬНИКЪ.

Великій государь!
Пришелъ дьякъ Гусевъ. Допустить прикажешь?

ИВАНЪ.

Впусти! (*стольникъ уходитъ*). Что скажетъ онъ о ней сегодня.
Послушаемъ. (*входитъ* Гусевъ).

ГУСЕВЪ.

Великій государь!
Дозорили мы строго за княгиней.
И сослѣдили.

ИВАНЪ.

Что же ты узналъ?

ГУСЕВЪ.

Была вчера.

ИВАНЪ.

Ты видѣлъ?

ГУСЕВЪ.

Самолично.
И оставалась тамъ, сказать, поболѣ
Чѣмъ два часа.

ИВАНЪ.

Что дѣлала?

ГУСЕВЪ.

Не видѣлъ.
Но знаю, государь, что въ тѣхъ собраньяхъ
Жидовствующихъ страшныя хулы
На нашу вѣру дерзко нарекаютъ,
И волхованью предаются тамъ,
И съ нечистью общаются, и служатъ
Діаволу и воинству его.

ИВАНЪ.

Ты не ошибся? То была Олена?
Не кто другой изъ терема ея?

ГУСЕВЪ.

Она сама! Хотя была покрыта
Густой фатой, но я у самыхъ ногъ
Ея упалъ. Какъ вскрикнула, такъ голосъ
И обнаружилъ.

ИВАНЪ.

Хитроватъ. Догадливъ.
Пришли ко мнѣ, не медля, Вавренца;
Да накажи, чтобъ Холмскаго сейчасъ
Ко мнѣ позвали. (*Гусевъ уходитъ*).
Такъ она еще
Расколу предается, волхованью;
Съ жидовской ересью спозналась. Нѣтъ!
Нельзя мнѣ ждать! Въ рукахъ такихъ оставить
Судьбу Руси не долженъ я, и время

Рѣшиться мнѣ вѣнецъ съ главы ребенка
На голову иную возложить.

Картина 2-ая.

Во дворцѣ Софьи. Верхній дворцовый садъ. Справа широкое крыльцо.

На крыльцѣ сидятъ: **Софья и княгиня Палецкая.**

ПАЛЕЦКАЯ.

Сегодня ровно годъ, какъ братъ покойный
Былъ четвертованъ палачемъ въ Москвѣ.
Истерзанный нещадно при допросахъ,
Покорно онъ мученья воспріялъ
И Господу съ молитвой предалъ душу.

СОФЬЯ.

Ужасно вспомнить! За обѣдней я
Всѣхъ помянула преданнѣйшихъ слугъ
Моей семьѣ. Во царствіи Господнемъ
Они давно, а бѣдный мой Василій
Все изнываетъ въ тягостной тюрьмѣ.
Здоровъ-ли? цѣлъ?—не вѣдаю. Быть можетъ,
Сошелъ съ ума отъ горя и тоски,
Безъ свѣта Божьяго, въ подземной клѣткѣ.
Иль въ язвахъ весь. Ни отъ кого узнать
Мнѣ невозможно.

ПАЛЕЦКАЯ.

Не грусти, царица.

Хоть тяжело, да милостивъ Господь!
Въ живыхъ еще, все можетъ измѣниться.
Проститъ его. Вѣдь не чужой, а сынъ
Его родной! Смягчиться долженъ сердцемъ.
Не звѣрь!—и тотъ своихъ дѣтей не ѣстъ.

СОФЬЯ.

Надежды мало! Вотъ ужъ годъ прошелъ,
А онъ со мной ни разу не видался;
Своихъ дѣтей ни разу не позвалъ.
Забылъ совсѣмъ.

ПАЛЕЦКАЯ.

Большую силу взялъ
Бояринъ Патрикѣевъ, и съ зятькомъ
Такъ государя нынѣ обошли,
Что только ихъ и слушаетъ. Они же
Сторонники Олены съ ея сыномъ;
Съ тобой давно въ разладѣ состоятъ.

СОФЬЯ.

Да, знаю я! То козни ихъ! Они
Уговорить сумѣли государя,
Чтобъ Дмитрія вѣнчалъ онъ всенародно
Въ Успенскомъ храмѣ. День и ночь боюсь
Я за судьбу дѣтей своихъ несчастныхъ!
Возьмутъ ихъ всѣхъ и заключатъ въ тюрьму,
И разлучатъ со мною до могилы.
Просила я черезъ митрополита,
Чтобъ отпустилъ меня съ дѣтьми...

ПАЛЕЦКАЯ.

Куда?

СОФЬЯ.

Въ Италію; но не далъ онъ отвѣта.

ПАЛЕЦКАЯ.

Не выпуститъ.

СОФЬЯ.

Рѣшилась снова я
Освободить Василья попытаться.
Нашлися смѣльчаки. Не знаю только,
Удастся-ли.

ПАЛЕЦКАЯ.

На врядъ! А если нѣтъ,
Его судьбу лишь ухудшишь, царица.
И для тебя...

СОФЬЯ (*перебивая*).

Я мать его, княгиня!
Мнѣ жаль его! Должна я сдѣлать все,
Чтобы помочь ему. Кому извѣстно
Грядущее? Быть можетъ суждено
На этотъ разъ ему освободиться.

ПАЛЕЦКАЯ.

Не слыхано, чтобъ кто-нибудь еще

Изъ государевой тюрьмы освободиться
Побѣгомъ могъ. Вѣдь подъ землей она!
Съ запорами, и стражей неусыпно
Хранима.

СОФЬЯ.

Велика людская хитрость.
И знаю я примѣры, какъ не разъ
Изъ недоступныхъ тюремъ убѣгали.

ПАЛЕЦКАЯ.

Подай, Господь! Слыхала я, царица,
Что и Олена, дочь твоя, не разъ
Старалася за брата и писала
Къ отцу посланья, но его отвѣта
Не получила.

СОФЬЯ.

Да и не получитъ.
Ужъ если онъ меня не хочетъ видѣть,
Дѣтей своихъ забылъ,—такъ тутъ писаньемъ
Его не тронешь. Четырехъ сыновъ
Онъ отъ меня имѣетъ. Неужѐли
Ихъ всѣхъ тюрьма пожизненная ждетъ?
(*входитъ* постельница *съ сверткомъ и ящичкомъ*).

ПОСТЕЛЬНИЦА.

Отъ зодчаго тальянскаго Андрея
Ивановича съ грамоткой посылъ.

СОФЬЯ (*беретъ грамоту. Постельница ставитъ ящичекъ на столъ и уходитъ*).

Что пишетъ онъ? Его здоровье плохо,
И недалекъ его послѣдній день. (*читаетъ*).
«Привѣтъ тебѣ, пресвѣтлая царица,
Отъ твоего покорнаго слуги.
Я умираю. Злой недугъ сердечный
Меня въ конецъ измучилъ; но его
Я не страшуся, зная, что усердно
Онъ мнѣ къ свободѣ расчищаетъ путь.
Я смерть, какъ друга, звалъ. Она пришла
И у порога ждетъ. Войдетъ незримо,
Смежитъ мнѣ очи, но мой духъ безсмертный
Освободитъ отъ тягостныхъ оковъ».

СОФЬЯ.

Мнѣ жаль его. Какъ долго онъ страдалъ
И жаждалъ все на родину вернуться.
(*продолжаетъ читать*).
«Есть у меня завѣтныя святыни:
Ларецъ-хрусталь въ оправѣ золотой;
Въ немъ горсть земли изъ склепа, гдѣ подъ спудомъ
Нетлѣненъ прахъ апостола Петра.
Другая — образъ небольшой, старинный,
Мадонны ликъ, увлаженный слезой;
Онъ въ катакомбахъ найденъ христіанскихъ
И въ нашемъ родѣ съ той поры хранимъ.
Ему молились предки. Имъ служилъ онъ
Охраной въ жизни; имъ же и меня

Благословила мать передъ кончиной.
Прими ихъ въ даръ, царица! Во дворцѣ
Они твоемъ въ сохранности пребудутъ;
И не коснутся руки торгашей
До тѣхъ святынь, когда меня не станетъ.
Дай Богъ тебѣ счастливыхъ дней въ грядущемъ
Съ твоей семьей державной! Пріими
Поклонъ земной отъ искренняго сердца
За доброту и ласковость твои:
Что допускала видѣть твои очи
И слушать рѣчь разумную твою,
Столь для меня отрадную въ неволѣ.
Слабѣетъ взоръ, все тяжелѣй дыханье,
Могилы холодъ вѣетъ на меня...
Мой близокъ часъ, душа освободится
И родину увидитъ наконецъ!»

СОФЬЯ.

Исполню я предсмертное желанье,
Его дары въ моленной сохраню.
Зачахъ съ тоски по родинѣ далекой
И умираетъ, всѣми позабытъ. (*задумывается*).
Неужели такая же свобода
Василья ждетъ? Послѣдняя надежда
Теперь настала. Если одолѣетъ
Онъ трудности побѣга, то возможно
Всего добиться; если-жъ нѣтъ! тогда ..
Спаси Господь! (*вбѣгаетъ* Чашникова).

ЧАШНИКОВА.

Пресвѣтлая царица!
Схватили ихъ.

ПАЛЕЦКАЯ.

Кого?

СОФЬЯ.

Когда?

ЧАШНИКОВА.

Сегодня!
Протасьева и съ нимъ еще троихъ,
И повели въ темницу для допроса. (*рыдаетъ*).

СОФЬЯ.

Не удалось и имъ.

ЧАШНИКОВА (*бросаясь къ ея ногамъ*).

Спаси, царица!
Онъ мой женихъ!

СОФЬЯ.

Что сдѣлать я могу? (*къ Палецкой*).
Возьми ее и успокой, княгиня!
Болѣю сердцемъ я за вѣрныхъ слугъ,
Изъ-за меня на гибель обреченныхъ. (*Палецкая уводитъ Чашникову*).
Нельзя мнѣ медлить! Надобно спасать

Моихъ дѣтей. Когда меня не будетъ
Тутъ, возлѣ нихъ, тогда онѣ погибнутъ!
Ихъ изведутъ, сгноятъ въ его тюрьмѣ.
Но какъ? но какъ устроить это дѣло?
Есть шагъ еще! шагъ страшный! Для него
У Господа мнѣ помощи просить
Нельзя... Что дѣлать?.. Надо ждать бѣды
Ежеминутно. Вотъ придетъ посолъ
И изречетъ мнѣ приговоръ ужасный:
Тюрьму иль казнь... (*вбѣгаетъ* **постельница**).

ПОСТЕЛЬНИЦА.

Пресвѣтлая царица!
Самъ государь къ намъ жаловать изволитъ
Чрезъ переходы. Охрани Господь! (*убѣгаетъ черезъ садъ*).

СОФЬЯ (*оправляясь*).

Самъ жаловать изволитъ. Все же легче
Изъ устъ его услышать приговоръ,
Чѣмъ чрезъ враговъ моихъ ожесточенныхъ. (*входитъ* **Иванъ**).

ИВАНЪ.

Здорово, Софья!

СОФЬЯ (*встаетъ и кланяется*).

Здравствуй, государь!

ИВАНЪ.

Давно не видѣлися.

СОФЬЯ.

Стала не люба.
Состарилась.

ИВАНЪ.

И я уже не молодъ.
Здоровы-ль дѣти?

СОФЬЯ.

За годъ подросли.
Здоровы.

ИВАНЪ.

Видно дюже на меня
Ты гнѣваться изволишь?

СОФЬЯ.

А за что
Тобой довольной быть? Ужъ не за то-ли,
Что сына держишь подъ землей въ темницѣ,
Дѣтей забылъ и цѣлый годъ ко мнѣ
Не кажешь глазъ?

ИВАНЪ.

За то вотъ ты Василья
Не забываешь. Все о немъ печешься!
Все хочешь вызволить, побѣгъ устроить.
Не удается только.

СОФЬЯ.

Ты свое,
А я свое не перестану дѣлать.

ИВАНЪ.

А знаешь-ли чѣмъ кончиться оно
Для непокорныхъ можетъ?

СОФЬЯ.

Что-жъ! казни!
Иль заточи въ тюрьму, поближе къ сыну!
Хоть стонъ его услышать я могу.
Карай меня! Но не губи Василья!
Онъ ничего не зналъ о томъ, что я
Освободить его, какъ мать, старалась.
Не тронь его! И такъ ужъ жизнь ему
Въ темницѣ тяжкой хуже, чѣмъ въ могилѣ.
Или казни! сейчасъ его казни!
И примирюся легче я съ его
Позорной казнью, чѣмъ съ ужасной пыткой
Сгнивать живьемъ закопаннымъ въ тюрьмѣ.

ИВАНЪ.

Казнить не время. Можетъ пригодиться.
Онъ духомъ твердъ. Хоть изъ моей тюрьмы
Никто еще доселѣ не спасался;
А онъ ушелъ! Я самъ ему помогъ.

СОФЬЯ.

Когда? Куда?

ИВАНЪ.

Обрадовалась? То-то!
Ты погоди еще корить меня.

СОФЬЯ.

Я мать его! Куда же ты надумалъ
Его отправить? Не шути со мной!
Не издѣвайся! Онъ нашъ первородный
И старшій сынъ! Я мать его родная!
А ты отецъ!

ИВАНЪ.

О томъ не позабылъ.
Онъ живъ.

СОФЬЯ.

Онъ живъ! Благодаренье Богу!
Живъ!.. Живъ!.. Спасибо!

ИВАНЪ.

И куда-жъ его
Я могъ теперь пріятнѣе отправить,
Чѣмъ къ матери родной?

СОФЬЯ.

Онъ здѣсь?

ИВАНЪ.

Узнаемъ.

Пришелъ, должно быть. Не забылъ. Василій.
Иди сюда! (*изъ-за крыльца выходитъ* **Василій** *въ оборванной одеждѣ, но безъ оковъ. Два стражника слѣдуютъ за нимъ. Иванъ даетъ имъ знакъ рукою, они скрываются. Василій останавливается внизу у крыльца*).

СОФЬЯ. (*бросается къ сыну*).

Ты здѣсь? Голубчикъ! Милый!
Родной мой Вася! (*обнимаетъ сына, тотъ стоитъ ошеломленный*).
Что съ тобою, милый?

ИВАНЪ.

Что-жъ, поцѣлуйся. Али не призналъ?
Забылъ въ темницѣ?

ВАСИЛІЙ (*обнимая мать*).

Матушка! родная!

ИВАНЪ.

Добро, добро! Ну, подойди ко мнѣ
И поцѣлуемся. (*Василій входитъ на крыльцо*).
Здѣсь сынъ передо мною!
А бунтовщикъ остался тамъ, въ тюрьмѣ,
И вспоминать о немъ уже не будемъ. (*цѣлуетъ Василья*)

ВАСИЛІЙ.

Отецъ! отецъ!

ИВАНЪ.

Отецъ—и государь!

И этого впередъ не забывай,
Коль хочешь жить со мною въ примиреньи. (*къ Софьѣ*).
Негоже безъ царицы быть царю
И обиходъ его тогда не полонъ.
Сегодня я приду къ тебѣ на ужинъ.
Не выгонишь?

СОФЬЯ.

Причины больше нѣтъ.
Коль ты во мнѣ почтилъ жену царицу—
Приму тебя, какъ мужа и царя! (*кланяется*).
Я за дѣтей боролась. И волчица,
И та готова за своихъ щенятъ
Всѣхъ растерзать, и даже ихъ отца
Въ своихъ зубахъ за нихъ не пожалѣетъ.
Я мать имъ всѣмъ! И если никого
Не тронешь ты—готова отъ души
Я примириться искренно съ тобою
И все забыть, и вновь тебѣ покорной
До гроба быть. (*входитъ на крыльцо къ Ивану*).

ИВАНЪ.

Хочу того и я. (*цѣлуетъ Софью*).
Вы здѣсь порадуйтесь, а я пойду
Къ моимъ дѣ[illegible]дъ осиротѣлымъ.
Ихъ по[illegible]стало сердцу.
От[illegible]дѣ моя семья,
[illegible] отдохновенье. (*уходитъ во дворецъ*).

ВАСИЛІЙ.

Родная!

СОФЬЯ.

Милый! (*бросаются въ объятія*).

КОНЕЦЪ 4-ГО ДѢЙСТВІЯ

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

Картина 1-я

Во дворцѣ царицы Софьи.

Софья, Василій *и* **Палецкая** *сидятъ.* **Кондакова** *стоитъ.*

СОФЬЯ (*къ Кондаковой*).

Ты, что-же, знаешь хорошо его?

КОНДАКОВА.

Съ издѣтства вмѣстѣ жили.

ПАЛЕЦКАЯ.

Онъ въ свойствѣ
Придется ей, но только въ очень дальнемъ.

СОФЬЯ.

И любъ тебѣ?

КОНДАКОВА (*стыдливо*).

Стыжусь, царица, молвить.

СОФЬЯ.

Чего-жъ стыдиться?

КОНДАКОВА.

Такъ ужъ любъ, царица! (*бросается въ ноги*).
Пожалуй насъ! Дозволь!

СОФЬЯ.

Что-жъ, въ добрый часъ!
Я позволяю.

КОНДАКОВА (*цѣлуетъ платье Софьи*).

Матушка-царица!
Дай Богъ тебѣ отъ Господа всего! (*встаетъ*).

СОФЬЯ.

Пока пускай останутся въ хоромахъ
Прислуживать, а тамъ найдемъ имъ мѣсто.
Не оставляю я мнѣ вѣрныхъ слугъ.

ПАЛЕЦКАЯ (*къ Кондаковой*).

Ступай! (*Кондакова уходитъ*).

СОФЬЯ.

Женить ихъ въ годы молодые
Всѣхъ было-бъ лучше; да пойдутъ ребята,
И непригодны.

ПАЛЕЦКАЯ.

Баловства не мало
Межъ ними есть.

СОФЬЯ.

Ихъ дѣло молодое.
Кипитъ въ нихъ кровь, любовью колобродитъ,
И мечутся, какъ мухи на огонь.

ПАЛЕЦКАЯ (*къ Василью*).

А ты, царевичъ, все молчишь; печаленъ.
Совсѣмъ не тотъ, что былъ.

СОФЬЯ.

Не мудрено.

ВАСИЛІЙ.

Въ тюрьмѣ подземной цѣлый годъ провелъ
Я въ одиночествѣ, уже не чаялъ
Ни свѣта Божьяго, ни мать увидѣть;
И до сихъ поръ отвыкнуть не могу
Отъ молчаливости.

ПАЛЕЦКАЯ.

Привелъ Господь
Тебя опять въ объятія къ родимой.
Оправишься, царевичъ! Молодъ ты
И крѣпокъ тѣломъ. Вотъ, мой братъ усопшій
Не возвратится изъ могилы. Въ мукахъ
Пріялъ кончину.

ВАСИЛІЙ.

Не могу безъ слезъ
О немъ и Фролѣ вспомнить.

ПАЛЕЦКАЯ.

Дай тебѣ
Господь за сердце доброе! Съ злорадствомъ
Его пыталъ нашъ ворогъ Патрикѣевъ;
Не пожалѣлъ сѣдинъ—и вѣренъ слухъ,
Что это онъ наставилъ государя
Казнить ихъ всѣхъ. О, не могу простить
Ему я этого! И на главу его
Жестокія я кары призываю
И Господа, хоть и грѣшно, о томъ
Молю въ часы тоски неодолимой.

СОФЬЯ.

Настанетъ часъ — и каждому воздастся
По ихъ дѣламъ. Не позабыла я
Ихъ оскорбленій. Подожди, княгиня!
Вся кровь погибшихъ взыщется на нихъ.
(*входитъ* постельница).

ПОСТЕЛЬНИЦА.

Пресвѣтлая царица! Государь
Изволитъ жаловать.

ПАЛЕЦКАЯ.

Прощай, царица. (*уходитъ въ другую дверь. Входитъ* Иванъ. *Постельница низко кланяется ему и уходитъ, закрывая дверь*).

ИВАНЪ.

Какъ можешь, Софья? Какъ, Василій, ты?
Все съ матерью. (*Софья низко кланяется; Василій цѣлуетъ у отца руку*).

СОФЬЯ.

Спасибо, государь!
Здоровьемъ похвалиться не могу.

ИВАНЪ (*садится*).

И мнѣ сегодня очень тяжело:
Слабѣю все, нѣтъ пóзыва къ ѣдѣ
И въ головѣ туманъ. Приходитъ, видно,
И мнѣ конецъ.

СОФЬЯ.

И на кого покинешь
Меня съ семьею, государь?

ИВАНЪ.

О томъ
Не мало думаю. И не о васъ однихъ;
Но и о томъ, кому свою державу
Я передать достойному могу. (*къ Василью*).
Ты все еще оправиться не можешь
Отъ прежняго? Тревожусь этимъ я.
Ты еще молодъ. Потѣшайся всѣмъ,
Что для тебя здорово, и окрѣпнешь.
Я для тебя казны не пожалѣю.
Забыто все! Я искренно простилъ —
И вспоминать не буду.

ВАСИЛІЙ.

Государь!
Тебѣ за все премного благодаренъ.
Осыпанъ отчей милостью твоей.

ИВАНЪ (*встаетъ, подходитъ къ сыну и кладетъ руку на его плечо*).

Живи... живи... здоровьемъ укрѣпляйся.
Будь духомъ бодръ. Женить тебя пора.
Тебѣ невѣсту я ищу усердно
Въ чужихъ земляхъ. Теперь уйди! Оставь
Наединѣ насъ. (*Василій уходитъ*).

СОФЬЯ.

Дай тебѣ, Господь,
Столѣтней жизни въ здравьи и удачѣ.
Но смертны мы, и будущность отъ насъ
Сокрыта.

ИВАНЪ (*садится*).

Знаю самъ.

СОФЬЯ.

И что-же будетъ
Тогда со мной? съ дѣтьми?

ИВАНЪ.

Я самъ о томъ
Шелъ говорить съ тобой. Меня тревожитъ

Не столько участь ваша, сколько мысль,
Кому престолъ я долженъ завѣщать,
Чтобы на немъ по твердости достойный
Преемникъ мой во власти возсѣдалъ.
Мой близокъ часъ! Я долго, долго думалъ
И, наконецъ, рѣшилъ. Василья я
Наслѣдникомъ назначу.

СОФЬЯ.

Государь!
Твой выборъ вѣренъ. Сынъ нашъ не уронитъ
Свой царскій санъ, и твердою рукой
Онъ править станетъ. Но... къ чему тогда...
Вѣнчалъ ты внука?

ИВАНЪ.

Поспѣшилъ не кстати.
Погорячился, вопреки привычкѣ
Не торопиться. Это ничего!
Онъ на престолъ еще не возведенъ,
И воли царской самъ я не лишился.
Мальчишка онъ! опасенъ быть не можетъ,
И справится Василій съ нимъ легко.

СОФЬЯ (*кланяясь*).

Прими поклонъ глубокій и сердечный
За мудрое рѣшеніе твое.
Но если ты почтилъ меня довѣрьемъ
И мыслями державными со мной

Дѣлиться началъ, такъ не откажи
И думы матери въ отвѣтъ услышать.
Тебѣ не врагъ я.

ИВАНЪ.

Знаю! Говори.

СОФЬЯ.

Твой внукъ и слабъ, и молодъ—не опасенъ.
Все это такъ! Но ты вѣнчалъ его.
А блескъ вѣнца силенъ въ народномъ сердцѣ;
И въ этомъ есть опасность.

ИВАНЪ.

Для кого?

СОФЬЯ.

Для сына нашего.

ИВАНЪ.

Народъ привыкъ
Послѣднюю лишь волю самодержца
Считать завѣтомъ въ выборѣ себѣ
Наслѣдника.

СОФЬЯ.

Самъ по себѣ народъ
Не возмутится.. Но когда научатъ
Его другіе... Станутъ во главѣ
Всесильные и знатные бояре,
Которымъ сынъ не любъ нашъ...

ИВАНЪ.

Да, тогда
Опасность есть. Но я на нихъ надѣюсь.
Мнѣ Патрикѣевъ вѣренъ. Не дерзнетъ
Затѣять смуту, хотя васъ не любитъ.

СОФЬЯ.

Пока ты живъ, не смѣетъ. Но потомъ—
Иное дѣло! Трудно поручиться.
Заманчиво руководить царемъ;
А онъ такимъ при Дмитріѣ и будетъ.

ИВАНЪ.

Василій твердъ.

СОФЬЯ.

А все таки мятежъ
Междоусобья можетъ снова сильно
Поколебать наслѣдственный престолъ.
Обдумай, государь!

ИВАНЪ.

Я боленъ, Софья!
Мнѣ тяжело... Ты подсоби. Тебя
Я часто слушалъ. Умъ въ тебѣ не женскій.
Разумна рѣчь. Что жъ долженъ сдѣлать я?

СОФЬЯ.

Благодарю за ласковое слово.
Царица я не потому лишь только,

Что ты меня избралъ своей женой.
Я рода царскаго. Во мнѣ сильны
И память, и любовь къ державнымъ предкамъ,
Которыхъ родъ Царьградомъ управлялъ.
Они всегда задуманное дѣло
Рѣшали до конца, не оставляя
Опасныхъ всходовъ...

ИВАНЪ.

Говори яснѣе.

СОФЬЯ.

Не мнѣ тебя учить. Не пожалѣлъ
Ты сына засадить въ подземный склепъ
И годъ тамъ выдержать, а намъ прилежныхъ
И вѣрныхъ слугъ предать ужаснымъ мукамъ
И казни смертной; разсуди теперь,
Кто можетъ быть Василію опасенъ?
Онъ и твоимъ совѣтчикомъ слыветъ.

ИВАНЪ.

Вонъ онъ куда попалъ! Совѣтчикъ мой.
Онъ, правда, смѣлъ, по временамъ несносенъ;
Но преданъ мнѣ.

СОФЬЯ.

А сыну твоему
Онъ будетъ преданъ?

ИВАНЪ.

Въ душу къ нимъ не влезешь.
Нельзя сказать.

СОФЬЯ.

Нельзя—такъ сдѣлай такъ,
Чтобъ онъ вредить преемнику престола
Не въ силахъ былъ. Его любимый зять
Еще опаснѣй. Тотъ на все рѣшится.
Честолюбивъ, не старъ, а дерзость въ немъ
Передъ самимъ тобою не стѣснялась.

ИВАНЪ.

Да, на него я гнѣвался не разъ.

СОФЬЯ.

Тебѣ рѣшать. Ты царь самодержавный!
Въ заботахъ о престолѣ и о томъ,
Какъ оградить его отъ колебаній,
Ты твердъ доселѣ былъ, неумолимъ
И мудръ въ рѣшеньяхъ. Будь же и теперь
Ты таковымъ и сыну передай
Незыблемое, твердое правленье,
А не разладъ усобицы былой.

ИВАНЪ.

Твой вѣренъ взглядъ. Пообсудить мнѣ надо,
Когда недугъ ослабитъ свой напоръ.
Да, сильно въ нихъ былое своевольство,

И воскресить его возможность имъ
Нельзя давать. Прощай! Скажи Василью,
Чтобъ онъ себя для царства сберегалъ. (*уходитъ*).

СОФЬЯ.

Мои слова не пропадутъ напрасно,
Сумѣетъ онъ ихъ въ дѣло обратить.

Картина 2-ая.

Государева комната во дворцѣ. Въ глубинѣ дверь въ переднюю горницу, справа дверь въ государевы покои, слѣва дверь въ Золотую Палату. Время послѣ обѣдни, до обѣда.

(Патрикѣевъ и Ряполовскій).

ПАТРИКѢЕВЪ.

Держать остро теперь намъ надо ухо!
Съ тѣхъ поръ, какъ царь освободилъ Василья
И примирился съ Софьей, сталъ иной,
И къ Дмитрію замѣтно остываетъ.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Не перемѣнитъ. Если ужъ вѣнчалъ
Его на царство, такъ не развѣнчаетъ,
Соблазна ради.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Кто его пойметъ?
Какъ властенъ сталъ. Невольно опускаешь
Предъ нимъ глаза.

РЯПОЛОВСКІЙ.

А рѣчь твердить одну
Намъ надлежитъ. Пока еще онъ насъ
Отъ остальныхъ довѣрьемъ отличаетъ,
Поборемся съ гречанкой.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Дай-то Богъ!
А все сдается мнѣ, что князь Димитрій
Для насъ плохая помощь впереди.
(*входятъ* **Олена** *и* **Дмитрій**).

ОЛЕНА.

Зачѣмъ позвалъ насъ, государь?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Не знаю.
Сердитъ онъ эти дни.

ОЛЕНА.

И на меня
За что-то осерчалъ. Митюшу тоже
Къ себѣ не звалъ ни разу.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Не умѣли
Его къ вамъ лаской дорожить. Царица
Перехитрила.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Сына своего
Освободить сумѣла. Ты-жъ, княгиня,
Все пропустила между рукъ.

ОЛЕНА.

Не знаю,
За что́ онъ сердится?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Узнать нетрудно,
Если захочешь.

ОЛЕНА.

Знаешь, такъ скажи.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Скажу, княгиня! Ходитъ слухъ въ народѣ,
Что прилежать ты стала съ нѣкихъ поръ
Къ еретикамъ и въ сборища ихъ тайно
Ночной порою жалуешь.

ОЛЕНА (*въ сторону*).

Узнали! (*къ Патрикѣеву*).
Не всякому ты слуху вѣрь, бояринъ!
Не мало ихъ злословятъ про меня.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Нѣтъ дыма безъ огня, княгиня. Помни,
Что у царя есть много ловкихъ слугъ—

И обнаружатъ, какъ тамъ ни скрывайся,
Какъ ни таись. Приходится теперь
Съ опаской жить. Съ тѣхъ поръ, какъ князь Василій
Освобожденъ, сталъ государь иной
Во многомъ.

ДМИТРІЙ.

Я Василья не боюся
И очень радъ, что онъ освобожденъ
Изъ заточенья, хотя онъ со мною
Не прежній сталъ.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Ты, княжичъ, больно простъ.

ДМИТРІЙ.

Я откровененъ; не хочу ни съ кѣмъ
Имѣть вражды, и на меня напрасно
Серчаетъ царь. (*къ Патрикѣеву*). Ты попроси его
Простить меня, коль въ чемъ я ненарокомъ
Не угодилъ ему.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Проси ты самъ.

ДМИТРІЙ.

Нѣтъ, не могу! Языкъ не повернется.
Онъ грозенъ сталъ. Какъ взглянетъ на меня
Пытливымъ взоромъ, такъ душа невольно
Уйдетъ въ пяту и дрожью проберетъ.

Онъ прежде былъ со мною очень ласковъ.
За что̀ сердитъ, ума не приложу.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Не любитъ государь твоей повадки
За всѣхъ просить.

ДМИТРІЙ.

Когда, бояринъ, сердце
Къ тому нудитъ! Да я ужъ много дней
И рта предъ нимъ раскрыть не въ силахъ. Страшенъ
Онъ сдѣлался.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Молися Богу, княжичъ!
Твоя безгрѣшная молитва до Него
Дойдетъ скорѣй, чѣмъ грѣшныя моленья
Насъ, недостойныхъ. Берегись, княгиня!
Не прогнѣви... Тсс! (*входитъ* **стольникъ**).

СТОЛЬНИКЪ.

Государь идетъ! (*становится у дверей*).

ПАТРИКѢЕВЪ (*скоро*).

Иди, княгиня, въ Думную палату.
Тамъ государь велѣлъ вамъ дожидаться,
Пока онъ васъ сюда не позоветъ.
Иди скорѣй! (**Олена** и **Дмитрій** *уходятъ*). Спаси его,
Создатель!
Ребенокъ онъ, и гдѣ-жъ ему тягаться
Съ Василіемъ и матерью его. (*входитъ* **Иванъ**. *Стольникъ затворяетъ за нимъ дверь и уходитъ*).

ИВАНЪ.

Тяжелый день! Всю ночь ломили ноги
И жжетъ нутро. Старѣюсь быстро я,
И недалекъ отъ смерти и могилы;
А много дѣла сдѣлать предстоитъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Подъ гнетомъ немощи, въ часы недуга
Другихъ страданья легче понимать.

ИВАНЪ.

О комъ ты это?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Сына ты простилъ,
Съ женою примирился, такъ и брата
Не обойди ты милостью своей.

ИВАНЪ.

Какого брата?

ПАТРИКѢЕВЪ.

У тебя одинъ
Лишь князь Андрей страдаетъ въ заточеньи.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Онъ умираетъ, государь, совсѣмъ!

ИВАНЪ.

А ты откуда эти вѣсти знаешь?
Иль сносишься въ темницѣ съ нимъ тайкомъ?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Онъ отъ меня узналъ. Великій княже
И государь, помилуй брата ты!
Семь лѣтъ назадъ, по твоему приказу,
Я во дворцѣ подъ стражу взялъ его,
И съ той поры въ темницѣ онъ томится.
Совсѣмъ зачахъ. Осталося ему
Немного дней прожить еще на свѣтѣ.
Дозволь ему, великій государь,
Въ послѣдній часъ съ дѣтьми его проститься,
Которыя далѐко отъ него
Заключены.

ИВАНЪ.

Зачѣмъ? Чтобъ въ сыновьяхъ
Усугубить ихъ ненависть ко мнѣ?

РЯПОЛОВСКІЙ.

Безсильны оба.

ИВАНЪ.

Да; пока... а если
Освободятся послѣ какъ-нибудь?
Когда меня не станетъ. Вашъ Димитрій
Ихъ выпуститъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Въ послѣдніе часы,
Предъ смертью, можно...

ИВАНЪ (*перебивая*).

Что ты такъ хлопочешь?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Да жаль его, великій государь!

ИВАНЪ.

Жалѣть—жалѣй; жалѣть я не мѣшаю;
А просьбами не смѣй мнѣ докучать!
Я не люблю ихъ! Знаю самъ, что̀ дѣлать,
И въ просьбахъ не нуждаюся ничьихъ.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Въ святомъ писаньи...

ИВАНЪ (*перебивая*).

Замолчи, мальчишка!
Ты духовникъ мой что-ли, что писаньемъ
Мнѣ тычешь въ носъ? Писанья знаю я
И понимаю ихъ тебя не хуже.
Забылись вы! Довѣріемъ моимъ
Хотите гнуть, какъ вамъ самимъ угодно.
Въ опекуны мнѣ навязались. Только
Подумали-ль о томъ, что я хоть старъ,
Но здравый умъ до сей поры имѣю
И не нуждаюся въ опекѣ.

РЯПОЛОВСКІЙ.

Государь...

ИВАНЪ (*гнѣвно*).

Молчи, холопъ! Зови ко мнѣ бояръ!
Олену съ Дмитріемъ! Я передъ ними
Мою—не вашу волю объявлю.

(**Ряполовскій** *зоветъ бояръ, а* **Патрикѣевъ** *Олену съ Дмитріемъ.* **Бояре** *входятъ въ среднюю дверь и занимаютъ середину сцены; за ними помѣщаются государевы дворцовые чины, а за открытыми дверями стража.* **Олена** *и* **Дмитрій** *выходятъ изъ Золотой (она же Думная) Палаты и становятся передъ ея дверями. Слѣва изъ государевыхъ покоевъ выходятъ* **Софья** *и* **Василій** *и становятся передъ дверями. Всѣ низко кланяются Ивану, касаясь правою рукою пола).*

ИВАНЪ.

Я васъ собрàлъ, чтобъ знали всѣ отнынѣ,
Что сына я Василья назначаю
Наслѣдникомъ престола на Руси.
Отнынѣ онъ да будетъ поминаться
На эктеньяхъ и въ граматахъ какъ князь,
Не соправитель, а наслѣдникъ мой!
Прямите вы по совѣсти ему,
Какъ мнѣ прямили. Ты же, князь Василій,
Будь строгъ къ врагамъ и милостивъ къ послушнымъ,
И никому, какъ я, не дозволяй
Въ твои дѣла непрошеннымъ мѣшаться. (*къ боярамъ*).
Наслѣдникъ онъ! Поклонъ ему отдайте. (*Всѣ низко кланяются Василью*).
И повинуйтесь вашему владыкѣ,
Когда меня Всевышній отзоветъ.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Позволь спросить, великій государь,
А Дмитрія кѣмъ признавать прикажешь?
Онъ вѣнчанъ былъ тобой.

ИВАНЪ.

Ты снова лѣзешь
Съ вопросами?

ПАТРИКѢЕВЪ.

Чтобъ не было порухи
И царству, и державству твоему
Отъ перемѣны этой.

ИВАНЪ.

Да! Съ тобой
Не посовѣтовался. Объявить рѣшился,
Тебя, бояринъ, не спросясь. Помилуй!
Не осердись!

РЯПОЛОВСКІЙ.

Рѣшился молвить онъ
Лишь потому, великій государь,
Что слѣпо преданъ милости твоей,
И о судьбахъ державства онъ радѣетъ.

ИВАНЪ.

Вотъ и другой! Что скажешь намъ еще?

РЯПОЛОВСКІЙ.

Коли позволишь, я скажу по правдѣ,
По совѣсти, какъ долгъ души велитъ.
Ты, государь, вѣнчалъ его во храмѣ.
И передъ Богомъ, и передъ Москвой
Ты Дмитрія наслѣдникомъ престола

По праву первородства объявилъ.
Съ тѣхъ поръ его въ церквахъ на эктеньяхъ
Такъ поминаютъ, и привыкла Русь
Его считать преемникомъ твоимъ;
А нынѣ ты другого объявляешь
Наслѣдникомъ своимъ. Кому-жъ народъ
По совѣсти повиноваться долженъ?
Не накликай же смуты, государь!
Начаться распря можетъ. Обрѣтется
У Дмитрія сторонниковъ не мало,
Его во храмѣ зрѣвшихъ на престолѣ
Въ священныхъ бармахъ, въ шапкѣ Мономаха...

ИВАНЪ (*перебивая*).

Ты скоро кончишь?

РЯПОЛОВСКІЙ.

Повели — умолкну!
Но только долгъ велитъ мнѣ предъ тобой
Докончить рѣчь.

ИВАНЪ.

Кончай ее — на плахѣ!
Ты позабылся, дерзостный слуга!
Высокоумничать ты сталъ не въ мѣру
И намъ на службу болѣе не гожъ.
Довольно! Доказать я вамъ сумѣю,
Что безъ опеки вашей обойтись
Еще могу и въ васъ я не нуждаюсь.

Схватить его! (*Стража хватаетъ Ряполовскаго*). На плаху отвести —
И голову долой! Здѣсь ей не мѣсто! (*указывая на Патрикѣева*).
Взять и его! (*Стража хватаетъ Патрикѣева*). Тебя я пожалѣю.
Ты долго жилъ и въ бремени грѣховномъ
Я время дамъ покаяться тебѣ.
Постричь его въ монахи вмѣстѣ съ сыномъ
И отвезти въ Кирилловъ монастырь,
И тамъ держать обоихъ въ заточеньи.
Ты не слуга царю—и родъ твой дерзкій
Угаснуть долженъ. (*даетъ знакъ рукой, Патрикѣева и Ряполовскаго уводятъ*).

Не нуждаюсь я
Въ опекунахъ державной власти, Богомъ,
А не людьми мнѣ данной. Знайте всѣ,
Какой конецъ отнынѣ ожидаетъ
Безумцевъ, мнившихъ, что безъ ихъ рѣчей
Я обойтись на царствѣ не сумѣю.

ДМИТРІЙ.

На плаху!.. Господи!.. (*протягиваетъ руки къ Ивану*).

ИВАНЪ (*къ Дмитрію*).

Опять просить
Сбираешься? Ты, съ матерью твоей,
Мнѣ не являйтесь больше на глаза.
Въ опалѣ вы! Отнынѣ вамъ не мѣсто
Въ моемъ дворцѣ. Уйдите! (**Олена** *и* **Дмитрій** *уходятъ, обнявшись. Иванъ выжидаетъ, пока они ушли*).

Коробьинъ!

Приставь къ нимъ стражу. Доносить о всѣхъ
Кто ихъ, опальныхъ, навѣщать рѣшится. (**Коробьинъ** *уходитъ*).

Для блага царства, для его величья
И созиданія не пожалѣю
Я никого—ни братьевъ, ни дѣтей,
Ни внука вѣнчанаго! Нынѣ Русью
Лишь самодержцу править надлежитъ.
Не старшій князь я надъ князьями! Нѣтъ!
А господинъ Руси, ея владыка,
Отъ Господа поставленный царемъ
Надъ нею всей! Подайте царскій посохъ. (*подаютъ посохъ*).
Идите въ думу на совѣтъ боярскій.
Тамъ выслушать я каждаго готовъ;
Но такъ рѣшу, какъ Всемогущій Богъ
Мнѣ на душу державную положитъ.
Идите! (*Бояре низко кланяются Ивану и попарно идутъ въ Думскую палату*).

Вмѣстѣ съ ними и тебѣ,
Василій, мѣсто надлежитъ отнынѣ.
Ты долженъ знать весь думскій распорядокъ
И пріучаться къ управленью царствомъ,
Чтобъ бремя власти легче воспріять,
Когда твой часъ отъ Господа наступитъ. (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ*).

Какъ въ головѣ бываетъ мыслей много,
А выбирать приходится изъ нихъ
Единой волѣ, такъ и ты въ грядущемъ
Рѣшай дѣла, не поступаясь властью

Ни передъ кѣмъ, ни передъ чѣмъ—и будешь
Достойнымъ ты преемникомъ моимъ.
Мой близокъ часъ! Но передамъ тебѣ
Не сбродъ удѣльный съ вѣчами буяновъ,
А собранную властною рукой
Единую московскую державу,
Покорную владыкѣ своему
За страхъ и совѣсть! Заверши-жъ достойно
Мой тяжкій трудъ державный, и да будетъ
Благословенье Божье надъ тобой! (*простираетъ руки надъ Васильемъ, который становится на одно колѣно, прочіе низко склоняютъ головы*).

Занавѣсъ опускается медленно.

КОНЕЦЪ.

При постановкѣ на сцену можно выпустить:

1) во 2-й картинѣ второго дѣйствія сцену Софьи съ Аристотелемъ.

2) во 2-й картинѣ четвертаго дѣйствія приносъ и чтеніе письма Аристотеля. (отъ 22-й строки 115-й страницы до 118-й страницы).

3) въ 5-мъ дѣйствіи сцену съ Кондаковой. (до 5-й строки 128-й страницы).

ПРИМѢЧАНІЯ.

Іоаннъ III Васильевичъ былъ высокаго роста, худощавъ, сутуловатъ, съ окладистой волнистой бородою и съ строгимъ взглядомъ, отъ котораго въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ воспалялся гнѣвомъ, женщины падали въ обморокъ. Еще десятилѣтнимъ юношею былъ онъ провозглашенъ отцомъ своимъ Василіемъ Темнымъ соправителемъ и Великимъ княземъ, а на двадцать второмъ году своей жизни вступилъ на престолъ. Осторожный, разсудительный, преданный всецѣло единой мысли утвержденія единовластія и самодержавія на Руси, Іоаннъ, въ особенности со времени женитьбы своей на царевнѣ Софьѣ Палеологъ, началъ возвышать санъ государя и устраивать придворный обиходъ по византійскому образцу.

Онъ учредилъ придворные чины: ясельничаго, конюшаго, постельничьяго; установилъ и цѣлованіе государевой руки.

Когда, подъ конецъ своей жизни, Іоаннъ иногда во время пира погружался въ продолжительную дремоту, то никто не дерзалъ нарушить тишину и трогаться съ мѣста, но всѣ въ глубокомъ молчаніи ожидали его пробужденія.

Измѣнилось при немъ и значеніе боярства.

Бояре въ удѣльный періодъ составляли высшую, старшую часть княжеской дружины. Съ ними князь «думалъ», совѣтывался и правилъ княжествомъ; ихъ назначалъ управлять городами и волостями и командовать отрядами своей боевой дружины. Бояре считались передовыми людьми всей земли русской и служили князьямъ лишь по вольному договору, оставляя за собой право свободнаго переѣзда на службу къ другому князю. Бояре были большіе (введенные) и меньшіе (путные). Главнымъ условіемъ такого раздѣленія, сверхъ личныхъ качествъ и давности службы, считалась вѣроятно еще боевая сила боярина, т. е. количество вооруженныхъ людей, выставляемыхъ имъ на войну, и качество ихъ вооруженія.

Къ началу царствованія Іоанна III въ Москвѣ было нѣсколько родовитыхъ боярскихъ фамилій. Но когда, съ уничтоженіемъ удѣловъ, послѣдовалъ переходъ удѣльныхъ бояръ на службу къ великому князю московскому, то значеніе боярина. какъ вольнаго слуги, стало умаляться и скоро исчезло совсѣмъ. Самый санъ боярина обратился въ служебное отличіе, въ чинъ. Боярствомъ государь сталъ жаловать за заслуги, и бояре сдѣлались поданными государевыми на полной его волѣ по отношенію къ ихъ службѣ, имуществу и даже жизни. Также обратилось въ чинъ и званіе окольничьяго, которые прежде тоже входили въ составъ старшей дружины, но въ княжеской думѣ занимали второстепенное мѣсто.

Появился и новый титулъ государя «царь». Имъ именовали Іоанна въ своихъ посланіяхъ и иностранные государи; но титулу этому еще не придавалось первенствую-

щаго значенія; въ грамотахъ его иногда опускали и Іоаннъ именовался только государемъ и великимъ княземъ всея Руси. Когда германскій посолъ Поппель предлагалъ Іоанну выхлопотать для него у императора Фридриха III королевскій титулъ, то Іоаннъ отвѣтилъ: «Мы, Божьей милостью, государь на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей и поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, и просимъ Бога, чтобъ и впредь далъ Богъ и намъ, и нашимъ дѣтямъ до вѣка такъ быть, какъ мы теперь есть государи на своей землѣ; а поставленія ни отъ кого не хотѣли и теперь не хотимъ».

Возвышая свой санъ, Іоаннъ впервые принялъ личное участіе и въ нарѣченіи московскимъ митрополитомъ игумена Симона. Когда епископы въ Великокняжеской Думѣ нарекли Симона достойнымъ первосвятительства, то Іоаннъ пошелъ съ нимъ изъ дворца въ Успенскій соборъ въ сопровожденіи сыновей своихъ, внука, всѣхъ епископовъ, бояръ и дьяковъ. Тамъ, при пѣніи тропарей и чтеніи молитвъ, поклонились иконамъ и мощамъ. Затѣмъ Іоаннъ взялъ Симона за руку и, по выходѣ изъ собора, передалъ епископамъ, которые и отвели его въ митрополичій домъ. Въ день посвященія, по совершеніи всѣхъ обрядовъ, новый митрополитъ долженъ былъ занять свое мѣсто, но въ это время Іоаннъ выступилъ впередъ. Пѣніе прекратилось и Іоаннъ, обращаясь къ Симону, громогласно сказалъ: «Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая намъ государство всея Руси, подаетъ тебѣ сей великій престолъ архіерейства руковозложеніемъ архіепископовъ и епископовъ нашего

царства. Воспріими жезлъ пастырства; взыди на сѣдалище старѣйшинства во имя Господа Іисуса; моли Бога о насъ—и да подастъ тебѣ Господь здравіе со многоденствомъ». Митрополитъ, въ отвѣтной рѣчи, назвалъ Іоанна «Самодержавный владыко» и «Государь самодержавный».

Личной храбростью Іоаннъ не обладалъ и рисковать жизнью не рѣшался. Когда, въ 1480 году, ханъ Золотой орды Ахметъ, подстрекаемый польскимъ королемъ Казиміромъ, напалъ на Русь, Іоаннъ выслалъ противъ него войско съ воеводами и сыномъ своимъ Иваномъ, а самъ остался въ Москвѣ, отправивъ жену свою Софію съ дѣтьми и съ своею казною на Бѣлоозеро. Побуждаемый своею матерью инокиней Марѳой и духовенствомъ, Іоаннъ только черезъ шесть недѣль рѣшился выѣхать изъ Москвы къ войску, оставивъ намѣстникомъ боярина князя И. Ю. Патрикѣева. Доѣхавъ до Коломны, онъ, въ видахъ личной безопасности, внимая совѣту приближенныхъ къ нему льстецовъ, снова вернулся въ Москву. Народъ возроптал. Іоаннъ не рѣшился въѣхать въ городъ и остановился въ Красномъ Селѣ, объявивъ, что пріѣхалъ посовѣтоваться съ матерью, духовенствомъ и боярами. И мать, и общій голосъ народа указывали ему вернуться къ войску. Іоаннъ вытребовалъ себѣ сына Ивана. Тотъ отказался, заявивъ, что ждетъ нападенія татаръ. Іоаннъ приказалъ воеводѣ князю Холмскому доставить Ивана силою. Холмскій уклонялся исполнить это приказаніе. Іоаннъ вынужденъ былъ возвратиться къ войску. Тамъ его приближенные совѣтовали ему просить милости у Ахмета. Тотъ потребовалъ, чтобы Іоаннъ

лично пріѣхалъ къ нему бить челомъ. Въ это время Іоаннъ получилъ знаменитое смѣлое посланіе ростовскаго архіепископа Вассіана, который еще ранѣе, при возвращеніи Іоанна въ Москву, убѣждалъ его не поддаваться хану, говоря: «Если ты боишься, то передай своихъ воиновъ мнѣ; я хотя и старъ, но не пощажу себя, не отвращу лица своего, когда придется стать противъ татаръ». Іоаннъ не ѣхалъ къ Ахмету. Тотъ сталъ требовать присылки сначала сына Іоаннова, потомъ боярина Басенка. Іоаннъ не посылалъ и ихъ. Наконецъ, Ахметъ, свѣдавъ, что посланные Іоанномъ на Волгу воеводы напали на Сарай и разграбили его, отступилъ и ушелъ черезъ литовскія земли. Іоаннъ съ торжествомъ вернулся въ Москву.

Не забудемъ, что при Іоаннѣ III получило лучшее устройство войско, введено правильное земельное устройство раздѣленіемъ земли на сохи, съ заведеніемъ писцовыхъ записей или книгъ и изданъ Судебникъ, который, между прочимъ, ограничилъ свободный переходъ отъ владѣльца къ владѣльцу, допустивъ его только разъ въ годъ, въ теченіи двухъ недѣль отъ осенняго Юрьева дня 26 ноября.

При Іоаннѣ возведены въ Москвѣ каменные соборы Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій и нѣсколько другихъ церквей, а также построена и Грановитая палата. Подъ конецъ жизни онъ построилъ каменный дворецъ, но самъ продолжалъ жить въ деревянномъ, считая это болѣе здоровымъ. Онъ расширилъ и перестроилъ заново каменную стѣну Кремля съ башнями и воротами и устроилъ среди Кремля подземные тайники для храненія своихъ сокровищъ и государственной казны.

Іоаннъ имѣлъ особенную любовь къ металлическому дѣлу во всѣхъ его видахъ; при немъ впервые стали чеканить монету изъ русскаго серебра.

Іоаннъ былъ скупъ, честолюбивъ и пользовался всякимъ законнымъ и незаконнымъ поводомъ, какъ для увеличенія своихъ владѣній, такъ и для пріумноженія своей казны, которая, кромѣ Москвы, сохранялась еще въ Вологдѣ и на Бѣлоозерѣ.

Народъ не любилъ Іоанна, но боялся его и чтилъ.

Дѣтей своихъ Іоаннъ старался женить на лицахъ иноземнаго происхожденія. Но когда ему для двухъ дочерей предложили саксонскаго курфюрста и маркграфа бранденбургскаго, то онъ счелъ это для себя унизительнымъ и указалъ, какъ на жениха, на сына германскаго императора. Когда же императоръ прислалъ посла для переговоровъ о сватовствѣ сына своего Максимиліана, то Іоаннъ потребовалъ, чтобы его дочь оставалась православною и имѣла свою церковь и священниковъ. Также отказалъ онъ послу показать ему дочь свою до окончанія дѣла и уклонился вести переговоры о приданомъ, подъ предлогомъ, что не слыхано, чтобы между государями могла быть ряда объ этомъ. Впослѣдствіи онъ выдалъ старшую дочь свою Олену за великаго князя Литовскаго Александра, съ тѣмъ, чтобы онъ не принуждалъ ее къ римскому закону. Вторую дочь Ѳеодосію онъ, не задолго до своей смерти, выдалъ за своего подданнаго князя Холмскаго. Черезъ годъ она умерла. Сыну своему Василью онъ тоже сваталъ дочь датскаго короля, но получилъ отказъ, и когда дочь его Олена тоже отказалась отыскать брату своему подходящую не-

вѣсту изъ иноземныхъ царственныхъ родовъ, то Іоаннъ, чувствуя приближеніе смерти, собралъ, по византійскому примѣру, 1,500 дѣвицъ изъ дочерей бояръ и служилыхъ людей, изъ которыхъ Василій и избралъ въ жены Соломонію Сабурову. Черезъ мѣсяцъ послѣ этой свадьбы Іоаннъ умеръ на 68-мъ году своей жизни, процарствовавъ 43 года. Передъ смертью, онъ, принявъ таинства причащенія и соборованія, отказался отъ обычнаго, по примѣру предковъ, постриженія въ иночество, пожелавъ и умереть государемъ, а не монахомъ.

Братъ Іоанна Андрей и ранѣе противившійся волѣ Іоанна, за неисполненіе приказанія выставить воеводъ (т. е. войско) противъ сыновей Ахмета, былъ вызванъ Іоанномъ въ Москву, гдѣ, послѣ дружескаго свиданія во дворцѣ, былъ схваченъ, заключенъ въ оковы и посаженъ въ тюрьму, въ которой и умеръ. Два сына Андрея были захвачены Патрикѣевымъ въ Угличѣ и заключены въ тюрьму сначала въ г. Переяславлѣ, а затѣмъ въ Вологдѣ, гдѣ и содержались до смерти. Одинъ изъ нихъ, Іоаннъ, пробылъ въ заключеніи тридцать два года, постригся въ тюрьмѣ въ монахи, принялъ передъ смертью схиму и причисленъ къ лику святыхъ. Другого брата своего Бориса, во всемъ послушнаго его волѣ, Іоаннъ не трогалъ, связавъ его договорными грамотами и крестнымъ цѣлованіемъ сохранять ему вѣрность и не сноситься ни съ внутренними, ни съ внѣшними его врагами.

Замѣчательно, что при Іоаннѣ русскій купецъ Аѳанасій Никитинъ проникъ въ Индію и сообщилъ о ней нѣкоторыя, хотя и скудныя свѣдѣнія ранѣе открытія ея Васко де-Гамой.

Зинаида-Софія Ѳоминишна Палеологъ была племянница послѣдняго Византійскаго императора Константина Палеолога, дочь брата его Ѳомы, бывшаго деспота Морейскаго. Она проживала въ Римѣ, но не хотѣла выйти замужъ за сватавшихся къ ней французскаго короля и миланскаго герцога, какъ исповѣдовавшихъ католическую вѣру. При посредствѣ папы, надѣявшагося воспользоваться этимъ для соединенія церквей, состоялся бракъ Софіи съ Іоанномъ III. Софія много помогала Іоанну въ установленіи самодержавія и византійскихъ придворныхъ обычаевъ. Не даромъ русскій человѣкъ Берсень говорилъ про нее впослѣдствіи греку Максиму, что съ тѣхъ поръ, какъ мати государева пришла въ Москву, то «наша земля замѣшалася, и она къ нашему нестроенію пришла». Іоаннъ, даже послѣ размолвки съ нею и заточенія Василія, щадилъ свою царственную жену, и подъ конецъ своей жизни она снова взяла силу.

Умерла она въ 1503 году, за два съ половиной года до смерти Іоанна.

Софья была величественна и красива, но съ молодыхъ лѣтъ склонна къ полнотѣ. Герберштейнъ пишетъ про нее: «говорятъ, что эта Софія была весьма хитра и подъ вліяніемъ ея князь многое дѣлалъ».

Народъ не любилъ ее и называлъ римлянкою.

Княгиня Олена была дочь молдавскаго господаря Стефана и жена старшаго сына Іоанна, отъ первой жены послѣдняго тверской княжны Маріи, Ивана Младого, умершаго въ 1490 году. Она была вовлечена

въ жидовствующую ересь зятемъ Успенскаго протопопа Алексѣя Иваномъ Максимовымъ. Къ этой ереси принадлежалъ и самъ протопопъ Алексѣй, протопопъ Архангельскаго собора Денисъ (оба переведенные изъ Новгорода), государевъ посольскій дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, его братъ Иванъ Волкъ и много духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Ей покровительствовалъ и самъ митрополитъ московскій Зосима.

Основателемъ секты жидовствующихъ былъ ученый еврей Схарія, проповѣдывавшій ее въ Новгородѣ.

Сущность этой ереси состояла въ отверженіи христіанскихъ догматовъ, таинствъ и обрядовъ и въ предпочтеніи Ветхаго Завѣта Новому; но главною приманкою служили астрологическія гаданія и маго-кабалистическія явленія, тайны которыхъ сохранились въ средѣ ученаго еврейства.

Молодая, скучающая въ своемъ честномъ вдовствѣ княгиня легко увлеклась этою таинственною областью древняго знанія и сдѣлалась дѣятельною участницею тайныхъ сборищъ, въ которыхъ участвовалъ и даровитѣйшій изъ сотрудниковъ Іоанна посольскій дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, неоднократно ѣздившій въ посольствѣ заграницу и даже привезшій изъ югорской земли венгерца Мартынку, который жилъ у него въ домѣ и тоже не былъ лишенъ тайныхъ познаній, сохраняющихся и понынѣ среди цыганъ.

Новгородскій архіепископъ Геннадій и игуменъ Волоколамскаго монастыря Іосифъ Волоцкой ревностно возстали противъ жидовствующей ереси. По ихъ настоянію былъ созванъ соборъ. Они предлагали крутыя мѣры, пытки и казни еретиковъ. Іоаннъ не согласился,

говоря, что надо искоренить ересь, но безъ казней, противныхъ духу христіанства. Подъ его вліяніемъ соборъ ограничился тѣмъ, что проклялъ ересь, а нераскаявшихся еретиковъ осудилъ на заточеніе. Знатнѣйшіе изъ нихъ остались безнаказанными.

Поведеніе на соборѣ митрополита Зосимы доказало его потворство еретикамъ. Къ тому же онъ любилъ веселую жизнь, пиры, вино. Іоаннъ приказалъ Зосимѣ добровольно отказаться отъ митрополіи и удалиться въ Симоновъ, а затѣмъ въ Троицкій монастырь.

Новый митрополитъ Симонъ и въ особенности тотъ же игуменъ Іосифъ продолжали требовать у Іоанна строгой казни всѣхъ еретиковъ. Іоаннъ долго не соглашался. Иногда онъ просто приказывалъ Іосифу умолкнуть; иногда обѣщалъ подумать. Только послѣ примиренія съ Софьей, уже одержимый предсмертной болѣзнью, онъ, за два года до своей смерти, созвалъ вновь духовный соборъ для искорененія жидовствующей ереси. На соборѣ нѣкоторые изъ еретиковъ стали защищать свои убѣжденія, другіе изъявили раскаяніе. Но Іосифъ требовалъ казни для всѣхъ, горячо убѣждая, что раскаянію, вынужденному страхомъ смерти, нельзя довѣрять. Іоаннъ уступилъ. Соборъ осудилъ еретиковъ на казнь. Главнѣйшіе изъ нихъ были сожжены живыми въ клѣткахъ, инымъ отрѣзали языкъ, остальныхъ заключили въ тюрьму и разослали по монастырямъ.

Тогда же Іоаннъ наложилъ опалу и на княгиню Олену съ сыномъ Дмитріемъ, заключивъ ихъ подъ стражу. Олена умерла въ 1504 году, пробывъ въ заключеніи около двухъ лѣтъ.

Княжичъ Дмитрій Іоанновичъ на шестнадцатомъ году своей жизни былъ объявленъ Іоанномъ III въ 1498 году наслѣдникомъ престола съ титуломъ великаго князя владимирскаго и московскаго, причемъ Іоаннъ торжественно вѣнчалъ своего внука въ Успенскомъ соборѣ, собственноручно возложивъ на него бармы (оплечья) и шапку Мономаха. Это было первое коронованіе на Руси. Но черезъ годъ Іоаннъ, примирившись съ Софьей и освободивъ сына ихъ Василія изъ заключенія, объявилъ послѣдняго сначала великимъ княземъ Новгорода и Пскова, а затѣмъ и великимъ княземъ всея Руси. Дмитрій же, одновременно съ своею матерью княгиней Оленой, былъ подвергнутъ заключенію въ 1502 году и умеръ въ 1509 году, въ царствованіе дяди своего Василія, пробывъ, по сказанію лѣтописца, семь лѣтъ «въ нужѣ и въ тюрьмѣ».

Бояринъ князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, внукъ литовскаго князя Патрикія Наримунтовича и сынъ сестры великаго князя Василія Дмитріевича (дѣда Іоанна III), былъ самымъ приближеннымъ къ Іоанну III бояриномъ и долго пользовался его полнымъ довѣріемъ. Будучи сторонникомъ княжича Дмитрія и врагомъ царицы Софьи, онъ, послѣ торжества послѣдней и объявленія наслѣдникомъ престола Василія, подвергся опалѣ и былъ приговоренъ къ смертной казни, но потомъ, по просьбѣ духовенства, постриженъ въ монахи, вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ своимъ Василіемъ. Богатыя имѣнія его, состоявшія болѣе чѣмъ изъ пятидесяти вотчинъ, селъ и де-

ревень, были отобраны въ государеву казну. Его зять князь Семенъ Ряполовскій (потомокъ стародубскихъ князей) былъ, по опалѣ Патрикѣева, казненъ Іоанномъ за то, что «высокоумничалъ», какъ выразился самъ Іоаннъ въ своемъ наставленіи посламъ, отправляемымъ имъ къ польскому королю.

Старшій сынъ Патрикѣева, въ иночествѣ Вассіанъ, прозванный Косымъ, за свою ученость и строгую жизнь долго пользовался расположеніемъ государя Василія III, сына Іоанна III. Но когда Вассіанъ возсталъ противъ развода Василія съ Соломоніею, доказывая несоотвѣтствіе его намѣренія съ евангельскими и апостольскими правилами, то Василій, спустя нѣкоторое время, предалъ Вассіана соборному суду духовенства, негодовавшаго на него за смѣлыя писанія противъ стяжанія духовенства и монастырей. Придравшись къ опискамъ въ писаніяхъ Вассіана и довѣряя лжесвидѣтелямъ, соборъ осудилъ Вассіана на заточеніе къ самымъ ярымъ противникамъ его, инокамъ Волоколамскаго монастыря, гдѣ, по сказанію Курбскаго, Вассіана и уморили голодною смертью.

Андрей Фіоравенти, прозванный Аристотелемъ, былъ родомъ изъ Болоньи и пріѣхалъ въ Москву съ русскимъ посломъ Толбузинымъ, какъ зодчій, на жалованье десять рублей въ мѣсяцъ. Онъ привезъ съ собою сына Андрея и ученика Петра. Аристотель, кромѣ строительнаго дѣла, умѣлъ лить пушки, колокола и чеканить монету. Имъ построены Успенскій соборъ и еще нѣсколько церквей и каменныхъ палатъ въ Москвѣ.

Іоаннъ III не дозволялъ иностранцамъ строить церкви по западнымъ образцамъ. Онъ посылалъ строителей въ русскіе города для изученія тамъ нашего древнерусскаго церковнаго зодчества, а также и византійскаго стиля каменныхъ храмовъ во Владимирѣ, Новгородѣ и другихъ городахъ, и затѣмъ самъ утверждалъ представляемые ему планы церковныхъ построекъ, заставляя ихъ передѣлывать и измѣнять.

Аристотель пользовался большимъ расположеніемъ Іоанна III. Но когда, напуганный казнью лекаря Антона, онъ сталъ просить Іоанна отпустить его на родину, то Іоаннъ отобралъ у него все его имущество и подвергъ его временному заключенію въ домѣ того-же Антона.

Аристотель умеръ въ Москвѣ, переживъ своего сына Андрея, схороненнаго тоже въ Москвѣ.

Царицынъ дворцовый чинъ былъ мужской и женскій.

Мужской чинъ раздѣлялся на приказный, крестовый, стольничій, походный, истопничій и мастерской.

Приказный чинъ управлялъ всѣмъ царицынымъ дворцовымъ вѣдомствомъ. Онъ собственно составлялъ постельный (комнатный) приказъ государыни царицы или «Приказъ царицыной мастерской палаты» и состоялъ изъ царицына дворецкаго (въ званіи окольничьяго) и дьяка, вѣдавшаго всю письменную часть приказа и его дѣлопроизводство, для чего при немъ состояли старшіе и младшіе подъячіе.

Крестовый чинъ состоялъ изъ крестовыхъ дьяковъ, которые исполняли обязанности псаломщиковъ и пѣв-

чихъ при обычныхъ повседневныхъ моленіяхъ царской семьи. Начальный изъ нихъ именовался уставщикомъ.

Въ стольничьемъ чину состояли царицыны стольники, которые прислуживали за столомъ и сопровождали царицу въ ея выѣздахъ и походахъ. Они набирались изъ дѣтей боярскихъ, окольничьихъ и вообще ближнихъ людей и служили отъ 10 до 17-ти лѣтняго возраста, послѣ чего часть ихъ переводилась въ стольники и спальники государя и его взрослыхъ сыновей, имѣвшихъ свой отдѣльный штатъ.

Къ походному чину принадлежали царицыны боярскія дѣти. Служба ихъ заключалась въ посылкахъ ихъ по различнымъ дѣламъ царицею и ея боярынями, въ охраненіи царицы во время ея выѣздовъ и путешествій и вообще въ обереганіи царицы и ея семейства, для чего они и спали наверху, то есть передъ покоями царицы, дежуря посуточно. Служили они по три мѣсяца въ году, а остальное время жили въ своихъ помѣстьяхъ. Впослѣдствіи, при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ штатное число ихъ опредѣлялось въ 100 человѣкъ, но ихъ бывало и больше.

Въ истопничьемъ чину начальное мѣсто занималъ истопничій, имѣвшій наблюденіе за чистотою и отопленіемъ хоромъ и за всѣмъ, соотвѣтствующимъ этому обиходу. Его вѣдомство сосредоточивалось въ истопничьей палатѣ, и подъ его начальствомъ находились мовные и сѣнные истопники и сторожа. Мовные истопники готовили и топили мыльни (бани) у царицы и царевенъ, а сторожа исполняли работу также при мыльняхъ и сторожили ихъ. Сѣнные истопники наблюдали за чистотою

въ хоромахъ, топили ихъ и стояли у дверей для отворанія. Сѣнные сторожа стерегли и оберегали на сѣняхъ, крыльцахъ, лѣстницахъ и дворахъ. Сѣнные истопники служили по полугоду, а остальное полугодіе жили въ жалованныхъ имъ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ.

Мастерской чинъ состоялъ изъ разныхъ мастеровыхъ людей по заготовленію платьевъ и иныхъ предметовъ хозяйственнаго обихода.

Всѣ эти чины, за рѣдкими исключеніями, набирались изъ родственниковъ и свойственниковъ служащихъ въ царицыномъ штатѣ людей. Впослѣдствіи, во избѣжаніе пьянства и буйства, въ истопники и сторожа принимались только лица съ поручными за нихъ записями и съ денежною отвѣтственностью поручителей, причемъ запись оканчивалась такъ, «наши поручиковы головы вмѣсто его головы».

Женскій царицынъ чинъ состоялъ изъ дворовыхъ или верховыхъ боярынь, первое мѣсто между которыми принадлежало мамамъ (надзирательницамъ) малолѣтнихъ царевичей и царевенъ. Дворовыя боярыни назначались особымъ царскимъ указомъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ поручалось завѣдываніе домашнимъ обиходомъ царицы. Главнѣйшая изъ нихъ называлась кравчею, находилась постоянно при царицѣ и была ея правою рукою во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ. Другая, казначея, завѣдывала царицыною казною. Третья, свѣтличная, вѣдала все рукодѣльное дѣло. Четвертая, постельница, имѣла наблюденіе за всѣмъ постельнымъ (комнатнымъ) обиходомъ и вѣдала портомойное дѣло. Пятая, судья, разбирала ссоры, пререканья и проступки женскаго царицына чина. Впо-

слѣдствіи прибавилась еще приказная боярыня, завѣдывавшая хамовнымъ дворомъ, гдѣ изготовлялась всякаго рода бѣлевая казна, полотна, скатерти и т. п. Она называлась также Кадашевскою боярынею, но по чину равнялась лишь съ казначеями.

Къ второй степени принадлежали:

1) Казначеи, на рукахъ которыхъ была вся домашняя казна царицы: уборы, вещи, деньги, одежда и т. п. Онѣ вели приходъ и расходъ этой казны и потому назначались изъ грамотныхъ, исполняя иногда обязанность комнатныхъ псаломщицъ и чтицъ. Иногда, за долгую и усердную службу, онѣ возводились въ чинъ верховой боярыни. Число ихъ опредѣлялось числомъ членовъ царской семьи, такъ какъ казною каждаго царевича и царевны завѣдывала особая казначея. Впослѣдствіи у самой царицы ихъ было двѣ. Кромѣ казначеи, у царицы была еще ларешница, завѣдывавшая дворцовыми ларцами или хранилищами имущества.

2) Учительницы малолѣтнихъ царевенъ грамотѣ, которыхъ иногда называли мастерицами.

3) Кормилицы царскихъ дѣтей, переходившія потомъ въ низшій царицынъ чинъ, а иногда возвышавшіяся даже до чина верховой боярыни. Государева же кормилица оставалась въ этомъ званіи пожизненно, получая въ пенсію весь свой окладъ.

4) Псаломщицы, читавшія обыденныя молитвы у царевенъ, а также и у царицы; онѣ же вообще были и чтицами. Обязанности ихъ большею частью исполняли казначеи.

Третью степень занимали сѣнные боярышни, жившія въ теремѣ царицы и царевенъ. Онѣ стольничали у царевенъ и, какъ сверстницы, жили вообще для игръ, забавъ и собесѣдничества. Число ихъ не было ограничено. Избирались онѣ изъ дворянскаго сословія по преимуществу отношенія своего къ родству царицы и верховыхъ боярынь.

Въ четвертой степени состояли:

1) Постельницы, исполнявшія обязанности комнатной прислуги. Онѣ дежурили посуточно и днемъ сидѣли у царицы въ сѣняхъ, а ночью спали въ Верху возлѣ спаленъ царицы и царевенъ. Къ нимъ принадлежали и карлицы.

2) Комнатныя бабы. Это были лекарки и поступали обыкновенно изъ принимальныхъ или повивальныхъ бабокъ, исполнявшихъ эту обязанность при рожденіи царскихъ дѣтей. При царицѣ ихъ было двѣ и у каждой царевны по одной.

Къ пятой степени принадлежали мастерицы и ученицы золотныя и бѣлыя, то есть золотошвеи и бѣлошвеи. Онѣ набирались изъ женъ, вдовъ и дочерей дворовыхъ же государевыхъ людей, царицыныхъ боярскихъ дѣтей, подъячихъ, стряпчихъ, подключниковъ, конюховъ и т. п., а иныя и изъ городского дворянства. Число хорошихъ мастерицъ обыкновенно было тридцать, почему онѣ и назывались тридцатницами. При Свѣтличной палатѣ состояли еще два знаменщика, которые знаменили, т. е. рисовали потребные для шитья рисунки иконъ и другихъ изображеній, а также узоры, и свѣтличный писецъ, составлявшій рисунки надписей для вышиванія.

Шестую и послѣднюю степень занимали портомои или мовницы, то-есть прачки, набиравшіяся изъ женъ дворовыхъ людей.

Внѣ служебнаго чина состояли еще дѣвочки-сиротинки, калмычки, арапки, а впослѣдствіи еще верховыя богомолицы, дурки-шутихи и другія.

Каждый вечеръ, часовъ въ 8 или въ 9, когда запирались кремлевскія ворота, сторожевые стрѣльцы начинали перекликаться между собою, что продолжалось до разсвѣта.

Стражникъ близъ Успенскаго собора начиналъ протяжно и на распѣвъ: «Пресвятая Богородица спаси насъ!» Слѣдующій продолжалъ: «Святые московскіе Святители и Чудотворцы молите Бога о насъ!» Затѣмъ слѣдующіе поочередно: «славенъ городъ Москва, славенъ городъ Кіевъ, славенъ городъ Володимеръ» и т. д. перечисляя по числу сторожевыхъ постовъ главнѣйшіе города Московскаго государства, кромѣ Новгорода и Пскова. Обычай этотъ существовалъ до Петра Великаго, которымъ былъ уничтоженъ.

КОНЕЦЪ.

БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНІЕ.

ОТРЫВОКЪ

изъ драматической хроники.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Андрей Михайловичъ Шуйскій, правитель царства.
Князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій.
Князь Ѳедоръ Ивановичъ Скопинъ-Шуйскій.
Князь Дмитрій Ивановичъ Палецкой.
Князь Шкурлятевъ.
Князь Иванъ Семеновичъ Кубенскій.
Иванъ Третьяковъ, казначей Большой казны.
Гаврилычъ, дворецкій.

(Дѣйствіе происходитъ 9 сентября 1543 года).

Комната въ домѣ князя Андрея Шуйскаго. Трое Шуйскихъ сидятъ у стола.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Ты говоришь, князь Ѳедоръ, что напрасно
Мы Ѳедьку Воронцова допустили
Въ такую дружбу къ юному царю.

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ.

Вѣстимо, князь! Ты знаешь, какъ опасны
Любимцы эти. Черезъ нихъ всегда
До государя многое доходитъ,
Чего ему и знать не надлежитъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Когда бы онъ былъ нашимъ доброхотомъ,
Тогда его, пожалуй, отчего-жъ
Не допустить товарищемъ и другомъ
Къ царю Ивану.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

И выходитъ, князь,
Что ты уменъ, да простъ и недогадливъ!
Ужъ если приближать кого къ царю,
Такъ лишь себя; а друга не легко
Спихнуть во-врѐмя, то есть, если онъ
Захочетъ самъ забрать всю силу.

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ.

Правда!
Но и съ врагомъ...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

А Бѣльскаго не помнишь?
А Оболенскаго забылъ? Какими
Столпами были царства и съ умомъ,
А съ Шуйскими бороться не сумѣли.
Погибли оба!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Слушай, князь Андрей!
То было время, а теперь другое.
Вѣдь царь растетъ.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Да вырастетъ не скоро.
А вырастетъ, такъ тоже не бѣда!
Такой же будетъ.

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ.

Ну, не говори!
Не вышелъ бы онъ въ дѣда иль въ отца.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Отъ насъ зависитъ; какъ его научимъ.
Наука эта не хитра. Бывало,
Насъ поучалъ нашъ дядя, князь Иванъ *)
Что можемъ мы спокойно уживаться
Съ царевой властью и что намъ она
На пользу служитъ. Только надо ею
Умѣло прикрываться. Надо ловко
Внушать царю, что, молъ, заботы власти
И тяжелы, и трудны; что ему
Въ забавахъ разныхъ, въ играхъ, да въ весельи,
Какъ молодому парню, надлежитъ
Лишь тѣшиться; а намъ, его слугамъ,
Служить ему и тяготы правленья
Брать на себя, какъ опытнымъ въ дѣлахъ
И боевыхъ, и земскихъ.

---

*) Князь Иванъ Шуйскій, бывшій въ малолѣтство Ивана Грознаго два раза правителемъ царства и передавшій по болѣзни правленіе своимъ племянникамъ князьямъ Андрею и Ивану Михайловичамъ Шуйскимъ и Ѳедору Ивановичу Скопину-Шуйскому.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Князь Иванъ
Былъ мудръ зѣло.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

За то въ своихъ рукахъ
Все и держалъ! Онъ насъ училъ, что нужно
Лишь льстить царю и потакать ему
Во всѣхъ его желаньяхъ. Надо строго
Не допускать, чтобъ развивались въ немъ:
Ума пытливость, съ смердами братанье
И жалость къ нимъ. Чтобъ онъ не зналъ народа!
Чтобъ съ дѣтскихъ лѣтъ онъ только въ насъ однихъ
Искалъ опоры; чтобъ не могъ помыслить,
Что обойтись онъ можетъ безъ бояръ
Въ правленьи царствомъ. Такъ, пока онъ малъ,
Пусть тѣшится, чѣмъ хочетъ; а потомъ,
Какъ подрастетъ и приметъ власть наружно,
Все то же быть должно, но ужъ вѣстимо,
Потѣха перемѣнится. Тогда
Пусть тѣшится войной, забавой ратной,
Охотою, кулачными боями,
Народной травлей, помня, что народъ—
Презрѣнный рабъ, живущій для забавы
Своихъ царей! Пусть тѣшится еще
Веселой жизнью съ молодой женой,
Когда пора приспѣетъ повѣнчаться.

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ.

Послѣдняя потѣха иногда
Заставитъ всѣхъ плясать по женской дудкѣ.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Великое умѣнье быть должно
Царю сыскать надежную невѣсту.
Не даромъ говорится, что ночная
Кукушка все перекукуетъ. Да!..
Тутъ нужно выбрать дѣвушку такую,
Чтобъ твердый нравъ имѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ
Привязанность глубокую къ тому,
Кто ей помогъ свою судьбу устроить.
Изъ худородныхъ—лучше... Впрочемъ, рано
Еще объ этомъ думать. Ну, а если
И ошибемся, такъ поправить можно.
Другое средство есть.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Скажи, какое?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Да страхъ!

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ.

Чего?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*улыбаясь*).

Ты догадайся самъ.

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ.

Не знаю.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

То-то, все тебѣ скажи
И растолкуй! Да страхъ передъ народомъ,

Боязнь передъ народнымъ мятежемъ,
Предъ чернью злой. И въ этомъ наша сила
Всегда пребудетъ! Надо лишь внушать
Царю всегда и кстати, и некстати,
Что только нами держится земля.
Что если только насъ онъ промѣняетъ
На худородныхъ и отдастъ на жертву
Народному суду, то вмѣстѣ съ нами
И онъ погибнетъ въ яростномъ потокѣ
Разнузданнаго бѣшенства звѣрей.
Тогда онъ нашъ! Хотя, въ своей враждѣ,
Мы будемъ падать, снова подниматься;
Но все-таки борьба произойдетъ
Лишь между нами... Говорилъ Иванъ,
Что преполезно тоже иногда,
Такъ, для острастки, учинить мятежъ
Или волненіе народное. Привыченъ
Нашъ горожанинъ къ дракѣ; надо только
При немъ начать, а тамъ ужъ онъ пойдетъ
Катать по своему!.. Мои холопы
Умѣютъ ловко учинять мятежъ.

(*входятъ князья:* **Палецкой, Шкурлятевъ** *и* **Кубенскій,** *казначей* **Третьяковъ** *и дворецкій* **Гаврилычъ**).

КНЯЗЬ ПАЛЕЦКОЙ.

Кажись, не запоздали? Бьемъ челомъ
Тебѣ, хозяинъ! Твоему приказу
Послушны мы. За Шуйскими охотно
Пойдемъ всегда.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Спасибо, князь Семенъ,
За ласковое слово! И отъ насъ
Поклонъ примите. (*кланяется*). Времени довольно
Еще осталось. Сядемте, друзья,
И потолкуемъ. (*къ дворецкому*). Прикажи, Гаврилычъ,
Подать медку. Какъ прополощешь горло,
Такъ и языкъ развяжется. (*всѣ садятся*).

КНЯЗЬ ШКУРЛЯТЕВЪ.

Вѣстимо!

КНЯЗЬ ПАЛЕЦКОЙ.

А твой медокъ и мертваго заставитъ
Разинуть ротъ и руку протянуть.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Не трогай мертвыхъ! Вотъ, посмотримъ лучше,
Какою рѣчью насъ повеселитъ
Иванъ Трофимычъ? (*къ Третьякову*). Друже казначей...

ТРЕТЬЯКОВЪ (*перебивая*).

Охъ, знаю, князь, что рѣчь моя тебѣ
Не пò сердцу придется!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Погоди!
Ты прежде горло промочи, а послѣ

И начинай! (*къ дворецкому, который принесъ жбанъ меда и поднось съ кубками*). Налей ему, Гаврилычъ!

(*Гаврилычъ наливаетъ всѣмъ и уходитъ*).

ТРЕТЬЯКОВЪ (*взявъ кубокъ*).

Дай Богъ тебѣ здоровья, князь, со чады
И домочадцы рода твоего! (*пьетъ*).

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*пьетъ*).

Спасибо! Дай Господь, чтобы казна
Была у насъ обильна постоянно,
Какъ и твое дородство. Ну, теперь
Промолви слово, да не огорчай
Ты наши уши рѣчью неповадной.

ТРЕТЬЯКОВЪ.

Казна пуста! Ты, князь, ужъ очень часто
Въ нее заглядываешь.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Знаю самъ,
Что всей казны народной не хватаетъ
Для насъ бояръ. Да что-жъ и дѣлать съ ней!
Неужели дозволить безъ остатка
Пройти межъ рукъ? Вѣдь тамъ, что ни толкуй,
А, знаешь, есть пословица такая:
Что взято, то и свято! Мы вѣдь всѣ
Охотники до денегъ. И нельзя
Отказывать своимъ. Грѣшно при этомъ

Позабывать себя, семью, дѣтей
И ближнихъ нашихъ. Самъ Господь велитъ
О нихъ пещись.

КНЯЗЬ КУБЕНСКІЙ.

Охъ, умудрилъ Господь
Тебя, бояринъ! Какъ не умилиться,
Такимъ рѣчамъ внимая.

КНЯЗЬ ШКУРЛЯТЕВЪ.

Оттого
Онъ и силенъ! Извѣстно всѣмъ, бояре,
Какъ князь Андрей заботится о насъ.

КНЯЗЬ ПАЛЕЦКОЙ.

Князь истину глаголетъ. Вѣдь бояринъ —
Не то, что смердъ. Онъ завсегда пристойно,
Какъ подобаетъ званію, держать
Себя предъ всѣми долженъ. Разсудите-жъ,
Какой расходъ потребенъ ежедневно
Для нашей чести.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

Нынѣ, князь, не всѣ
Такъ разсуждаютъ. О нуждѣ народной
Жужжатъ царю, какъ мухи; злымъ шептаньемъ
Его смущаютъ и поклепъ на насъ,
На старыхъ слугъ, возводятъ неустанно.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Наплюй въ глаза тому, кто выставляетъ
Свое желанье послужить народу,

Ему на пользу! Вретъ, собачій сынъ!
Лишь прикрываетъ громкими словами
Свою корысть.

КНЯЗЬ ШКУРЛЯТЕВЪ.

Не говори; бываютъ
Такіе люди.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Только среди насъ
Ты не ищи ихъ! Наша вся забота,
Чтобы устроиться самимъ, а вмѣстѣ
Своихъ пристроить. Мы съ тобой роды
Отъ крови Рюрика. Не даромъ, княже,
Мы разрослись въ обширную семью;
Мы всѣ въ ней близки, и должны стараться
Поддерживать другъ друга предъ царемъ.
Ты не забылъ пословицу: рука
Вѣдь руку моетъ и бываютъ обѣ
Чрезъ это чисты.

КНЯЗЬ ШКУРЛЯТЕВЪ.

Такъ!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

А о народѣ
Заботиться не стоитъ! Онъ и самъ
Себя устроитъ. Съ голоду не сгинетъ!
А если и случится иногда
По Божьему произволенью—голодъ,
Пожары, моръ, или иное что,
И передохнутъ—такъ потомъ опять

Свое возьмутъ. Плодятся точно мухи.
Живучи такъ, что, кажется, ничѣмъ
Не изведешь холопье наше племя!

КНЯЗЬ КУБЕНСКІЙ.

Правдива рѣчь! Всякъ долженъ о себѣ,
Да о своихъ заботиться, понеже
Одинъ лишь Богъ заботится о всѣхъ.
Вѣстимо, тамъ, въ совѣтахъ царскихъ, въ думѣ,
Мы всѣ толкуемъ лишь объ общей пользѣ,
О благѣ царства, о нуждахъ народа,
О меньшей братіи—а на умѣ
Совсѣмъ другое держимъ.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

И нельзя
Намъ поступать иначе! Разсуди:
Пока я въ силѣ—я богатъ, и знатенъ,
И власть имѣю, и почетъ отъ всѣхъ.
А наложи опалу на меня—
И все исчезнетъ! Для чего жъ работать
Для пользы общей, если отъ нея
Тебѣ прибытку нѣтъ?

КНЯЗЬ КУБЕНСКІЙ.

Вѣстимо, князь!
Своя рубашка ближе къ тѣлу.

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ.

Правда!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Мы близки всѣ, и всѣ должны стоять
За своего! Вотъ вы лишь крѣпки мною,
И за меня должны стоять горой
Противъ враговъ коварныхъ. Если только
Погибну я, и вы со мною вмѣстѣ
Погибнете!

ГОЛОСА.

Вѣстимо! Постоимъ!
Спокоенъ будь! Стѣною встанемъ всѣ,
Да и народъ потянемъ за собою!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Спасибо вамъ! Вотъ и теперь, смотрите:
Намъ угрожаетъ сильная бѣда.
Вѣдь Ѳедька Воронцовъ передъ царемъ
Большую силу нынче забираетъ.
Онъ не изъ нашихъ; онъ опасенъ сталъ,
И намъ его спихнуть необходимо.

ГОЛОСА.

Спихнемъ охотно! Только научи!
Лишь укажи!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Сегодня у царя
Мы соберемся въ думу, на совѣтъ;
Сегодня и покончимъ съ Воронцовымъ. (*къ брату*).
Ты, князь Иванъ, начни, (*къ остальнымъ*) вы подхватите,
А я сумѣю кончить. (*встаетъ*). Ну, пора

Йдти къ царю! Ступайте! Вслѣдъ за вами
И мы придемъ съ Иваномъ. Нужно намъ
Потолковать еще между собою. (*Всѣ, кромѣ князей Андрея и Ивана Шуйскихъ, уходятъ*).

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Ты, князь Иванъ, присматривай за ними.
Они хотя и гладко стелятъ, все же
Надзоръ не лишнимъ будетъ. Всѣ они
При случаѣ продать себя готовы
Тому, кто въ силѣ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Правда! Но, послушай,
Ты хорошо ли разсчиталъ? А если
Царь не захочетъ намъ его отдать
И вздумаетъ попробовать надъ нами
Всю силу власти царственной своей?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Кто не захочетъ? Царь Иванъ? Пустое!
Отнимемъ силой! Если-жъ и она
Намъ не поможетъ, путь найдемъ иной.
Отъ зелья Шуйскихъ, да отъ ихъ умѣнья
Губить враговъ —не устоитъ никто.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Послушай, братъ! Ты опытенъ, уменъ
И дальновиденъ; знаешь хорошо,
Что̀ нужно дѣлать... Все же иногда

Во мнѣ является сомнѣнье злое,
Что хорошо ли поступаемъ мы,
Такъ обращаясь съ юнымъ государемъ
И отнимая отъ него всѣхъ тѣхъ,
Кого къ себѣ онъ думаетъ приблизить?
Онъ покорится намъ, но затаитъ
Въ своей душѣ позорную обиду
И за нее сторицею отплатитъ
Тебѣ и всѣмъ.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Напрасная тревога!
Повѣрь, что мы сумѣемъ обратить
Его вниманье на дѣла иныя,
Чѣмъ месть за все, минувшее давно.
Иванъ честолюбивъ, вотъ этимъ нужно
Намъ пользоваться ловко и держать
Его всегда вдали отъ управленья
Своей страной. Пусть славныя побѣды
Его удѣломъ будутъ. Вѣдь не мало
Есть вороговъ старинныхъ у Москвы:
Казань, мордва, ногайская орда,
Литва, султанъ и свейская держава,
И польскій круль, и крестоносцевъ рать.
Кругомъ враги! — со всѣми воевать
Не хватитъ жизни. А какъ попривыкнетъ
Къ потѣхѣ ратной, такъ потомъ ему
Такъ опротивитъ обиходъ докучный
Правленья царствомъ, что его охотно
Онъ предоставитъ намъ. Что? Понялъ?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Понялъ.

Дай Богъ, чтобъ такъ...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

И будетъ такъ! Повѣрь!
Теперь пора! Пойдемъ — и ты увидишь,
Какъ Шуйскій ловко справится съ врагомъ.

1878 г.

КОНЕЦЪ.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
4	13	башень	башенъ
»	27	Неополѣ	Неаполѣ
18	26	И,	И
26	3	нетрудно.	нетрудно;
37	22	другъ!	другъ,
»	»	спѣшить?	спѣшишь?
56	6	тоскою	тоской
»	10	ты.	ты!
64	2	отца.	отца;
65	22	Кремль,	Кремль;
69	10	стѣнѣ)	стѣнѣ).
83	22	Торокану.	Торокану).
85	24	рода.	рода
90	5	До.	До
91	14	это	это,
92	23	разспросную	разспросную.
»	»	нужно	нужно,
98	17	нтица	птица
101	8	сегодня,	сегодня;
148	20	Ивану)	Ивану).
149	19	Думскую	Думную
155	18	книгъ	книгъ,
156	21	предлогомъ	предлогомъ,

А. А. НАВРОЦКІЙ (Н. А. Вроцкій).

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЛИХОЛѢТЬЕ

драматическая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ въ стихахъ.

БЫЛАЯ РУСЬ

историческая драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Фонтанка, 95.
1900.

«Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго. Ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность».

(*Карамзинъ*. Предисловіе къ исторіи Государства Россійскаго).

Замѣченныя опечатки,

а также измѣненія, сдѣланныя авторомъ по отпечатаніи книги.

ЛИХОЛѢТЬЕ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
4	11	привольно	приволье
5	22	ударъ	угаръ
12	6	станешь.	станешь!
14	8	одни	одни.
16	3	кой-что тебѣ разскажемъ,	кой-чѣмъ тебя утѣшу,
21	24	странствовать.	въ путь.
22	2	теперь	теперь у нихъ
—	25	Направишься?	Сбираешься?
29	8	передалъ, чтобъ	отдалъ, чтобы
—	21	приготовлю.	изготовлю.
32	20	Спасибо	Спасибо,
33	13	простудилась	остудилась
36	3	Скорѣе	Садитесь
41	6	потрудился	потрудился,
45	30	душа.	душа;
51	20	вмѣстѣ	купно
55	18	Клади назадъ!	Взялся стеречь, въ сохранности пребудетъ. Клади назадъ!
61	1	ежедень	ежедень,
63	25	перемѣтчика.	переметчика.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
64	14	Заставило, присягу позабывъ,	Понудило, предателя своихъ,
67	10	Смерть	Смерть.
69	1	строптивыхъ.	строптивыхъ;
—	19	Порядочно.	Достаточно.
72	16	надо.	нужно.
75	3	намъ ввѣренная	врученная намъ
78	20	уничтожить разомъ	разомъ сокрушить
79	7	какъ слѣдуетъ;	по своему;
107	26	ничтоженъ. Благодать	ничто; но благодать
111	23	постыжу.	постыжу!
112	13	послужи.	послужи!
118	1	сзади	сзади
121	15	парь.	царь!
124	2	Довольно	Не мало
—	17	Стараемся.	Стараемся!
125	9	пора.	пора!
—	19	стараюсь	радѣю
126	7	Конечно,	Вѣстимо
127	12	просить я...	я попросить...
—	14	Возвратиться	Вернуться
—	22	бой; но возвратиться	битву; но вернуться
129	2	дѣло.	дѣло!
130	28	Да развѣ я возмогъ бы сдѣлать,	Не я возмогъ то сдѣлать; но Господь,
—	29	Когда бы не было среди народа	Средь казаковъ незримо охранявшій
131	1	вершили	свершили
134	20	измѣнялъ присягѣ,	преступалъ онъ клятвы;
137	13	Владиславомъ,	Владиславомъ
140	12	Сомнѣнья	Ошибки
162	25	тобой.	тобой!
163	5	ему	Ему

БЫЛАЯ РУСЬ.

Въ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ пропущена:
«Аграфена Кондратьевна, дочь князя Звенигородскаго, 20 лѣтъ».

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
12	11	Вѣстимо, такъ!	Подай Господь!
13	14	шестьдесятъ	пятьдесятъ.
15	17	ужъ гнетъ.	гнететъ.
16	3	И,	И
—	16	обычай	обычай:
19	6	желаешь,	охота.
27	19	дѣло.	дѣло!
31	23	Конечно,	Вѣстимо,
36	12	вѣрѣ	вѣры
37	17	конечно.	вѣстимо.
43	2	старая дуплистая груша.	старый дуплистый вязъ.
—	15	Что тамъ такое?	Чего пугаешь?
—	18	груша старая?	вязъ дуплистый?
—	20	Она!	Онъ и есть!
46	5	бойся.	бойся!
—	16	бѣды	бѣды!
47	16	этой грушей.	этимъ вязомъ.
49	19	этой грушей.	этимъ вязомъ.
51	11	найдешь.	найдешь!
—	14	кряхтя	кряхтя,
52	16	Такъ тебѣ извѣстно?	Такъ ты зналъ, злодѣй?
—	18	Еще бы, милая!	Еще бы нѣтъ!
—	21	злодѣй,	теперь
54	7	смотри.	смотри!
56	2	страшись	страшись!
—	25	разсвѣтомъ,	разсвѣтомъ
58	9	Скорѣе ѣхать.	Скорѣй уѣхать.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
59	24	Ну, довольно!	Отвяжись!
59	25	Пора, пора!	Уйди! Пора!
63	13	молвлю	молвлю—
64	7	Извѣстно Богу. Ты	Лишь Богу вѣдомо. Молись
65	19	хранитъ.	хранитъ!
66	2	Это хорошо.	Доброе надумалъ.
—	23	спасительна.	спасительна!
67	10	дѣло.	дѣло!
75	21	скорѣй осуществилось.	исполнилось скорѣе.
76	13	всегда.	всегда!
79	11	довольно.	не мало.
80	4	немедля.	не медля.
81	15	узналъ	свѣдалъ
83	7	предпринять,	дѣлать съ ней,
84	18	Ужъ	Какъ
88	13	ѣхать?	ѣхать? и со мной?
—	15	Говорятъ,	»
—	16	Что	Вишь,
89	3	Позвольте	Довволъте
—	9	Разстанемся	И разлучимся.
—	11	А наши	Наши
93	8	Ужъ время	Приспѣло
—	15	ты ужъ	все; ты
—	21	Устрою все.	Налью сама.
94	9	вѣрно,	видно,
—	12	взглядомъ.	взоромъ.
—	28	онъ	Онъ
100	22	Сомнѣнья	Ошибки
101	15	Ужъ предоставь ты	Вы предоставьте
102	24	конечно,	желанный,
111	15	Знаю я	Знаю я,
112	19	въ полной силѣ жизни...	словно ворогъ лютый...

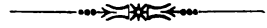
Дозв. цензурою, Спб. 4 дек. 1899 г. Тип. В. Безобразова и К°. (В. О., 8 л., 45).

А. А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій).

ЛИХОЛѢТЬЕ

драматическая хроника

въ 5-ти дѣйствіяхъ и 10-ти картинахъ,
въ стихахъ.



Дѣйствіе происходитъ въ 1612 и 1613 годахъ.

Между 1-мъ и 2-мъ дѣйствіями проходитъ три дня. Между 2-мъ и 3-мъ дѣйствіями шесть мѣсяцевъ. Между 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями день. Между 4-мъ и 5-мъ дѣйствіями четыре мѣсяца. Послѣдняя картина—21-го февраля 1613 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Картина I-я.

Дѣйствующія лица:

Василій Вельяминовъ—боярскій сынъ, 34 лѣтъ.
Евграфъ Залетный—воровской казакъ, 60 лѣтъ.
Дмитрій Мининъ купецкій сычъ, 24 лѣтъ.
Алексѣй Немира—посадскій.
Сычъ—хозяинъ постоялаго двора.
1-ый } посадскіе.
2-ой }

Постоялый дворъ на выѣздѣ изъ Нижняго Новгорода. Раннее утро.

На лавкѣ спитъ **Вельяминовъ**. У стола сидятъ: **Залетный** и **Немира** и пьютъ брагу. Поодаль у стола же сидитъ **Мининъ**, облокотясь и задумавшись.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Довольно бражничать! Не стану. Будетъ!

НЕМИРА.

Съ чего бы такъ? Аль брага не вкусна?
И время есть. До вечера далеко.
Успѣемъ протрезвиться.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Не хочу!
Что за веселье? Я, братъ, не привыкъ
Подъ кровлей жить. Не пьется въ этой клѣткѣ!
На вольномъ воздухѣ, подъ яснымъ небомъ,
Въ лѣсу дремучемъ дышется легко
И пьется въ волю; а въ лачугахъ вашихъ—
Словно въ тюрьмѣ.

НЕМИРА.

А мнѣ вездѣ сподручно.
Гдѣ брага есть, тамъ и привольно мнѣ.
Въ дому спокойнѣй; здѣсь не обворуютъ.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Ты засыпай тогда, какъ все пропьешь,
Что можно снять, тогда не обворуютъ.

НЕМИРА.

Тогда оно спокойнѣе, вѣстимо.
Да какъ проснешься, станетъ тяжело.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Лѣсной медвѣдь коту сродни не будетъ.
И развѣ можно волей промѣнять
На ваши клѣтки мягкую поляну
Съ цвѣтущею душистою травой?
Вы, горожане, какъ подземный кротъ,
Подъ срубами хороните себя

Съ достаткомъ вашимъ. Намъ же лѣсъ, да поле
Жилье, какого лучше не найдешь.
Меня морозъ подъ кровлю только гонитъ;
А лѣтомъ не заманятъ безъ нужды
Въ берлоги ваши. (*встаетъ*). Тѐмно, какъ въ дуплѣ,
И скучно, какъ въ гостяхъ у старой бабы. (*подходитъ къ Минину*).
Ты что притихъ? Аль не туда попалъ?
Хотѣлъ къ обѣднѣ, улицей ошибся,
Да угодилъ на постоялый дворъ.

НЕМИРА (*къ Минину*).

Попробуй бражки, добрая подруга!
Развеселитъ. Или винцомъ займись,
Чѣмъ такъ сидѣть, какъ воронъ въ непогоду.

МИНИНЪ.

Спасибо за совѣтъ.

НЕМИРА.

Ты, другъ, сначала
Испробуй, а потомъ благодари.

МИНИНЪ.

Не стану пробовать. Помочь не могутъ
Ни брага, ни вино моей тоскѣ.
Хмѣльной ударъ не выгонитъ ее;
Не выкуритъ и думы неотвязной
Изъ головы. Хоть въ гробъ ложись живьемъ,
Такъ налегла на душу и на сердце!

ЗАЛЕТНЫЙ.

Эхъ, ты, байбакъ! Съ такой могучей грудью,
Съ стальной рукой—въ могилу захотѣлъ.
Съ чего бы такъ?

МИНИНЪ.

Про то я знаю самъ.

ЗАЛЕТНЫЙ.

И мнѣ, пожалуй, будетъ догадаться
Не трудно. (*хлопаетъ Минина по плечу*). Если молодецъ такой
Задумчивъ сталъ, отъ браги отвернулся
И въ гробъ охотой лѣзетъ, значитъ, другъ...

МИНИНЪ.

Скажи.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Зазноба въ сердцѣ завелася.
Она одна присуха молодцу
И изъ коня барана сдѣлать можетъ.
Что? угадалъ?

МИНИНЪ.

Пожалуй, не ошибся.

ЗАЛЕТНЫЙ (*подсаживаясь*).

Такъ въ чемъ же дѣло? Тутъ, братъ, тосковать
Лишь дѣвкѣ въ пору. Молодцу же нужно
Не думать думу, дѣло начинать.

МИНИНЪ.

А какъ начать?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Извѣстно, не съ конца!
Сначала надо. По душѣ пришлась,
Люба̀ по сердцу—что-же тебѣ медлить?
Бери ее!

МИНИНЪ.

Да взять-то какъ?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Руками.

МИНИНЪ.

Легко сказать.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Схватилъ ее въ охапку,
Да на коня и въ лѣсъ!

МИНИНЪ.

Запоры крѣпки.

ЗАЛЕТНЫЙ.

А тынъ на что? Для дураковъ онъ грозенъ.
А мо̀лодцу недолго чрезъ него
Перемахнуть—и съ ношей дорогою
Умчаться отъ погони далеко̀.
Смани ее!

МИНИНЪ.

Ужъ я ее манилъ,
Да все боится.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Ты бы ей еще
Отходную прочелъ. Али не знаешь
Повадки бабьей? Коли милый схватитъ,
Она кричитъ и вопитъ, а сама
Еще тѣснѣй къ дружку всѣмъ тѣломъ льнется.

МИНИНЪ.

Не такъ легко, какъ кажется.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Попробуй.

МИНИНЪ.

Попробовалъ бы. Трудно одному.
Не справишься.

ЗАЛЕТНЫЙ.

А развѣ у тебя
Нѣтъ сотоварищей?

МИНИНЪ.

Найдутся. Только
На нихъ плоха надежда.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Что-жъ, трусливы?

МИНИНЪ.

Не безъ того.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Тогда, вѣстимо, плохо
Имъ довѣряться. (*къ Немирѣ*). Слушай ты, Алеха!
Пойди-ка, братъ, постереги маленько.

НЕМИРА.

Кого?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Кого! Да вѣтра въ чистомъ полѣ,
Коль недогадливъ.

НЕМИРА.

Ладно, я уйду!
Лишь ковшикъ на дорогу опорожню.
Не прозѣвать бы здѣсь. Прощайте, други! (*выпиваетъ ковшъ браги и уходитъ*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Прощай, ворона! Сокола завидишь,
Такъ поклонися. (*къ Минину*). Хочешь, я тебѣ
Въ товарищи пойду? Вѣдь мы съ тобою
Съ родни пришлись.

МИНИНЪ.

Тебя не знаю я.
Впервые вижу.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Все-таки съ родни
Ты мнѣ.

МИНИНЪ.

Да какъ же?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Недогадливъ.
По брагѣ-тетушкѣ.

МИНИНЪ.

Родню такую
Вездѣ найдешь.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Тебѣ-же лучше, парень!
Недорого возьму.

МИНИНЪ.

Нельзя же мнѣ
Съ невѣдомымъ товарищемъ рядиться.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Пожалуй, коли хочется, скажу,
Кто я таковъ. Я пней горѣлыхъ стражникъ!
Живу не жну и хлѣбъ чужой жую.
Я здѣсь до времени. Пришлось невольно
Замѣшкаться. Я до гульбы охотникъ!
Гулялъ, гулялъ, да на ночномъ пиру

Чудакъ одинъ за то, что я его
По головѣ нечаянно погладилъ,
Мнѣ руку вывернулъ. У костоправа
Пришлося здѣсь порядкомъ погостить.
Теперь ништо—поправилась. Пора
За службу приниматься.

МИНИНЪ.

Ты кому же,
Гуляка старый, служишь?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Я? Царю.

МИНИНЪ.

Которому?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Лѣсному! Онъ, старикъ,
Премилостивъ къ своимъ покорнымъ слугамъ.
Даетъ работу. Я могу помочь.
Скрадемъ молодку, пріютимъ тебя
И повѣнчаемъ. Хочешь—у попа;
А нѣтъ—такъ, по обычаю былому,
Вкругъ ели старой обведемъ въ лѣсу,
И ладно будетъ!

МИНИНЪ.

Нѣтъ, я съ нею въ лѣсъ
Къ вамъ не пойду.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Коль скрасть молодку хочешь,
Такъ не въ приказъ же съ нею ты пойдешь
Справлять медовый мѣсяцъ. Будь покоенъ.
Ужъ я тебя устрою. Вольной птицей,
Орломъ могучимъ станешь.

МИНИНЪ.

Помоги
Лишь мнѣ добыть ее, а тамъ найду,
Гдѣ пріютиться.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Жаль такого парня
Къ подолу бабьему пришить, да дѣло
Не наше, а твое. (*входятъ два посадскихъ*). Кого еще
Сюда несетъ нелегкая? Досадно!

1-Й ПОСАДСКІЙ.

Здѣсь отдохнемъ.

2-Й ПОСАДСКІЙ.

И веселѣе будетъ.
Тутъ батькѣ-хмѣлю служатъ молодцы,
Пожалуй, съ вечера. Позвольте, други,
Къ вамъ присосѣдиться?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Тебя не звали.

ПЕРВЫЙ.

Да веселѣе пить всѣмъ сообща.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Ступай во дворъ, тамъ есть свиней довольно.
Къ нимъ присосѣдься.

ВТОРОЙ.

Милостивъ, купецъ!
Къ своей роднѣ гутòрить посылаешь.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Я покажу тебѣ родню, лохматый!
До смерти не забудешь. (*встаетъ*). Вонъ отсюда,
Мякинники!

ПЕРВЫЙ.

Съ чего ты закудахталъ?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Вонъ, говорю! Не то я покажу,
Какъ головами двери вышибаютъ. (*засучиваетъ рукава*).

ВТОРОЙ.

Уйдемъ, Вавила! На крылечко сядемъ.
Ну ихъ совсѣмъ! Теперь разбой кругомъ.
Того гляди, какъ муху укокошатъ,
Такъ, ни за что! (*уходятъ*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Убралась, волчья снѣдь!
Мякинники! (*къ Минину*). Ну, говори скорѣй,
Кто дѣвка? гдѣ живетъ? откуда надо
Намъ добывать ее?

МИНИНЪ.

Ты осторожнѣй!
Мы не одни (*указываетъ на Вельяминова*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Ты этого не бойся!
Спитъ, какъ колода. Обухомъ его
Едва разбудишь. Кто-же она будетъ?
Чья дочь?

МИНИНЪ.

Парѳенова.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Купца?

МИНИНЪ.

Купчихи,
Вдовы купецкой. Сватаетъ ее
За стараго торговца.

ЗАЛЕТНЫЙ.

А молодка
Льнетъ къ молодому. Пѣсенка стара.
Давно извѣстна.

МИНИНЪ.

Мать у ней строга.
Безъ жалости. Сказала, что отдастъ,
Кому рѣшила; слова не нарушитъ.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Такъ выкрасть надо! Я у ней на дняхъ
Самъ побываю.

МИНИНЪ.

Съ нею ты знакомъ?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Хоть незнакомъ, да приметъ. Дай-ка мнѣ
Твой перстенекъ съ руки, чтобъ могъ я съ дочкой
Потолковать повднѣй на досугѣ.
Она его признаетъ?

МИНИНЪ.

Какъ не знать.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Такъ дай его! (*Мининъ отдаетъ перстень*). Да для задатка кстати
Пошевели мошной. Сухая ложка
Всѣмъ ротъ деретъ. Не даромъ же тебѣ
Я помогать хочу.

МИНИНЪ (*вынимая деньги*).

Возьми! Довольно
Въ задатокъ будетъ. Послѣ дамъ еще.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Спасибо, парень! Черезъ два денька
Зайди сюда, кой-что тебѣ разскажемъ,
И далѣе условимся.

МИНИНЪ (*встаетъ*).

Прощай!
Какъ звать тебя?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Зовутъ меня зовуткой,
А величаютъ гусемъ, а не уткой.
И прозвищъ много—не припомнишь всѣхъ!
Прощай! Съ почину смочимъ по обычью
Немного глотки, чтобъ ходчѣй пошло. (*беретъ ковшъ, отпиваетъ и передаетъ Минину*).
Дай Богъ успѣха!

МИНИНЪ (*пьетъ*).

Много благодаренъ
Тебѣ за помощь.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Погоди пока
Благодарить. Какъ кончимъ, такъ за дѣло
Благодари.

МИНИНЪ.

И нà словѣ спасибо.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Словамъ-то, братъ, и счета нѣтъ. Не трудно
Ихъ молвить людямъ. Ну, прощай, сосѣдъ
По свѣту Божьему!

МИНИНЪ.

Прощай! Спасибо! (*уходитъ*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Вотъ и работа подвернулась. Надо
Обдѣлать такъ, чтобъ не съ пустой мошной
Въ привольный станъ отсюда возвратиться. (*считаетъ деньги*).

(*Вельяминовъ, который въ концѣ разговора проснулся и прислушивался, встаетъ, подходитъ сзади къ Залетному и ударяетъ его по плечу*).

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Постой, рыбакъ! Не тою сѣтью тянешь.

ЗАЛЕТНЫЙ (*пряча деньги*).

Какою сѣтью?

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Я, вѣдь, слышалъ все.

ЗАЛЕТНЫЙ.

А слышалъ—при тебѣ же остается.
Аль перебьешь?

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Послушай, старина!
Ты помоги, да только не ему
А мнѣ ту дѣвку выкрасть.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Что за диво!
А-ль въ Нижнемъ только дѣвокъ, что она?

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Не знаю много-ль, только я не сдамся;
Такой товаръ не выпущу изъ рукъ.
Я самъ по ней который мѣсяцъ сохну.
Какъ увидалъ, такъ съ той поры ни ѣсть,
Ни пить не въ силахъ.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Рожею чужой
Не будешь сытъ. Должно быть, красовита?

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Такъ хороша—и описать нельзя!

ЗАЛЕТНЫЙ.

Такъ отчего же ты ее не скрадешь?

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Нельзя никакъ! Одну не выпускаютъ,
А дома сторожатъ—не подступись!
Съ тобой вдвоемъ обладить будетъ легче.
Не какъ торгашъ, за то я заплачу.

Онъ далъ тебѣ бездѣлицу, а я же
Не пожалѣю денегъ. (*вынимаетъ кошель*). Все, что есть,
Сейчасъ отдамъ! (*бросаетъ кошель на столъ*).

ЗАЛЕТНЫЙ (*развязываетъ кошель и пересматриваетъ деньги*)

Мнѣ все равно, ему-ли,
Тебѣ-ль помочь. Вы оба мнѣ сродни
По брагѣ только. (*прячетъ деньги*).

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Я впередъ плачу!
Наличными. И лучше мнѣ поможешь,
Чѣмъ этому пухòвому купцу.
Меня здѣсь знаютъ. (*свиститъ*). Эй, мохнатый Сычъ!
Иди сюда! (*входитъ* Сычъ).

СЫЧЪ.

Чего тебѣ, бояринъ?

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Меня ты знаешь?

СЫЧЪ.

Кто-жъ у насъ не знаетъ
Василья Вельяминова; и щедръ,
И лютъ во гнѣвѣ.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Слышалъ?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Я и самъ
Не легокъ на руку и скоръ отвѣтомъ.
Лѣсной медвѣдь!

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Медвѣдю надо съ волкомъ,
Не съ поросенкомъ дружбу заключать.
Согласенъ?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Что-жъ? Поговоримъ, пожалуй!
Ты парень щедрый. Выйдемъ-ка отсюда
Въ зеленый лѣсъ; тамъ столковаться легче,
Чѣмъ въ этой кадкѣ душной.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Я готовъ!
Пойдемъ—и мнѣ лѣсъ больше по душѣ. (*уходятъ*).

СЫЧЪ.

И тотъ, и этотъ—оба молодцы!
И если сладятся между собою,
Такъ поросенокъ дюже запищитъ.

Картина 2-я.

Дѣйствующія лица:

Наталья Савишна Пареенова — богатая купеческая вдова, 48 лѣтъ.

Любаша—ея дочь, 19 лѣтъ.

Степанида, 45 лѣтъ } ея приживалки.
Гликерія, 58 лѣтъ }

Залетный.

Вельяминовъ.

Безпута—слуга Вельяминова.

Демьянъ—сторожъ.

Сцена разгорожена надвое высокимъ частоколомъ. *Справа*: садъ-огородъ Пареевой, сбоку крыльцо, въ глубинѣ хозяйственныя постройки. *Слѣва*: пустое мѣсто, вдали лѣсъ. Вечерѣетъ.

Пареенова, Любаша, Степанида, Гликерія и Залетный въ одеждѣ странника сидятъ на крыльцѣ.

ПАРѲЕНОВА.

И въ Кіевѣ тебя Господь сподобилъ
Быть, божій старецъ?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Былъ, вдова честнàя.
Въ пещорахъ жилъ, спасаясь во грѣхахъ.
Да не могу, родная, къ одному
Себя святому мѣсту пріурочить.
Все тянетъ странствовать.

СТЕПАНИДА.

А кто теперь
Игуменомъ обители Печерской?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Игуменомъ?.. Да тотъ же, что и былъ.
Преклонный старецъ.

ГЛИКЕРІЯ.

Неужѐль Іона?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Онъ самый.

ПАРѲЕНОВА.

Какъ же мнѣ на дняхъ сказалъ
Ираклій старецъ, что теперь у нихъ
Игуменомъ Арсеній?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Можетъ быть
Я и ошибся... Намъ, вдова честнàя,
Гдѣ до игумена! Отъ насъ далекъ.
Въ монастырѣ живетъ, а мы въ пещорахъ
Спасаемся. У насъ особь статья!
Да и смѣниться могъ. Вѣдь я давненько
Изъ Кіева ушелъ.

ПАРѲЕНОВА.

Теперь куда же
Направишься?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Хотѣлось-бы пройти
Въ Соловки, мать.

ПАРѲЕНОВА.

Далекій путь.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Не малый.
Да, дастъ Господь, дотащимся.

ГЛИКЕРІЯ.

Сбирался
Туда же старецъ Серафимъ; вдвоемъ
Идти ладнѣе будетъ.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Нѣтъ, родная!
Зачѣмъ вдвоемъ? Негоже! Одному
Спасительнѣй. *(къ Парѳеновой).* Что это у тебя
Твоя голубка такъ печальна съ виду?
Здорова ли?

ПАРѲЕНОВА.

Здорова.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Можетъ глазъ
Ее смутилъ лихой? Бываетъ это.

ПАРѲЕНОВА.

Не глазъ, а непочтеніемъ своимъ
Къ родителямъ знать Бога прогнѣвила.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Родителямъ до гроба надлежитъ
Покорнымъ быть. То заповѣдь Господня!
И кто ее нарушитъ, нѣтъ тому
Ни счастья, ни удачи.

ПАРѲЕНОВА.

Слышишь, Люба?

ЛЮБАША.

Я, матушка, тебѣ во всемъ покорна.
Ты мнѣ твердишь, что любишь, а сама
Живою въ гробъ кладешь.

ПАРѲЕНОВА.

Кто? Я-то?

ЛЮБАША.

Ты!
Съ немилымъ жить тошнѣе, чѣмъ въ гробу.
Съ чего меня ты хочешь приневолить—
Не вѣдаю.

ПАРѲЕНОВА.

Да онъ по нраву мнѣ
Пришелся, глупая!

ЛЮБАША.

Когда пришелся—
И выходи ты замужъ за него.

ПАРѲЕНОВА.

Я? Ахъ ты, скверная дѣвчонка! А?
Что выдумала? Замужъ мнѣ идти.
Ну, одолжила! Я о ней стараюсь...

ЛЮБАША (*перебивая*).

Ты не старайся. Лучше будетъ. Право!

ПАРѲЕНОВА.

Да ты узнай его поближе только.
Не человѣкъ, а кладъ! Богатъ, степененъ,
Почтителенъ, какъ сынъ; съ тобою ласковъ;
А ты ему все дѣлаешь на зло. (*къ Залетному*).
Намедни онъ прислалъ ей чуть не возъ
Сластей на рѣдкость, а она до нихъ
И не дотронулась.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Съ чего бы?

ПАРѲЕНОВА.

Старъ,
Вишь, для нея.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Со старымъ-то дружнѣе
Вѣкъ проживешь.

СТЕПАНИДА.

И я ей тоже баю.
Вотъ я съ своимъ, какъ голуби, вдвоемъ
Въ согласьи жили, а меня постарше
Онъ чуть не втрое былъ.

ГЛИКЕРІЯ.

Не знаемъ чѣмъ
Ей не по нраву Тихонъ Еремѣичъ?
Тучненекъ, правда! Но за то богатъ,
И къ бѣднымъ милостивъ, и богомоленъ.
Не вертопрахъ.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Дѣвичьи грезы ищутъ
Все сказочныхъ царевичей, князей,
Да ратныхъ молодцовъ, а къ жизни брачной
Они не очень-то пригодны.

ПАРѲЕНОВА (*къ Любашѣ*).

Слушай
Такія рѣчи! Ихъ не я одна,
А вотъ и старцы божіе глаголятъ.
Отъ мудрости онѣ.

ЛЮБАША.

Но не отъ сердца.
Меня принудить замужъ выйти можешь.
Въ твоей я власти. А ужъ полюбить
Никто не въ силахъ сердце приневолить,
Коли не любъ навязанный женихъ.

ПАРѲЕНОВА.

Ты будь съ нимъ ласковѣй.

ЛЮБАША.

Зачѣмъ?

ПАРѲЕНОВА.

Затѣмъ,
Чтобъ и ему пріятнѣе съ тобою
Быть довелось. Тогда онъ на рукахъ
Тебя носить, какъ дочь родную, станетъ.
Ни въ чемъ тебѣ отказа не видать.

ЛЮБАША.

Обманывать?

СТЕПАНИДА.

То, милая, не ложь!
Своей судьбы никто не можетъ вѣдать.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Пословица такая есть у насъ:
Какъ стерпится—и слюбится.

ГЛИКЕРІЯ.

Вѣстимо!
А отъ нея онъ слова не добьется.
И не глядитъ.

ПАРѲЕНОВА.

Какъ въ ротъ воды набрàла.
Обидно даже!

ЗАЛЕТНЫЙ.

Ты, вдова честнàя,
Не очень ужъ кори ее за то.
Дозволь-ка мнѣ съ ней перемолвить слово;
Быть можетъ и подѣйствуетъ оно.

ПАРѲЕНОВА.

Скажи при всѣхъ. Послушаемъ охотно
И мы твою спасительную рѣчь.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Зачѣмъ при всѣхъ? Наединѣ способнѣй
Объ этомъ побесѣдовать.

ЛЮБАША.

Не надо!
Напрасный трудъ! Меня уговорить
Не такъ легко.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Да я и не хочу
Тебя смущать нелюбымъ уговоромъ.
Не духовникъ твой я, да и не попъ,
А странникъ бѣдный, слышавшій не мало
Сказаній мудрыхъ. (*роняетъ перстенекъ Минина къ ногамъ Любаши*). Подними, родная,
Ты перстенекъ. Вонъ онъ куда скатился.
Недалекò.

ЛЮБАША (*поднимая перстенекъ, тихо*).

То Мити перстенекъ!
Какъ онъ попалъ къ нему? Иль я ошиблась? (*отдаетъ перстенекъ Залетному*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Спасибо, милая!

СТЕПАНИДА.

Откуда перстенекъ
Тебѣ достался?

ЗАЛЕТНЫЙ (*въ сторону*).

Ишь, заноза баба!
Попотчивалъ-бы. (*къ Степанидѣ*). Былъ въ Рязани воинъ...
Грѣховно жилъ... и этотъ перстенекъ
Мнѣ передъ смертью передалъ, чтобъ я
За душу грѣшную его молился.
Я и ношу для памяти на четкахъ,
Чтобъ не забыть. (*къ Любашѣ*). Скажу тебѣ, родная!
Послушай, старика, глупѣй не станешь.
А можетъ быть кой что и по душѣ
Тебѣ придется.

ЛЮБАША.

Побесѣдуй. Я
Готова слово мудрое послушать.

ПАРѲЕНОВА.

Уговори ее, духовный старче!
А я тебѣ за доброту твою
На путь въ Соловки рясу приготовлю.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Спасибо, мать, за ласку и любовь!
Скажу отъ сердца; можетъ быть и приметъ.

ПАРѲЕНОВА.

Мы вамъ мѣшать не станемъ. Только долго

Не оставайся съ ней въ саду. Свѣжо,
Да и темнѣетъ. Позабыла я,
Какъ поминать тебя въ молитвахъ нашихъ?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Евграфомъ, мать.

ГЛИКЕРІЯ.

А какъ же ты сказалъ,
Что Иринархъ твое святое имя?

ЗАЛЕТНЫЙ (*смутясь*).

Кто?.. Я?.. Ишь, память у тебя! (*оправившись*). Прости!
Я точно Иринархъ. Евграфомъ звали
Отца покойнаго. Хотѣлось мнѣ,
Чтобъ вы его въ молитвахъ поминали.

ПАРѲЕНОВА (*къ Любашѣ*).

Вотъ, дочка, поучайся, до чего
Любовь къ отцу бываетъ незабвенна. (*къ Залетному*).
Не задержи ее.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Не бойся, мать!
Не задержу. (*къ Любашѣ*). Ну, дѣвица честна̀я,
Пойдемъ со мной!

ЛЮБАША.

Пойдемъ. (*сходитъ съ Залетнымъ въ садъ*).

ПАРѲЕНОВА.

Ты, Степанида,
Поглядывай за ними.

СТЕПАНИДА.

Не спущу
Съ нихъ глазъ моихъ.

ПАРѲЕНОВА.

А я пойду въ хоромы.
Пойдемъ, Гликерья! Можетъ быть, старикъ
Уговоритъ ее и намъ поможетъ. (*уходятъ*).

ЗАЛЕТНЫЙ (*оглядываясь*).

Оставили ворону для присмотра.
Спровадить надо. (*къ Любашѣ*). Что, душа-дѣвица,
Признала перстенекъ?

ЛЮБАША.

Ты отъ кого
Его досталъ? Неужели отъ Мити?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Вѣстимо отъ него.

ЛЮБАША.

Спаси меня!
Хотятъ назначить день для обрученья.
Погибну я!

ЗАЛЕТНЫЙ.

До этого далеко.
Садись сюда и слушай! (*садятся на скамью*). Онъ теперь

Насъ за оградой ждетъ. Возьметъ тебя—
И съ дорогою ношею умчится
Въ Рязань, къ сестрѣ.

ЛЮБАША.

Сейчасъ?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Чего же ждать?
Не обрученья?

ЛЮБАША.

Да! Согласна я!
На все готова, только не достаться
Противному. Но кто-же ты такой?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Я странникъ! Дальній родственникъ придуся
Желанному красавцу твоему.
Просилъ помочь и далъ мнѣ перстенечекъ,
Чтобъ не было сомнѣнья у тебя.
Возьми! Надѣнь. (*даетъ перстенекъ*).

ЛЮБАША.

Спасибо, добрый старецъ!
Тебѣ я вѣрю. (*надѣваетъ перстенекъ*).
(За частоколомъ появляются **Вельяминовъ и Безпута**).

БЕЗПУТА (*подходитъ къ частоколу*).

Вотъ гдѣ я работалъ
Вчера всю ночь. Вдвоемъ осилить можно.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Пожди немного. (*каркаетъ вороном три раза*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Близокъ, милый другъ,
И вѣсть даетъ. Лишь надобно спровадить
Проклятую старуху! (*подходитъ къ крыльцу*). Помоги,
Честна̀я старица, моимъ стараньямъ.

СТЕПАНИДА.

Чѣмъ я помочь могу тебѣ, родной?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Внимательна она къ бесѣдѣ стала.
Да холодно; дрожитъ. Боюся я—
Не простудилась бы. Сходи, родная,
За тѣлогрѣей; принеси сюда.
Бесѣду прерывать негоже, послѣ
Наладится не скоро.

СТЕПАНИДА.

Принесу.
Ишь, ты, заботливый! (*уходитъ*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Ну, милая, не трусь!
Не крикни вдругъ! (*отвѣчаетъ крикомъ ворона*).

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Вали, скорѣй! Вали! (*валитъ съ Безпутою три кола, входитъ въ садъ и подбѣгаетъ къ Любашѣ*).

ЛЮБАША.

Димитрій, ты?

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Нѣтъ, я его товарищъ!
Онъ на конѣ и ждетъ тебя въ лѣсу.
Спѣши, спѣши! (*ведетъ Любашу къ пролому*). Смотри, не оступись!
(*переводитъ ее черезъ проломъ*).
Вотъ завернися въ плащъ. (*надѣваетъ на Любашу плащъ*). Не бойся! Къ Митѣ
Тебя веду. (*уводитъ Любашу за сцену*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Сговорилъ дѣло живо.
Теперь скорѣе на утекъ! Не то
Не унесешь костей своихъ отсюда. (*убѣгаетъ черезъ проломъ*).

СТЕПАНИДА (*на крыльцѣ*).

Гдѣ ты, родной? Любаша? Что же вы
И голоса не подаете? (*сходитъ въ садъ*). Старче? Люба?
Вотъ тѣлогрѣя! Поскорѣй надѣнь.
Вѣдь холодно! (*идетъ по саду*).

ВЕЛЬЯМИНОВЪ (*за сценой*).

Закутай крѣпче! Поднимай ко мнѣ!
Скорѣй! скорѣй! Вотъ такъ! Гайда!

ЛЮБАША (*за сценой*).

Спасите!

СТЕПАНИДА.

Да гдѣ же вы? Никакъ она кричитъ?
Нѣтъ никого! Куда могли вы дѣться?
Ай, ай, ай, ай! Скорѣе помогите!
Украли видно! Батюшки! Бѣда! (*кричитъ*).

(**Парѳенова и Гликерія съ прислугою сбѣгаютъ съ крыльца. Изъ глубины бѣгутъ Демьянъ и дворня съ вилами и кольями**).

ДЕМЬЯНЪ.

Кто тутъ оретъ?

СТЕПАНИДА.

Любашеньку украли!

ГОЛОСА.

Кто? какъ? когда?

СТЕПАНИДА.

Сейчасъ была въ саду,
И нѣтъ ея! И странника не видно.

ПАРѲЕНОВА.

Ты что-жъ глядѣла?

СТЕПАНИДА.

Онъ послалъ меня...

ПАРѲЕНОВА (*перебивая*).

Послалъ! Розиня! (*къ Демьяну*). Перелѣзь, Демьянъ,
Да посмотри!

ДЕМЬЯНЪ (*подойдя къ пролому*).

Разобранъ частоколъ.
И впрямь украли.

ПАРѲЕНОВА.

Батюшки мои!
Что-жъ дѣлать намъ? Скорѣе на коней!
Берите вилы, цѣпы, топоры
И по слѣдамъ скорѣй въ догонку мчитесь. *(Дворня убѣгаетъ къ хозяйственнымъ постройкамъ).*
А я пойду къ Захарычу просить
На поискъ помощи. Пойдемъ, Гликерья! *(всѣ, кромѣ Демьяна, уходятъ).*

ДЕМЬЯНЪ.

Ищи ее, какъ вѣтра въ чистомъ полѣ,
Или алтынъ въ дырявомъ кошелѣ.

Конецъ 1-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Картина I-я.

Дѣйствующія лица:

Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ—нижегородскій земскій староста, 52 лѣтъ.
Корневъ—ратный человѣкъ, 46 лѣтъ.
Дергачъ—погонщикъ скота, 30 лѣтъ.
Прохорычъ—прикащикъ Минина, 58 лѣтъ.
Гликерія.

Горница въ домѣ Минина въ Нижнемъ-Новгородѣ. Раннее утро.

ПРОХОРЫЧЪ (*прибираетъ горницу*).

И эту ночь не спалъ Козьма Захарычъ.
Приляжетъ ненадолго и опять
Съ постели встанетъ, молится, вздыхаетъ;
Томится все о страшномъ неурядѣ,
О смутѣ скорбной на святой Руси.
Отзывчивъ сердцемъ. Да и то сказать:
Хоть камнемъ будь и то источишь слезы
О бѣдствіи неслыханномъ такомъ. (*входитъ* **Гликерія**).

ГЛИКЕРІЯ.

Племянничекъ хозяйскій не вернулся?

ПРОХОРЫЧЪ.

Нѣтъ, не вернулся и вѣстей не шлетъ.
А какъ хозяйка ваша?

ГЛИКЕРІЯ.

Все лежитъ.
Совсѣмъ безъ ногъ. Сразило ее горе.
Не осушаетъ слезъ.

ПРОХОРЫЧЪ.

Вѣстимо, мать!
Дитя родное.

ГЛИКЕРІЯ.

Сгибла безъ слѣда!
Сестра ея Демьяниха намедни
Просила воеводу намъ помочь.
А онъ въ отвѣтъ ей молвилъ: «нынѣ, матка,
Разбойниковъ, что блохъ, не передавишь.
Ищите сами». Гдѣ же намъ искать?
Самъ посуди.

ПРОХОРЫЧЪ.

Теперь на врядъ ли сыщутъ.
Ужъ третій день.

ГЛИКЕРІЯ.

На вашего надежда
Лишь остается. Не отыщетъ онъ —
Пропала, значитъ. Упреди, родной,
Коли вернется съ вѣстью о Любашѣ.

ПРОХОРЫЧЪ.

Сейчасъ пришлю. А странника искали?

ГЛИКЕРІЯ.

У всѣхъ знакомыхъ побывали; нѣтъ,
Никто не видѣлъ. Словно въ воду канулъ.
Какъ оборотень. Наше мѣсто свято!

ПРОХОРЫЧЪ.

Ихъ, проходимцевъ, много—и нельзя
Безъ толка вѣрить.

ГЛИКЕРІЯ.

Кто ихъ разберетъ.
Господь разсудитъ! Мы отъ сердца вѣримъ,
По совѣсти, А чей обманъ, того
И передъ Господомъ отвѣтъ. Прощай!
Не позабудь! Мнѣ время поспѣшать
Къ заутренѣ въ Печерскую обитель.
Не близкій путь.

ПРОХОРЫЧЪ.

Прощай! Вѣстимо, надо
У Господа просить. Онъ можетъ все!
А мы лишь въ немощи грѣховной ходимъ. (*Гликерія уходитъ*).

ПРОХОРЫЧЪ.

Да гдѣ найти! Быть можетъ, и сама
Не безъ грѣха. Съ излюбленнымъ дружкомъ
Заранѣй сговорилась и сбѣжала.
Такое воровство не мало разъ

Бывало съ молодухами на свѣтѣ.
Потемки сердце женское; лукавы,
А хитрости у нихъ хоть отбавляй.
Быть можетъ и не такъ, и впрямь украли.
Не разберешь. Митюшу больно жаль!
Совсѣмъ измается. Вотъ этотъ любитъ. (*ходитъ*).
Къ злодѣямъ не попался бы въ пути.
Кругомъ кишатъ. Ну, времячко настало!
Такой вездѣ переполохъ и смута,
Такое расхищенье, что, пожалуй,
Святую Русь, какъ дѣвку, украдутъ.

(*Входитъ* **Корневъ**, *блѣдный, худой, на головѣ повязка; правая рука на перевязи, въ лѣвой посохъ; дышетъ тяжело*).

ПРОХОРЫЧЪ.

Какъ почивалъ?

КОРНЕВЪ.

Болѣла очень грудь.
Дыханья мало.

ПРОХОРЫЧЪ.

Угостилъ же врагъ
Тебя порядкомъ.

КОРНЕВЪ.

Сабельныя раны
Не безпокоятъ. (*показываетъ на плечо*). Тутъ вотъ злая пуля
Скалѣчила совсѣмъ.

ПРОХОРЫЧЪ.

Что рано всталъ?

КОРНЕВЪ.

Къ заутренѣ пойду просить у Бога
Недуговъ исцѣленья. Все манитъ
Опять къ Москвѣ.

ПРОХОРЫЧЪ.

Довольно потрудился
И отдохнуть пора.

КОРНЕВЪ.

Не время, другъ!
Служить Руси народа не хватаетъ.

ПРОХОРЫЧЪ.

Не мало ты ей кровью послужилъ.

КОРНЕВЪ.

Что кровь моя! Она въ крови, родная,
Какъ птица бьется сколько лѣтъ! Послѣдній
Былъ у нея защитникъ—Ляпуновъ,
Прокопъ Петровичъ, и того убили
Свои, безвиннаго. Какъ увидалъ его
Я мертваго съ разрубленнымъ лицомъ,
Повѣришь-ли, заплакалъ, какъ ребенокъ,
Такъ больно стало. Съ нимъ погибло все!
Пожарскій въ ранахъ. Трубецкой съ Заруцкимъ
Лишь о прибыткѣ думаютъ. Москва
Лежитъ въ развалинахъ сгорѣвшихъ. Больно
Смотрѣть на Кремль, доставшійся врагамъ.
Все измѣнило! Разбрелись, какъ стадо.
И помощи теперь откуда ждать—
Невѣдомо...

ПРОХОРЫЧЪ.

Господне испытанье!
Онъ покаралъ, и милость отъ Него.
Молиться надо.

КОРНЕВЪ.

Лишь бы не въ конецъ
Онъ насъ забылъ. Народъ слабѣетъ духомъ;
Извѣрился во всѣхъ. (*кашляетъ*). Дышать мнѣ трудно
Здѣсь, въ горницѣ. Пойду на свѣжій воздухъ.
Тамъ легче станетъ.

ПРОХОРЫЧЪ.

Выйди. Освѣжись.
Холодновато.

КОРНЕВЪ.

Это ничего!
Мы къ воздуху холодному привыкли
Въ походахъ ратныхъ. (*входитъ* Дергачъ.).

ДЕРГАЧЪ.

Кормъ давать быкамъ?

ПРОХОРЫЧЪ.

Давай! пора! Никто еще назадъ
Съ погони не вернулся?

ДЕРГАЧЪ.

Никого
И за ночь не было.

ПРОХОРЫЧЪ.

Ты помоги
Сергѣичу по лѣсенкѣ спуститься.
(Дергачъ подходитъ къ Корневу).

КОРНЕВЪ.

Спасибо, другъ родной! Давно-ли я
Съ конемъ не разставался, а теперь
Подъ ручки водятъ.

ДЕРГАЧЪ.

Ничего! Дастъ Богъ,
Поправишься у насъ теперь.

КОРНЕВЪ.

На врядъ-ли.
Изрѣшетили очень. Вотъ, когда бы
Твое здоровье, въ добрый часъ сказать,
Мнѣ дать теперь, такъ я еще съ врагами
Помѣрялся бы.

ДЕРГАЧЪ.

Приведетъ Господь—
И мы послужимъ, и не пожалѣемъ
Ни жизни, ни здоровья; отдадимъ
Охотно ихъ за мать землю родную.

КОРНЕВЪ.

По сердцу рѣчь! Когда бы согласились
Такіе молодцы, какъ ты, помочь
Святой Руси, не долго-бъ ликовали
Ея враги.

ДЕРГАЧЪ.

Поднимется народъ,
И я пойду, отъ міра не отстану.

ПРОХОРЫЧЪ.

Вѣстимо, такъ! Коль кликнутъ кличъ, пойдемъ
Всѣ поголовно. Среди насъ тогда
Охотниковъ остаться не найдется.
Крещеные. Гдѣ наша кровь нужна—
Не пожалѣемъ.

КОРНЕВЪ.

Любо слушать мнѣ
Слова такія. *(къ Дергачу)* Подсоби, родимый!
Ослабъ я дюже. *(уходитъ, поддерживаемый Дергачемъ).*

ПРОХОРЫЧЪ.

Нѣтъ, ужъ не вернуть
Ему здоровья. Дышетъ, какъ съ запаломъ.
Къ могилѣ близко. Честно послужилъ
Родной землѣ. Такимъ Господь откроетъ
Блаженный путь во царствіе Свое. *(уходитъ).*

(Сцена нѣкоторое время остается пустою, затѣмъ входитъ **Козьма Мининъ***).*

МИНИНЪ.

Не спалъ я ночь. Забылся лишь подъ утро—
И вижу сонъ. Стоитъ предо мной
Святитель Сергій. Указуя дланью
На странную широкую рѣку,
Текущую кровавыми волнами

Вдоль обнаженныхъ, дикихъ береговъ,
Онъ говорилъ мнѣ: «разбуди уснувшихъ».
И взоръ его печаленъ былъ, и долго
Онъ на меня глядѣлъ,—потомъ въ туманѣ
Исчезъ изъ глазъ, меня благословляя. (*садится*).
Не разъ хотѣлъ я въ храмѣ, послѣ чтенья
Посланій Діонисьевыхъ призывныхъ,
Горячимъ словомъ высказать народу,
Чтó въ наболѣвшемъ сердцѣ накопилось,
Чтó мозгъ сверлитъ и нá душу легло
Тяжелымъ камнемъ. Но куютъ уста
Невольный страхъ и мысль, что втуне будетъ
Живое слово; не найдетъ оно
Въ сердцахъ другихъ горячаго отвѣта;
Заглохнетъ такъ, какъ глохнетъ въ непогоду
Церковный звонъ, сзывающій во храмъ. (*встаетъ*).
Томится Русь, истерзана раздоромъ,
Кровавой смутой, хищною враждой,
Кромѣшнымъ бѣснованьемъ на костяхъ
Погибшихъ жертвъ! (*ходитъ*). И помощи теперь
Откуда ждать? (*помолчавъ*). Прозорливецъ Григорій
Въ обители Печерской, по обѣднѣ,
Благословивъ, мнѣ молвилъ: «ждутъ къ Успенью
Тебя, Козьма! Не опоздай!» Когда же,
Смущенный этимъ, я спросилъ его:
Кто ждетъ меня и гдѣ? онъ не отвѣтилъ,
Но мнѣ надѣлъ на шею образокъ
Святителя Филиппа. (*садится*). Тяжко горе
Народное, мірское. Изстрадались
Во мнѣ въ конецъ и сердце, и душа.

Такъ изстрадались нынѣ отъ печали,
Какъ не страдали даже въ скорбный день,
Родную дочь въ могилу опуская.
Одна другой печальнѣй вѣсть. Вчера
Мы, молча, плакали, внимая слову
Посланца Діонисьева, когда
Онъ голосомъ рыдающимъ, въ слезахъ,
Оповѣщалъ о томъ, что днесь творится
Вокругъ Москвы и въ ней самой. Престолъ
Осиротѣлъ... Нѣтъ и въ сердцахъ людей
Ни совѣсти, ни страха передъ Богомъ.
Все расшаталось! Больше нѣтъ надежды
Ни на кого. И неужели, Боже,
Должна погибнуть Русь? *(встаетъ)*. Святитель Сергій!
Ты помози ей, какъ помогъ тогда,
Когда она татарское ярмо
Съ окрѣпшихъ плечъ сорвать сама рѣшилась. *(воздымаетъ руки)*.
О, помози намъ! *(раздается первый ударъ колокола къ заутренѣ)*.

Разбуди уснувшихъ,
Ты мнѣ вѣщалъ. Какъ колоколъ къ молитвѣ
Уснувшихъ будитъ, долженъ нынѣ я
Твое велѣнье высшее исполнить. *(продолжаются рѣдкіе, мѣрные удары колокола)*.
Къ заутренѣ сзываютъ. *(становится на колѣни)*.

Помози,
Своимъ святымъ незримымъ заступленьемъ,
Моимъ словамъ мірское тронуть сердце
И духъ любви въ немъ нынѣ разбудить.

(Занавѣсъ медленно падаетъ).

Картина 2-я

Дѣйствующія лица:

Козьма Мининъ.
Трофимъ Ананьевъ
Василій Рухлякъ } городскіе старосты.
Никола Токмаковъ
Семенъ Пермякъ—купецъ.
Залетный.
Алейка—татаринъ, одной шайки съ Залетнымъ.
Мужъ
Жена
Старецъ
Старуха } горожане.
Первый
Второй

Городская стража и народъ.

Площадь въ кремлѣ передъ соборомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. На площади навалено много цѣннаго имущества, вокругъ котораго стоятъ для охраны **Пермякъ** съ торговыми людьми. Во все время дѣйствія приходятъ люди всякихъ сословій и приносятъ приношенія.

Мининъ, Ананьевъ, Рухлякъ и Токмаковъ стоятъ впереди около сложеннаго имущества.

МИНИНЪ.

Не чаялъ я, что стонъ душевный мой
Дойдетъ до сердца. Горожанинъ скупъ;
Хранитъ добро; отдастъ его не скоро;
А вотъ теперь послѣднее несутъ!
Знать, наболѣло сильно ретивое
По матери-страдалицѣ родной.

(*Два горожанина приносятъ мѣховыя шкуры и разную рухлядь*).

ПЕРВЫЙ (*къ Минину*).

Куда класть, дядюшка?

МИНИНЪ.

Кладите въ кучу,
Рядкомъ, на землю; послѣ разберутъ.

ВТОРОЙ.

Иконы можно?

МИНИНЪ.

Коль она въ окладѣ—
Его сними и принеси сюда.

ВТОРОЙ.

Нѣтъ, я своей рукой снимать не стану.
Грѣшно, родной!

АНАНЬЕВЪ.

Оставь икону здѣсь.
Монахи снимутъ даръ ея священный.
Икону же возьми потомъ назадъ,
Она тебѣ дороже вдвое станетъ.

ВТОРОЙ.

И такъ завѣтна. Ей меня, родной,
Благословила мать передъ кончиной. (*кладутъ принесенное и оба уходятъ*).

МИНИНЪ.

Теперь добра понанесли довольно.
Есть чѣмъ платить.

РУХЛЯКЪ.

Твое, Захарычъ, дѣло.
Святой починъ.

МИНИНЪ.

Благословенью Божью,
Не нашимъ скуднымъ помысламъ довлѣетъ
Такой успѣхъ. Вы помогайте дружно
Мнѣ продолжать спасительное дѣло.
Избрать главу намъ надо.

АНАНЬЕВЪ.

Кто-жъ иной
Достоинъ болѣе тебя, Захарычъ?

РУХЛЯКЪ.

Ты головой намъ будь, а мы подъ нею
Работать станемъ.

МИНИНЪ.

Надо-бы, друзья,
Кого знатнѣе выбрать.

АНАНЬЕВЪ.

Воеводу,
Само собой, изъ ратныхъ надлежитъ
Намъ выбрать, другъ! А ужъ мірской казной
Одинъ владѣй! Ты честенъ, справедливъ,
Извѣстенъ всѣмъ, добра не утаишь
И распорядокъ ей сумѣешь сдѣлать.
Не откажись.

МИНИНЪ.

Народъ-то нынѣ сталъ
Измѣнчивъ очень. Сбили съ толку всѣхъ
Набѣглые царьки и завелася
Такая рознь, что Боже упаси!

ТОКМАКОВЪ.

Ты посмотри—что это, розни дѣло?
Народная душа проснулась въ насъ!
Ты разбудилъ ее, Захарычъ, нынѣ;
Тебѣ же честь сплотить ее въ едино,
Создавъ отпоръ кичливому врагу.
Не смѣй перечить! Не моги и думать,
Подъявъ въ насъ духъ, его не поддержать!

МИНИНЪ.

Пойдемте, други, потолкуемъ вмѣстѣ,
Что дѣлать намъ; а здѣсь пока оставимъ
На площади добро.

РУХЛЯКЪ.

Его скорѣй
Убрать-бы надо.

(*Появляются* **Залетный** *съ* **Алейкой** *и похаживаютъ около сложеннаго имущества*).

МИНИНЪ.

Нѣтъ, пускай лежитъ.
Пусть видятъ всѣ; тогда еще охотнѣй
И остальные даръ свой принесутъ.
Къ такой громадѣ всякому невольно
И свой приносъ желательно примкнуть.

АНАНЬЕВЪ.

Разумно слово! Надо только стражу
Усилить для охраны.

МИНИНЪ.

А потомъ,
Передъ вечерней, все перенесемъ
Въ подвалъ соборный; тамъ надежно будетъ. (*къ Пермяку*).
Семенъ, скажи знакомымъ молодцамъ,
Чтобъ охраняли общее добро. (*къ Залетному*).
Ты, другъ, должно быть ратный человѣкъ?
Постереги.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Что-жъ, я не прочь, купецъ!
Постерегу. Вѣдь общее, мірское,
А не твое.

АНАНЬЕВЪ (*къ Минину*).

А мы пойдемъ къ тебѣ.

МИНИНЪ.

Зачѣмъ ко мнѣ? Пойдемъ въ притворъ соборный.
Въ Господнемъ храмѣ, вмѣстѣ съ духовенствомъ,
Надумаемъ, какъ приступить теперь
Къ святому дѣлу.

ТОКМАКОВЪ.

Нечего и думать!
Будь ты надъ нами старшій! Отдаемся
Во всемъ на волю полную твою.

МИНИНЪ.

Ты, другъ, не міръ—и здѣсь рѣшать негоже
Такое дѣло.

РУХЛЯКЪ.

Правда.

ТОКМАКОВЪ.

Такъ идемъ
Въ притворъ соборный.

МИНИНЪ (*къ Токмакову*).

Созови туда
Торговыхъ, земскихъ и приходскихъ старостъ.
Обсудимъ сообща. (*къ охранѣ*). А вы, друзья,
Постерегите здѣсь казну мірскую
И принимайте всяческій приносъ.

(**Мининъ, Ананьевъ и Рухлякъ** *уходятъ въ соборъ, а* **Токмаковъ** *въ сторону*).

СТАРУХА (*съ узелкомъ*).

Кому добро-то отдавать?

ПЕРМЯКЪ.

Клади
Съ другими вмѣстѣ, вонъ хоть въ тотъ ларецъ.

СТАРУХА (*развязывая узелокъ*).

Кокошникъ дѣвичій, да шлыкъ парчевый
Съ подвѣсками. А это кубокъ, рòдный!
Отецъ привезъ, какъ хаживалъ въ Литву.
Завѣтный! а нельзя его оставить:

Гдѣ міръ даетъ, должны отдать и мы
Все, что имѣемъ. (*кладетъ кубокъ*). Гдѣ-жъ Козьма Захарычъ?

ПЕРМЯКЪ.

Ушелъ рядить, а насъ оставилъ здѣсь
Блюсти казну мірскую.

СТАРУХА.

Дай ей Боже
И въ высь, и въ ширь! Мірское-то добро
И солнышко заслонитъ, какъ сберется. (*уходитъ*).
(*Входятъ:* **мужъ и жена** *съ разными вещами и ларцомъ. Мужъ хочетъ положить и ларецъ, но жена его останавливаетъ*).

ЖЕНА.

Зачѣмъ же все? Отдай, что залежалось;
А остальное дочери оставь.
На возрастѣ. Въ приданое годится.

МУЖЪ.

Не то краса, что ей на лобъ надѣнешь,
А что во лбу! Теперь не время думать
Намъ о приданомъ. Надо все отдать!
Міръ обнищалъ! Святая Русь страдаетъ!
Гдѣ мать больна, тамъ для нея жалѣть
Добра нельзя, о дѣтяхъ помышляя.

ЖЕНА.

Нельзя же ихъ и обобрать совсѣмъ.

МУЖЪ.

А совѣсть не зазритъ тебя, старуха,

Когда на дочери увидишь ты,
Что̀ пожалѣла въ жертву на защиту
Родной земли? Не станетъ стыдно? а?

ЖЕНА.

Для насъ лишь цѣнны. На торгу немного
За нихъ дадутъ.

МУЖЪ.

Цѣни ты ихъ по сердцу,
Такъ дороги окажутся. Отдай!
Не пожалѣй! Господь насъ не оставитъ.
Наживы дѣло.

ЖЕНА.

Матери покойной
Приданое.

МУЖЪ.

Тѣмъ паче не твое!
Ей въ небесахъ отраднѣй будетъ видѣть
Усердье наше. Не жалѣй! (*передаетъ ей ларецъ*). Клади!
(*жена кладетъ весь ларецъ*).
Вотъ такъ! Спасибо! (*цѣлуетъ жену*).

ЖЕНА.

Что съ тобой подѣлать.
И впрямь теперь спокойнѣй на душѣ.
Пойдемъ, Петровичъ! Дастъ Господь, успѣемъ
Приданое для дочери скопить. (*оба уходятъ*).

ПЕРМЯКЪ (*къ Залетному*).

Ты съ этой стороны постереги,

А мы пойдемъ туда, правѣй, къ откосу.
Тамъ надо зорче доглядѣть.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Ступай!
(**Пермякъ** *съ стражей уходитъ*).

АЛЕЙКА.

Теперь барышъ намъ будитъ. Пажививмся!
Хватай! (*хочетъ схватить цѣнное подъ рукой*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Не смѣй!

АЛЕЙКА.

Зачимъ не смѣй? Скажи?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Не смѣй и пальцемъ тронуть, плоскорылый!

АЛЕЙКА.

Такой добро и упустить изъ рукъ? (*хватаетъ нѣсколько вещей*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Клади назадъ!

АЛЕЙКА.

Зачимъ?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Клади, проклятый! (*выхватываетъ изъ-за пояса ножъ*).

АЛЕЙКА.

Зачимъ клади?

ЗАЛЕТНЫЙ (*замахиваясь*).

Ну!

АЛЕЙКА (*кладя вещи*).

Положили. Только
Якши яманъ своимъ не помогать.

ЗАЛЕТНЫЙ (*вкладывая ножъ въ ножны*)

То не купца, не мужика—мірское
Оно добро, и красть его нельзя.

АЛЕЙКА.

Зачимъ нелзя? Скажи! Послушать будимъ.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Ты не поймешь, татаринъ, что такое
Нашъ всенародный приговоръ мірской.
Святое дѣло! И казна мірская,
Не силою, а волей собрана́,
Святая также! Я, разбойникъ старый,
И воровалъ, и грабилъ на Руси
Не мало лѣтъ—а здѣсь, сегодня, если
Дотронется хоть пальцемъ до нея
Отецъ родной—его не пожалѣю!
За грошъ мірской, положенный сюда,
Отдамъ я жизнь! и до послѣдней капли
Моей крови́ святое достоянье
Отъ всѣхъ одинъ я буду защищать!

АЛЕЙКА.

Чужой товаръ? Съ ума сошелъ ты, батька!

ЗАЛЕТНЫЙ.

Должно быть такъ! А все-таки не смѣй
И пальцемъ тронуть! (**Алейка** *плюетъ и уходитъ. Съ другой стороны подходитъ* **Пермякъ** *съ городской стражей*).

ПЕРМЯКЪ.

Дядя, ты теперь
Не нуженъ больше. Стража городская
Постережетъ снесенное добро.
Спасибо, другъ!

ЗАЛЕТНЫЙ.

Эхъ, жаль, что не имѣю
Я ничего, чтобъ положить сюда!
Все прогулялъ. Постой! Еще остался
Натѣльный крестъ. Завѣтный! При крещеньи
Онъ былъ надѣтъ. (*разстегиваетъ воротъ и снимаетъ крестъ*).
Возьми! Изъ серебра.
Кой-что да стоитъ.

ПЕРМЯКЪ.

Положи съ другими.
Не мало ихъ.

ЗАЛЕТНЫЙ (*кладетъ крестъ*).

Прими, родная мать,
И мой приносъ!

ПЕРМЯКЪ.

Родной землѣ въ защиту.
(*Дряхлый старецъ, принесшій, при помощи внуковъ, разное имущество, прислушивается къ словамъ Залетнаго*).

СТАРЕЦЪ (*къ Залетному*).

А какъ же ты останешься, родимый,
Самъ безъ креста? Вѣдь не татаринъ ты.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Куплю другой.

СТАРЕЦЪ.

Негоже безъ креста
И часа быть. На вотъ, возьми, родимый!
Есть у меня. (*снимаетъ съ шеи крестъ*). Онъ не великъ, древянъ—
Но долго праведникъ его носилъ.
Нагнись! (*Залетный склоняетъ голову*). Благослови тебя Господь
На все хорошее. (*надѣваетъ на него крестъ*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Спасибо.

СТАРЕЦЪ.

И да будетъ
Служить тебѣ охраною въ бою
И дома онъ, невидимый защитникъ!

ЗАЛЕТНЫЙ.

Смутился я... На сердцѣ у меня
Давно такой тревоги не бывало.

СТАРЕЦЪ.

Господь съ тобой! (*уходитъ*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Прощайте, горожане! (*отходитъ*).
Господь съ тобой... Вѣдь выдумалъ сказать!
Смутилъ совсѣмъ... Нашелъ Ему гдѣ мѣсто,
Въ моей, въ грѣхахъ погрязнувшей душѣ.

Конецъ 2-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Картина I-я.

Дѣйствующія лица:

Козьма Мининъ.
Варлаамъ—посолъ Троицко-Сергіева монастыря, 53 лѣтъ.
Онисимъ Бочаръ
Сидоръ Коншинъ
Лукьянъ Третьякъ
Иванъ Шаровъ
} казначеи земскаго ополченія.
Семенъ Пермякъ.
Переметчикъ.
Первый
Второй
Третій
} ратники.
Гонецъ.

Ставка Минина у Арбатскихъ воротъ въ Москвѣ.

МИНИНЪ (*сидитъ у стола*).

Все неуряды. Всѣ подъ смертью ходятъ;
Не знаютъ, доживутъ-ли до ночи́ —
А межъ собой кичатся. Трубецкой
Съ своей оравой буйною стремится
Орудовать надъ нашимъ ополченьемъ
И помыкать имъ, какъ бараньимъ стадомъ;
А нашъ медлитель самъ ни шьетъ, ни поретъ,

Но тоже гордъ. Боюся ежедень
Что казаки уйдутъ изъ подъ Москвы
И грабить Русь по-прежнему возьмутся. (*встаетъ*).
Тяжелъ мой трудъ, за родину подъятый!
На Господа надежда лишь одна,
Да на святыхъ предстательство благое.
Казна мірская на исходѣ. Туго
Сбирается назначенный налогъ.
Народная копѣйка изсякаетъ.
Онъ обѣднѣлъ въ конецъ! Ужъ сколько лѣтъ
Его нещадно грабятъ и терзаютъ
Свои и ляшскія отребья зла.
Великъ Господь! въ суровомъ испытаньѣ
Онъ не попуститъ торжества враговъ.

(*входитъ* Варлаамъ).

ВАРЛААМЪ.

Привѣтъ тебѣ съ благословеньемъ Божьимъ
Отъ Діонисія.

МИНИНЪ (*цѣлуясь*).

Желанный гость!
Порадовалъ меня своимъ пріѣздомъ.
Здорово, другъ! Что дѣется у васъ?
Свободенъ путь?

ВАРЛААМЪ.

У насъ пока спокойно.
Горячія молитвы неумолчно
Возносимъ мы ко Господу, моля
Успѣха вамъ въ великомъ вашемъ дѣлѣ.
Прислалъ меня владыка Діонисій.

Прослышалъ онъ, что казаки хотятъ
Уйти изъ подъ Москвы за неплатежъ
Имъ денегъ.

МИНИНЪ.

Денегъ нѣтъ у насъ.

ВАРЛААМЪ.

И мы все ôтдали, что сохранялось
У насъ вѣками. Нынѣ я привезъ
Послѣднее святое достоянье:
Потиры, ризы, чаши и блюда,
Окладъ съ иконъ.

МИНИНЪ.

Да, нужно удержать
Во что-бы то ни стало казаковъ.
Ходкевичъ близко. Если же покинутъ
Они Москву, тогда погибло все!
Не въ силахъ мы противъ него держаться.
Насъ разобъютъ. Послѣдняя надежда
Угаснетъ. Собранная нами рать
Разсѣется—и Русь въ конецъ погибнетъ.

ВАРЛААМЪ.

Я завтра въ станъ отправлюсь къ казакамъ,
Ихъ убѣдить остаться постараюсь.
Святитель Сергій намъ поможетъ въ томъ.
Пути Господни неисповѣдимы,
И не въ конецъ же Милосердый Онъ
На насъ прогнѣвался. Скажи, Захарычъ,
Что наши воеводы все не ладятъ
Между собой?

МИНИНЪ.

По-прежнему у нихъ.
Князь Дмитрій непривѣтливъ, знаешь самъ.
И гордъ, и недовѣрчивъ; Трубецкому
Ни въ чемъ не хочетъ уступить, и тотъ
Наперекоръ намъ дѣлаетъ вѣстимо.

ВАРЛААМЪ.

Князь Трубецкой хорошій воевода
И опытенъ. Лишь расшатались въ немъ
Душа и совѣсть. Собственный прибытокъ
Все соблюдаетъ. Но въ его рукахъ
Казачья сила, и потребно съ нимъ
Вамъ дружно ладить.

МИНИНЪ.

Это, другъ, труднѣй,
Чѣмъ воевать съ врагомъ. Вѣдь два медвѣдя
Не уживаются въ одной берлогѣ.
Который старше? Изъ-за старшинства
И ссорятся. Подай тебѣ Господь
Успѣха завтра. Гдѣ ты на Москвѣ
Присталъ теперь?

ВАРЛААМЪ.

Въ монастырѣ Петровскомъ. (*входитъ Пермякъ*).

ПЕРМЯКЪ.

Поймали перемѣтчика. Велѣлъ
Его къ тебѣ доставить воевода.
Какъ ты рѣшишь.

МИНИНЪ.

Введи его сюда.

(*Пермякъ отворяетъ дверь. Три ратника вводятъ переметчика, съ связанными на спинѣ руками и съ оковами на ногахъ*).

МИНИНЪ (*къ переметчику*).

Откуда родомъ? (*переметчикъ молчитъ*).

ПЕРМЯКЪ.

По женѣ сродни
Приходится. Изъ Ярославля родомъ.
Ихъ ополченья.

МИНИНЪ.

Что же тебя нынѣ
Заставило, присягу позабывъ,
Служить врагамъ? На подкупъ ихъ польстился?
Во сколько душу оцѣнилъ свою? (*къ Пермяку*).
На чемъ словили?

ПЕРМЯКЪ.

Съ грамотой попался.

ПЕРВЫЙ РАТНИКЪ.

Затискалъ въ шапку. Тамъ ее нашли. (*показываетъ шапку*).

МИНИНЪ.

А гдѣ-же грамота?

ПЕРМЯКЪ.

У воеводы.

МИНИНЪ. (*къ переметчику*).

Кто далъ тебѣ ее?

ПЕРЕМЕТЧИКЪ.

Купецъ знакомый.
Попуталъ бѣсъ! Прости, Козьма Захарычъ! (*падаетъ на колѣни*).

МИНИНЪ.

Измѣнникамъ пощады не даютъ.

ПЕРЕМЕТЧИКЪ (*къ Варлааму*).

Тебя прошу я слезно: умоли,
Чтобъ пощадили! Трое малолѣтокъ
Остались дома. Имъ осиротѣть
Не попустите.

МИНИНЪ (*къ Варлааму*).

Вѣдомо тебѣ,
Что̀ за измѣну слѣдуетъ?

ВАРЛААМЪ.

Не мнѣ
Произносить суровый приговоръ.
Я не судья.

МИНИНЪ.

И я имъ не родился;
Но власть пріявъ, обязанъ исполнять
Обычай ратный. (*къ переметчику*). Не одинъ тебя
Судить я буду. Отдаю на судъ
Твоихъ товарищей. За ними слово. (*къ первому ратнику*).
Измѣнникъ онъ?

ПЕРВЫЙ РАТНИКЪ.

Завѣдомо измѣнникъ.

МИНИНЪ (*къ второму*).

А ты скажи?

ВТОРОЙ.

Улика на лицо.

МИНИНЪ (*къ третьему*).

И ты согласенъ?

ТРЕТІЙ.

Съ чѣмъ?

МИНИНЪ.

Что онъ измѣнникъ.

ТРЕТІЙ.

Да какъ же нѣтъ, коли сознался самъ.

МИНИНЪ.

Какая же, по ратному обычью,
За это казнь? (*къ первому*). Отвѣта жду я?

ПЕРВЫЙ.

Смерть.

МИНИНЪ (*къ второму*).

Твое рѣшенье?

ВТОРОЙ.

Смерть.

МИНИНЪ (*къ третьему*).

А ты?

ТРЕТІЙ.

Вѣстимо,
Одинъ отвѣтъ; иного быть не можетъ.
Я, какъ они.

МИНИНЪ.

Что̀ заслужилъ онъ?

ТРЕТІЙ.

Смерть

МИНИНЪ.

Три голоса рѣшили, не колеблясь,
Твой приговоръ, и я согласенъ съ ними.
Да будетъ такъ! (*къ переметчику*). За гнусную измѣну
Ты будешь предъ кремлевскою стѣной
Повѣшенъ ночью, дабы вѣдалъ врагъ,
Что зорки мы, измѣну уличаемъ
И не щадимъ носителей ея.

ПЕРЕМЕТЧИКЪ (*встаетъ*).

Дозволь хоть передъ смертью покаяньемъ
Очистить душу.

МИНИНЪ.

Допустить къ нему
Духовника; дать время къ покаянью.
Кто пятисотскій вашъ?

ПЕРВЫЙ.

Ивковъ.

МИНИНЪ.

Его
Ко мнѣ пришлите. Накажу ему,
Какъ приговоръ исполнить ночью.

ПЕРЕМЕТЧИКЪ (*къ Пермяку*).

Дядя,
Прости меня! Пощаду у него
Мнѣ вымоли. Родство припомни наше.

МИНИНЪ.

Ведите! (*ратники уводятъ переметчика. Къ Пермяку*). Ты, Семенъ, сейчасъ отправься
Въ передовой отрядъ и оставайся
Тамъ у Смирнова. Передай ему,
Чтобъ онъ тебя дозорить нарядилъ
У переправы. Съ Богомъ! Поспѣшай! (*Пермякъ уходитъ*).

ВАРЛААМЪ.

Тяжелъ твой трудъ.

МИНИНЪ.

Что дѣлать! Если взялся,
Такъ долженъ не ослабнуть до конца.
Господь поможетъ! Я оповѣщу,
Что ты пріѣхалъ. Завтра соберутся
Здѣсь воеводы. Приходи. Услышишь
Раздоры наши. Дастъ Господь, своимъ

Разумнымъ словомъ умиришь строптивыхъ.
Послушаются Сергія посла.

ВАРЛААМЪ.

Прощай, Захарычъ! Буду непремѣнно.
Великъ Господь! и въ тягостныхъ невзгодахъ
Онъ намъ надежда, сила и покровъ. (*уходитъ*).

МИНИНЪ.

Смиренники Христовы. Что бы было
Безъ вашей помощи. (*ходитъ*). Семену легче
Въ тревогѣ ратной горе перенесть...
Не загвоздится въ сердцѣ. (*входитъ* гонецъ). Ты откуда?

ГОНЕЦЪ.

Съ смоленскаго пути. Прислалъ Голицынъ
Оповѣстить, что недалекъ Ходкевичъ.
Передовые видны подъ Москвой.

МИНИНЪ.

И много съ нимъ?

ГОНЕЦЪ.

Порядочно. А сзади
Повозокъ сотни тянутся гужемъ
Съ запасами и пороха, и хлѣба
Для осажденныхъ.

МИНИНЪ.

Поѣзжай сейчасъ
Ты къ князю Трубецкому.

ГОНЕЦЪ.

Къ казакàмъ
Гонецъ особый съ этой вѣстью посланъ.

МИНИНЪ.

Голицынъ зорокъ. Отправляйся къ князю
Пожарскому. Оповѣсти его
О томъ, чтò видѣлъ. А потомъ вернись
Ко мнѣ сюда. Знакомое лицо.
Нижегородецъ ты?

ГОНЕЦЪ.

Въ концѣ Печерскомъ
Домишко мой.

МИНИНЪ.

Отрадно мнѣ, что вы
Усердно служите.

ГОНЕЦЪ.

Костями ляжемъ
За Русь святую! Дай Господь тебѣ,
Козьма Захарычъ, силы и здоровья!
Тобой живемъ! (*уходитъ*).

МИНИНЪ.

Вотъ сила коренная!
Безъ хитрости и жизнь, и достоянье
За родину смиренно отдаютъ.
Ходкевичъ близко. Если только онъ

Пробьется въ Кремль, тогда погибло дѣло!
А наши пѣтухи между собой
Все мѣрятся, чей хвостъ у нихъ длиннѣе.

(*входятъ*: **Бочаръ, Третьякъ, Коншинъ** *и* **Шаровъ**).

МИНИНЪ.

Опять пришли.

БОЧАРЪ.

Не наша воля. Знаешь,
Не вѣрятъ намъ.

МИНИНЪ.

Вы имъ мои слова
Передаете.

ТРЕТЬЯКЪ.

Что же съ ними дѣлать?
Имъ говоришь—они свое твердятъ:
Что баснями не кормятъ соловья,
И отъ однихъ посуловъ сытъ не будешь.

МИНИНЪ.

Вы развѣ голодны? Довольно вамъ
Скота нагнали, привезли и ржи.
Иль не хватило?

ШАРОВЪ.

Нѣтъ, достало всѣмъ.
А только...

МИНИНЪ.

Что?

ШАРОВЪ.

Да съ сытости ребята
Хотятъ побаловаться кое-чѣмъ,
Потѣшить душу радостнымъ весельемъ
Съ землячками за круговымъ ковшомъ.

МИНИНЪ.

Привыкли, видно, въ Тушинѣ плясать,
Да бражничать. Такое развѣ время,
Чтобъ веселиться? Далъ намъ вѣсть гонецъ —
Подходитъ врагъ; приготовляться къ бою
Всѣмъ надлежитъ.

КОНШИНЪ.

Запасы боевые
Пополнить надо, починить доспѣхи.
И обувь износилась; обновить
Для пѣшихъ надо.

МИНИНЪ.

На такое дѣло
Отдамъ послѣднее. (*отворяетъ сундукъ и достаетъ мѣшокъ съ деньгами*).
Возьми и все исправь
Поспѣшнѣе.

ШАРОВЪ.

Ты захвати мѣшечекъ
И мнѣ одинъ.

МИНИНЪ.

На той недѣлѣ вамъ
Я выдалъ деньги, и могли на нихъ
Вы обновиться.

ТРЕТЬЯКЪ.

Коль у насъ узнаютъ,
Что выдали не всѣмъ, затѣятъ смуту.
Не справишься.

МИНИНЪ.

Не знаютъ что-ль меня?
Я строгъ съ ослушниками. Мнѣ земля
Вручила власть карать непослушанье,
И я не пожалѣю никого
Для блага общаго! Родного сына
Я обреку за бунтовство на смерть!
Забыли развѣ?

ТРЕТЬЯКЪ.

Знаемъ.

ШАРОВЪ.

Все же лучше
Заткнуть имъ глотки сотнею грошей,
Чтобъ духъ поднять и наканунѣ боя
Потѣшить душу брагой иль винцомъ.

МИНИНЪ.

Откуда взять?

ШАРОВЪ.

Казной мірской владѣемъ
Не мы, а ты.

МИНИНЪ.

Казна ужъ на исходѣ;
А новыхъ сборовъ намъ давно не шлютъ.
Вотъ отче Діонисій казакамъ
Прислалъ въ уплату все, что въ Божьихъ храмахъ
Еще нашлось. Хотите отъ него
На брагу получить святую чашу,
Или покровъ съ мощей?

ТРЕТЬЯКЪ.

Зачѣмъ! Не надо!

КОНШИНЪ.

Не подобаетъ.

МИНИНЪ.

Такъ скажите ратнымъ,
Что денегъ нѣтъ! что къ бою надлежитъ
Готовиться теперь. А послѣ—денегъ
Не пожалѣю я для нихъ и выдамъ,
Когда пришлютъ.

КОНШИНЪ.

Прощай, Козьма Захарычъ!
Передадимъ.

МИНИНЪ.

Подай Господь успѣхъ
Стараньямъ вашимъ. (*казначеи уходятъ*). Все теперь
зависитъ

Отъ дружнаго отпора нападенью
Ходкевича. Надъ земскимъ ополченьемъ
Еще сильна намъ ввѣренная власть.
Но казаки?.. И если не удастся
Ихъ Варлааму убѣдить, тогда...
Нѣтъ, лучше и не думать! Положиться
На милость Божью, Ей возможно все!
Она одна незримо охраняетъ
Насъ отъ невзгодъ въ разрушенной Москвѣ.

Картина 2-я.

Дѣйствующія лица:

Василій Вельяминовъ
Залетный } куренные казачьи атаманы.

Шевлята
Ковшъ
Безпута
Гуня
Алейка } казаки куреня Вельяминова.

Любаша Пареенова.
Мордуха—мордовка 73 лѣтъ.
Казаки.

Большой сарай. Въ глубинѣ входная дверь. Справа дверь въ горенку. Посреди сѣнное, крытое дорогимъ ковромъ, ложе. На стѣнахъ разное оружіе и воинскіе доспѣхи. Сбоку стоитъ большой сундукъ съ одеждой и разными вещами. Съ другой стороны столъ, на которомъ братина, сабля и два пистолета. Два обрубка и ящикъ замѣняютъ стулья.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ (*сидитъ на обрубкѣ у стола*).

Который мѣсяцъ не могу добиться
Ея любви. Околдовала словно
Меня совсѣмъ. Такой повадки бабьей
Не видывалъ. Покорностью своей
Себя сильнѣй мольбы и супротивства
Оберегаетъ. Хороша, какъ солнце—
И холодна, какъ каменная глыба,
Намерзшая студеною порой. (*встаетъ*).
Не знаю, что и дѣлать? Не хочу
Ее насильемъ взять, но не дождаться
Горячей ласки. (*входитъ* **Шевляга**).

ШЕВЛЯГА.

Все тоскливъ, да хмуръ.
Стыдись, Василій! Ты вѣдь не подростокъ,
Чтобы по бабѣ сохнуть.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Ты, старикъ,
Не понимаешь моего томленья,
Моей тоски.

ШЕВЛЯГА.

Кому ее понять?

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Пойметъ ихъ тотъ, кто хоть на мигъ любилъ,
Какъ я люблю!

ШЕВЛЯГА.

Такихъ сажаютъ на цѣпь,
Какъ спятившихъ совсѣмъ съ ума.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Шевляга!
Не понимаешь ты!..

ШЕВЛЯГА.

Не понимаю.
Ну, полюбилась, такъ и тѣшься съ ней,
Пока не надоѣстъ. Въ твоей вѣдь власти!
Чего-жъ ты ждешь?

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Любви ея въ отвѣтъ!
Горячихъ ласкъ и страстнаго забвенья,
Сліянья всѣмъ въ объятіяхъ любви!

ШЕВЛЯГА.

Ты пригрози—и ласковая станетъ!
Трусливъ ихъ полъ, но смѣтливъ и хитеръ;
Пойметъ тебя и ласкою отвѣтитъ,
Коль пригрозишь ей плетью иль ножемъ.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

И плеть, и ножъ, угрозы, приказанья
Мнѣ не дадутъ, чего желаю я!
Давно могу я взять ее насильемъ,
Натѣшиться, какъ тѣшился не разъ
Съ красавицами въ похоти житейской.

Но не того хочу я! Я люблю
Ее, какъ жизнь! Люблю, какъ никогда
И никого еще я не любилъ,
Да и не зналъ, что такъ любить возможно.
За ласку добровольную ея,
За поцѣлуй горячій и сердечный
Готовъ отдать я все! готовъ простить
Врагу заклятому, изъ подъ ножа
Его пустить и даже отказаться
Отъ жизни вольной, въ кабалу пойти
Къ кому прикажетъ, взять соху, ярмо
И съ смердами копаться въ грязномъ полѣ!
Ты понимаешь?

ШЕВЛЯГА.

Какъ-же не понять.
Околдовала, опоила зельемъ
И присушила. Не такихъ какъ ты,
И праведниковъ можно такъ смутить
И пса послушнѣй сдѣлать. Тутъ иного
И средства нѣтъ, какъ уничтожить разомъ
Заклятье вѣдьмы.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Какъ же?

ШЕВЛЯГА.

Да махни
Ее мечемъ ты на крестъ; закопай
На перекресткѣ и коломъ осинымъ
Между лопатокъ пригвозди къ землѣ.
И сгинетъ все.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Ты думаешь?

ШЕВЛЯГА.

Въ народѣ
Повѣрье есть такое. Самъ же я
Не испыталъ. Богъ миловалъ! На дѣвокъ
Глядѣлъ, какъ слѣдуетъ; не ждалъ отъ нихъ,
Какъ отъ дьяка въ приказѣ, разрѣшенья
Поцѣловать или иное что.
Смотри, Василій, не сгуби себя
И впрямь изъ-за проклятой бабы!
Давно ужъ нашимъ молодцамъ претитъ
Твоя прицѣпа. Шли они съ тобой
Не заплетать въ Москвѣ косу дѣвичью,
А дѣло дѣлать, душу веселить;
Размаху молодецкому работу
Въ пиру кровавомъ для утѣхи дать!
Ну, тотъ-ли ты Василій Вельяминовъ,
Котораго былое удальство
Конца не знало? наводилъ который
И страхъ, и ужасъ! И въ лихомъ бою,
И на пиру веселомъ ты, бывало,
Всегда былъ первымъ! А теперь—закисъ,
Размякъ, какъ грибъ, сталъ нелюдимъ и скоро
Пожалуй въ нянюшки пойдешь къ своей
Излюбленной красоткѣ-недотрогѣ.
Одумайся! Который разъ твержу:
Стряхни ты дурь, хвати ее ножемъ,
И съ глазъ спадетъ колдуньи напущенье.

Иль смертно раненъ, такъ тебя со мною
Положатъ въ гробъ! Мою исполнятъ волю.
Теперь ступай! (*Любаша уходитъ*).
Мордуха!
(*Въ дверяхъ горенки показывается* **Мордуха**). Ты за нею
Смотри во всѣ! Не выпускай отсюда!
И если только вздумаютъ ее
Освободить иль выкрасть, сразу шаркнешь
Ее ножомъ вотъ такъ! (*показываетъ рукою по шеѣ*). Иначе я
Всѣ жилы вымотаю изъ тебя
По ниточкѣ.

МОРДУХА.

Спокоенъ будь, бояринъ!
Не выпущу.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Ступай! (*Мордуха уходитъ и закрываетъ дверь*).
(*входятъ:* **Шевляга, Ковшъ, Гуня, Безпута, Алейка** *и еще пять казаковъ*).

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Что нужно вамъ?
Зачѣмъ пришли?

КОВШЪ.

Пришли сказать тебѣ,
Что мы тебя жалѣемъ...

ВЕЛЬЯМИНОВЪ (*перебивая*).

Не нуждаюсь
Я въ сожалѣнъѣ вашемъ.

КОВШЪ.

И рѣшили
Тебѣ помочь.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

И помощи ничьей
Не нужно мнѣ.

ГУНЯ.

Когда сидитъ въ тенетахъ
Оплошный звѣрь, нуждается всегда
Онъ въ помощи отъ нихъ освободиться.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Въ какихъ тенетахъ?

КОВШЪ.

Въ бабьихъ.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

А тебѣ
Какое дѣло? Или позволенье
Я долженъ нынѣ спрашивать у васъ
Въ моихъ дѣлахъ?

КОВШЪ.

Жалѣючи тебя,
Помочь хотимъ. Отъ колдовства лихого
Избавиться безъ помощи нельзя.
Дозволь-ка намъ! Расправимся мы живо!

Какъ слѣдуетъ по мудрому повѣрью.
И разомъ сгинетъ.

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Вотъ вы для чего
Сюда пришли. Лечить меня хотите?
Спасибо вамъ! Но только знайте всѣ,
Что если кто хоть близко подойти
Рѣшится къ ней, ужъ ближе не подступитъ.
На вѣки остановится!

БЕЗПУТА.

Дозволь...

ВЕЛЬЯМИНОВЪ (*перебивая*).

Нѣтъ, никогда я не дозволю вамъ
Въ мои дѣла мѣшаться! Вонъ отсюда!
Я васъ не звалъ. Охотой вы меня
Избрали атаманомъ и, какъ стадо,
Повиноваться мнѣ должны!

ШЕВЛЯГА.

Готовы
По совѣсти тебѣ повиноваться
Во всемъ; но въ этомъ дѣлѣ мы рѣшили
Тебя не слушать. Подходи, ребята!
Бери ее!

ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

Не смѣйте!

ГОЛОСА.

Подходи!

Смѣлѣй! Не слушай!

(*Казаки подвигаются къ дверямъ горенки. Ковшъ бросается къ двери и хватается за скобу*).

ВЕЛЬЯМИНОВЪ (*хватаетъ со стола пистолетъ*).

Такъ теперь меня

Послушаешь! (*стрѣляетъ. Ковшъ падаетъ раненымъ. Три казака бросаются къ дверямъ*).

И вы туда-жъ хотите!

(*Стрѣляетъ изъ другого пистолета. Одинъ казакъ падаетъ убитымъ; остальные въ нерѣшительности. Вельяминовъ хватаетъ саблю и обнажаетъ ее*).

ШЕВЛЯГА (*выхватывая изъ-за пояса пистолетъ*).

Такъ вотъ ты какъ! Изъ-за проклятой бабы
Губить народъ! Иди-же вслѣдъ за ними,
Степной кобель! (*стрѣляетъ; Вельяминовъ падаетъ*).
Тащи ее сюда,
Колдунью подлую! Тащи! не бойся!

(*Казаки вламываются въ горенку. Въ ней раздаются крики Мордухи и Любаши, затѣмъ казаки вытаскиваютъ изъ горенки Любашу*).

БЕЗПУТА.

Едва отбили! Чортова старуха
Чуть не зарѣзала ее ножомъ.

(*Входитъ* **Залетный** *и за нимъ еще нѣсколько казаковъ*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Кто тутъ стрѣлялъ? (*указываетъ на Вельяминова*).
За что его убили?
И тѣ въ крови.

ШЕВЛЯГА.

Рѣшили мы въ кругу
Его спасти отъ силы колдовства;
А онъ стрѣлять въ насъ началъ; въ суматохѣ
Попало самому. Давай, ребята,
Его добро дуванить! Забирай,
Что есть въ жильѣ, да и тащи подъ липу,
Гдѣ дѣлимъ мы нашъ боевой дуванъ.

(*Казаки снимаютъ все со стѣны и со стола, открываютъ сундукъ, выносятъ вещи изъ горенки и все сваливаютъ въ сундукъ и около него; обыскиваютъ и Вельяминова, вынимаютъ у него изъ-за пазухи кошель съ деньгами, снимаютъ перстни съ рукъ*).

БЕЗПУТА.

А съ дѣвкой что?

ШЕВЛЯГА.

Покончимъ, какъ съ колдуньей.

ГУНЯ.

Да можетъ быть колдунья не она,
А вѣдьма старая, которая хотѣла
Ее зарѣзать?

ШЕВЛЯГА.

Кто ихъ разберетъ.

БЕЗПУТА.

Зачѣмъ ее, красавицу такую,
Червямъ на пиръ въ могилу отсылать.
Намъ на потѣху пригодится.

ГУНЯ.

Правда!

ГОЛОСА.

Дуванить и ее! Веди подъ липу!

ГУНЯ.

На счастье разыграемъ; а потомъ,
Какъ водится, на общую потѣху.

ЛЮБАША.

Что̀ сотворятъ? Спаси меня Господь!
Хоть ножъ добыть, съ собой скорѣй покончить,
Чѣмъ имъ достаться. Страшно! Помози! (*становится на колѣни и молится*).

ЗАЛЕТНЫЙ (*въ сторону*).

Несчастная! (*къ казакамъ*). Послушайте, ребята!
Подъ липу не зачѣмъ ее вести.
Увидятъ многіе; отбить, пожалуй,
Задумаютъ, и изъ-за бабы можетъ
Начаться свалка. Раздуваньте здѣсь,
Промежъ себя.

ГОЛОСА.

Вѣстимо! Вѣрно слово!
Дувань! дувань! Давай свои значки!
Кладите въ шапку къ Гунѣ! (*всѣ, кромѣ Залетнаго, кладутъ мѣдные гроши съ отмѣтками въ шапку Гуни*).

КОВШЪ (*сидя на полу*).

И меня
Не позабудьте! (*Гуня подходитъ къ Ковшу, тотъ кладетъ свой значекъ*).

ГУНЯ.

Вынимать кому? (*вынимаетъ одинъ грошъ*).
Тебѣ, Безпута!
(*Шевляга завязываетъ Безпутѣ глаза. Безпута обнажаетъ руку. Гуня подноситъ ему шапку*).

ШЕВЛЯГА.

Вынимай скорѣй! (*Безпута вынимаетъ грошъ*).
Чей грошъ попался? (*беретъ грошъ и смотритъ*).
Твой, Алейка?

АЛЕЙКА.

Мой!

ГУНЯ.

Эхъ, бритымъ счастье! Получай ее,
Мурза татарскій.

АЛЕЙКА (*подходитъ къ Любашѣ*).

Будимъ получать.
Хорошъ товаръ!

ЗАЛЕТНЫЙ (*становясь между Алейкой и Любашей*).

Продай его, Алейка!

АЛЕЙКА.

Зачимъ продать?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Продай за эту саблю;
Тебѣ она понравилась давно.
Давай мѣняться.

ШЕВЛЯГА.

Ишь, ты, старый боровъ!
Губа-то, братъ, не дура у тебя.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Вы не мѣшайте торгу. Онъ хозяинъ!
Его товаръ.

ГУНЯ.

Его! Какъ хочетъ съ нимъ
Распорядиться можетъ.

ЗАЛЕТНЫЙ (*къ Алейкѣ*).

Что-жъ? согласенъ?

АЛЕЙКА.

Хорошій дѣвка! Хороша и сабля.
Султанская! Что-жъ, дѣвушка на часъ,
А сабля завсегда останется. Согласны!
Давай!

ЗАЛЕТНЫЙ (*отдавая саблю*).

Бери!

ГУНЯ.

Не думалъ я, что ты
До бабъ охотникъ.

ШЕВЛЯГА.

Что-жъ ему мѣшать.
Пойдемъ, ребята! Забирай, что взяли.
Дуванить время.

ГОЛОСА.

Забирай! Идемъ!
(*забираютъ всѣ вещи, частью складывая ихъ въ сундукъ*).

БЕЗПУТА (*къ Залетному*).

Съ покупочкой, Михѣичъ! Эти бабы
Кого не соблазнятъ. Да и красива!
(*Казаки уходятъ, унося вещи и сундукъ. Ковша уводятъ подъ руки*).

ЛЮБАША.

Ты старъ и сѣдъ и могъ бы мнѣ отцомъ
По лѣтамъ быть. О, пожалѣй меня!
Молю тебя я всѣмъ, что только свято
Твоей душѣ. Спаси меня! Инàче
Ты натолкнешь меня на тяжкій грѣхъ.
Зарѣжусь я! косою удавлюсь!
Но недостанусь никому потѣхой.
Спаси меня!

ЗАЛЕТНЫЙ (*плотоядно смотря на Любашу*).

Вскипѣла кровь! (*хватается за шею*). Да крестъ
Натѣльный душитъ. (*успокоиваясь*). Не страшись... не бойся.
Я надъ тобой не сотворю насилья.
Не для потѣхи вымѣнялъ тебя,
Любовь Григорьевна; спасти желаю.
Довѣрься мнѣ.

ЛЮБАША.

Откуда знаешь ты,
Кто я такая?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Думала попасть
Къ желанному, а на конѣ умчалъ
Тебя нелюбый. Слушай, молодица!
Твой Митя здѣсь; у Минина въ ставу
Онъ пятисотскимъ. Хочешь, отведу
Тебя къ нему?

ЛЮБАША.

Его ты знаешь?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Знаю.

ЛЮБАША.

Готова я! Идемъ! Спасибо, добрый!
Молиться буду за тебя.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Нельзя
Тебѣ въ нарядѣ женскомъ показаться.
Не выпустятъ. Накинь вотъ этотъ плащъ. (*укутываетъ ее своимъ плащемъ*).
Прикрой лицо казацкой шапкой. (*поднимаетъ съ пола шапку*).
Такъ!
И въ путь скорѣй, пока они дуванятъ.
Иди смѣлѣй, не трусь, не сѣмени;
И если что̀—молчи! Я буду слово
Держать, гдѣ нужно. Съ Богомъ! Поспѣшай!
Пора! пора! Счастлива̀, видно, ты (*указывая на Вельяминова*),
Коль отъ его когтей обереглася. (*уходятъ*).

Картина 3-я.

Дѣйствующія лица:

Варлаамъ.
Козловъ. } войсковые казачьи атаманы.
Чигирь. }
Залетный. }
Шевляга. |
Тяпка. |
Чубарый. } куренные казачьи атаманы.
Кострица. |
Кречетъ. |
Ведряга. }
Еврей.

Войсковые и куренные казачьи атаманы.

Площадь въ Москвѣ. Вокругъ полуразрушенныя обгорѣлыя постройки. Сбоку широкій помостъ, часть котораго уходитъ за сцену.

Куренные атаманы постепенно наполняютъ площадь.

ТЯПКА.

Зачѣмъ сзываютъ?

ЧУБАРЫЙ.

Говорятъ, прислали
Монахи жалованье казакамъ.

ТЯПКА.

Давно пора! Ободрались совсѣмъ.
Какъ суслики торчимъ въ изрытыхъ ямахъ.
Чего намъ ждать?

КОСТРИЦА.

Привыкли въ чистомъ полѣ
По сотнѣ верстъ скакать безъ передышки;
А тутъ коптись, какъ боровъ на крюкѣ. (*появляется еврей*).
Ты что прилѣзъ? аль жаренымъ запахло?

ЕВРЕЙ.

Должки собрать. Я долго ждалъ. Теперь
При деньгахъ будете.

ЧУБАРЫЙ.

Сейчасъ тебѣ
И отдадимъ? Держи карманъ пошире!
Не влѣзутъ всѣ.

ЕВРЕЙ.

Хоть всѣхъ не получу,
А кое-что перепадетъ сегодня.
Когда казакъ при деньгахъ, онъ всегда
Платить готовъ.

КОСТРИЦА.

Да, платимъ мы безъ счета.
А долгъ ростетъ, какъ грибъ послѣ дождя.
Когда съ тобой расчетъ сведемъ, пархатый!

ЕВРЕЙ.

Ты заруби на биркѣ.

КОСТРИЦА.

Зарублю
Я на твоей башкѣ, вѣрнѣе будетъ.

ЧУБАРЫЙ.

Не ошибется.

ЗАЛЕТНЫЙ (*къ еврею*).

Уходи скорѣй,
Коль головою дорожишь! Ты знаешь,
Что здѣсь за сборъ? Казачій кругъ! Такъ саблей
Тебя, незваннаго, погонятъ.

ЕВРЕЙ.

Ай, вай миръ!
Бѣгу! Не зналъ. (*убѣгаетъ*).

КОСТРИЦА.

Гони его, собаку!
Улю-лю-лю! (*всѣ смѣются*).

БЕДРЯГА.

Эхъ, гарно оце було-бъ
Горилки выпить, закусить галушкой,
Та и спочити на сонічку.

КОСТРИЦА.

Знаемъ.
Охочи вы на солнечномъ припекѣ
Съ похмѣлья спать.

ЧУБАРЫЙ.

Гдѣ сонъ кого сморитъ,
Тамъ и постель; тамъ и лежатъ въ растяжку,
Не разбираючи мѣстовъ.

ТЯПКА.

У нихъ
Свой обиходъ, не такъ какъ на Дону,
Или на Волгѣ.

БЕДРЯГА.

Мы своимъ довольны.

ЧУБАРЫЙ.

У васъ галушки, а у насъ ватрушки,
Да пироги—все брюхо перетретъ.

ШЕВЛЯГА.

Что городъ, то и норовъ; что деревня,
То и обычай. Люди крѣпки имъ.
Отъ предковъ установлены.

БЕДРЯГА.

У насъ
Ты тілько у Бога віруй, у Троицу Святую,
Та и хрестись по нашему—и все!
Шляхъ тобі вольный у Січь. Хто ты такій,
Нема̀ намъ діла. Поживай собі,
Поки своимъ ты летомъ самъ укажешь,
Що ты за птиця.

КРЕЧЕТЪ.

А у насъ: гдѣ берегъ—
Тамъ и станъ; гдѣ лодка—тамъ и сѣча
Съ упрямыми, что не хотятъ добромъ
Дѣлиться съ нами.

БЕДРЯГА.

Кто же вы такіе?

КРЕЧЕТЪ.

Ушкуйники! На Волгѣ молодцы!
Безданные, безъ пошлины купцы.
Торгуемъ силой богатырской. Ею
Расчетъ ведемъ. Гдѣ ошибемся малость,
О томъ не тужимъ. Нѣтъ ей перевода!
Опарой претъ.

ЧУБАРЫЙ.

А воеводы васъ
Не безпокоятъ?

КРЕЧЕТЪ.

Есть одинъ, и съ нимъ
Нельзя бороться! Спорить не годится.
Не выдержишь.

БЕДРЯГА.

Да кто-же онъ?

КРЕЧЕТЪ.

Морозъ. (*хохотъ*).

ШЕВЛЯГА.

Лютенекъ! Правда!

ЧУБАРЫЙ.

Скоро-ли начнутъ
Казну дѣлить?

ШЕВЛЯГА.

Не видно войсковыхъ.
Придется обождать.

КРЕЧЕТЪ.

Давно ужъ ждемъ!
Совсѣмъ прокисли. Бросить эту яму
Да въ лѣсъ, на волю! Вѣдь не все еще
Разграблено. Найдутся уголочки
На нашу долю.

ТЯПКА.

Если не заплатятъ,
Уйдемъ сегодня. Такъ рѣшили всѣ.
Мы вольные! Куда глаза глядятъ,
Туда и путь! А здѣсь со стѣнъ горохомъ
Не по зубамъ насъ кормятъ, жестковатъ;
Не только въ ротъ, во всѣ карманы лѣзетъ.
Брать городки развѣ казачье дѣло?
Чего нельзя спалить, предъ тѣмъ торчать
Не любо намъ. Умчаться въ чисто поле
И съ вѣтромъ въ запуски, вотъ это такъ!

ГОЛОСА.

Идутъ! идутъ! Раздайтесь, молодцы! (*На помостъ черезъ сцену входятъ:* **Козловъ**, **Чигирь** *и еще два войсковыхъ атамана съ булавами въ рукахъ. За ними* **Варлаамъ**. *Варлаамъ становится посреди, справа отъ него Козловъ, слѣва Чигирь*).

КОЗЛОВЪ.

Потише, молодцы! Посолъ пріѣхалъ
Отъ Троицы и хочетъ рѣчь держать.

ГОЛОСА.

Послушаемъ! Молчите! Тише! Тсс!

ВАРЛААМЪ (*кланяясь*).

Поклонъ тебѣ, возлюбленное войско
Отъ Троицкихъ властей съ благословеньемъ
Отъ Сергія Святителя.

ГОЛОСА.

Спасибо!
Поклономъ сытъ не будешь и въ закладъ
Его не примутъ. За поклонъ поклонъ;
А денежки подай, давно намъ нужны!

ВАРЛААМЪ.

Вы знаете, какъ оскудѣла сильно
Родная Русь достаткомъ и казной.
Какъ ни старались мы, какъ ни просили,
Немного удалося получить.
На всѣхъ не хватитъ. Мудрый Діонисій,
Не зная какъ вамъ, братья, уплатить
За вашу службу ратную, рѣшился
Послать вамъ все, что до сихъ поръ у насъ
Въ Господнихъ храмахъ цѣннаго осталось.
Кресты, хоругви, ризы и блюда,
Священные сосуды и покровы
Съ святыхъ мощей привезъ я. Въ нашемъ храмѣ
Есть чудотворная Владычицы небесной
Икона древняя; богатъ на ней окладъ,
Каменьями и жемчугомъ украшенъ,
Слѣпитъ глаза сіяніемъ своимъ.
Но не дерзнулъ никто изъ нашей братьи
Къ святой иконѣ дерзко прикоснуться
И грѣшной, недостойною рукой
Ту ризу снять. Рѣшились мы икону
Везти къ вамъ въ станъ, отдать ее въ закладъ
Порукою Владычицы Пречистой,
Что мы заплатимъ должное, лишь только

Собрать успѣемъ. Если-жъ казаки
Не вѣрятъ намъ, окладъ снимите сами,
Коли найдется грѣшная рука
Къ такой святынѣ дерзко прикоснуться. (*общее молчаніе*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Мы не татары! Обдирать иконы
Не наше дѣло.

ЧУБАРЫЙ.

Мы и не жиды,
Чтобъ брать въ закладъ святыни.

ГОЛОСА.

Не хотимъ
Касаться ихъ! Вези назадъ! Мы вѣримъ!
Пообождемъ!

ЧИГИРЬ.

Святой иконой этой
Благослови насъ, и порукой будетъ
Ея къ намъ милость. Такъ-ли, братцы?

ПОЧТИ ВСѢ АТАМАНЫ.

Такъ!

ЧИГИРЬ.

Не постыдимъ и нынѣ вѣры нашей.
Она повсюду съ нами. За нее
Сто разъ умремъ! и къ вѣковой святынѣ
Мы не допустимъ прикоснуться!

ГОЛОСА.

Правда!
Вези назадъ! Не нужно намъ заклада!
Послужимъ такъ! Вези! Вези назадъ!

КОЗЛОВЪ.

Всѣ порѣшили?

АТАМАНЫ.

Всѣ!

КОЗЛОВЪ (*къ Варлааму*).

Ты слышалъ, отче?
Вези обратно все, что намъ привезъ
Изъ храмовъ Троицкихъ. Единогласно
Всѣ атаманы войска казаковъ
Рѣшили такъ—и такъ оно да будетъ.
Мы каждый грѣшники, но войско чисто,
И святъ его всеобщій приговоръ.
Подъ Богомъ ходимъ! Крестъ на шеѣ носимъ. (*снимаетъ шапку и кланяется Варлааму*).
Спасибо вамъ за то, что вы для насъ
Не пожалѣли даже и святыни
Прислать изъ храмовъ, и за то, что ты
Разумнымъ словомъ удержалъ насъ нынѣ
Отъ нехорошаго. Въ душѣ у насъ
Еще святая вѣра не погасла.
Коснись ее!—и мы, какъ Божьи дѣти,
Воскреснемъ всѣ въ дѣяніи благомъ. (*надѣваетъ шапку*).
Да будетъ такъ, какъ порѣшило войско;

Нерасторжимъ казачій приговоръ!
Не отойдемъ мы отъ Москвы, доколѣ
Изъ стѣнъ Кремля не выгонимъ враговъ.
Порукой всѣ!

ЧИГИРЬ.

Порукой наше слово
Предъ образомъ Пречистой!

АТАМАНЫ (*поднимая правыя руки*).

Не уйдемъ!
Обѣтъ даемъ!

КОЗЛОВЪ (*къ Варлааму*).

Внеси сюда икону на помостъ;
Мы передъ ней помолимся предъ боемъ,
И насъ она побѣдой наградитъ.

(*Варлаамъ оборачивается и даетъ знакъ рукою за сцену*).

ГОЛОСА.

Вноси! вноси!

ЗАЛЕТНЫЙ.

Помолимся, вѣстимо,
Заступницѣ за грѣшниковъ, за насъ.

ВАРЛААМЪ.

Мы всѣ Ея заблудшіяся дѣти,
И благостна Она, Святая мать.

ГОЛОСА.

Несутъ! несутъ! Скидайте шапки, братцы!
Владычица Святая помози!

(*всѣ обнажаютъ головы и опускаются на колѣни*).

Конецъ 3-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дѣйствующія лица:

Бояринъ князь Дмитрій Тимофѣевичъ Трубецкой—главный воевода казачьяго войска подъ Москвой.
Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій—главный воевода земского ополченія.
Окольничій Головинъ—воевода того-же ополченія.
Козловъ, **Чигирь** } войсковые казачьи атаманы.
Варлаамъ.
Козьма Мининъ.
Дмитрій Мининъ.
Любаша Пареенова.
Залетный.
Ратникъ—земскаго ополченія.

Воеводы, войсковые атаманы и ратники.

Ставка Минина у Арбатскихъ воротъ.

Варлаамъ, Мининъ, Пожарскій, Трубецкой, Головинъ, Козловъ, Чигирь и еще трое воеводъ и два войсковыхъ атамана сидятъ вокругъ стола. До поднятія занавѣса слышенъ громкій споръ.

ВАРЛААМЪ.

Не время спорить. Будьте, воеводы,
Достойны сана вашего, примѣръ
Своимъ согласьемъ войску подавая.

ТРУБЕЦКОЙ.

Я въ мирѣ жить не прочь, да съ вашимъ княземъ
Не сговоришься. Не могу же я
Къ нему сюда таскаться на поклонъ.
Недѣли нѣтъ вамъ здѣсь, а мы давно
Ведемъ въ Москвѣ единоборство съ ляхомъ.
Не мнѣ же кланяться.

ПОЖАРСКІЙ.

Да и не мнѣ!
Къ тебѣ поѣдешь и не возвратишься.
Нельзя вамъ вѣрить!

ТРУБЕЦКОЙ.

Почему нельзя?
Порукой я.

ПОЖАРСКІЙ.

Важна̀ твоя порука.
Послушаютъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Попробуй!

ПОЖАРСКІЙ.

Ляпуновъ
Повѣрилъ вамъ и съ жизнью распростился.
Разбойники! Кто подсылалъ меня
Измѣною убить?

ТРУБЕЦКОЙ.

Я не Заруцкій.
Бояринъ я.

ПОЖАРСКІЙ.

Изъ Тушино оно,
Твое боярство.

ТРУБЕЦКОЙ (*вскакиваетъ и выходитъ впередъ, за нимъ и всѣ встаютъ и становятся посреди сцены*).

Если вамъ не любъ —
Найдемъ другое дѣло, чѣмъ напрасно
Торчать, какъ пни, въ разрушенной Москвѣ.

ВАРЛААМЪ (*къ Трубецкому*).

Не покидай, бояринъ, изъ-за ссоры
Святого дѣла. Русская земля
Моими недостойными устами
Тебя объ этомъ молитъ. Послужи
Къ ея спасенью. Истекаетъ кровью,
Истерзанная смутами, она.
Все расползлось! Послѣдняя надежда
Теперь на васъ. Смиритесь-же, князья,
Не другъ предъ другомъ, оба передъ Богомъ,
И послужите до конца достойно
Родному дѣлу.

ТРУБЕЦКОЙ.

Я служу ему
Не первый годъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Меня земля родная
Избрàла воеводой, а земля
Сильнѣе сброда.

ТРУБЕЦКОЙ (*къ Варлааму*).

Разсуди ты самъ,
Кто зачинаетъ?

ВАРЛААМЪ (*къ Пожарскому*).

Не кори ихъ, князь!
Тутъ нѣту сброда. Дѣти всѣ единой
Великой матери, земли родной.
Ты посмотрѣлъ-бы, какъ вчера молились
Они передъ иконою святой.
Не ссорьтесь, воеводы! Иль въ отвѣтѣ
Вы будете предъ Господомъ за то,
Что помѣшали вашимъ препираньемъ
Освобожденью близкому Москвы.

ПОЖАРСКІЙ.

Я тушинскому вору не служилъ;
Маринкина приблуднаго щенка
И дьякона московскаго Сидорку
Царемъ не признавалъ; прямилъ по правдѣ
Родной землѣ и въ станъ къ нимъ не поѣду.

ТРУБЕЦКОЙ.

И я къ тебѣ являться на поклонъ
Не стану, князь! (*хочетъ уйти*).

МИНИНЪ (*къ Трубецкому*).

Остановись, бояринъ!
Москва обширна. Мы ведемъ отсюда
Осаду нашу; ты веди свою,

Пока въ Кремлѣ святомъ мы не сойдемся.
Вы оба старшіе. Не нужно вамъ
Другъ другу подчиняться; но нельзя
Безъ соглашенья дѣйствовать. Съѣзжайтесь
На рубежѣ осадныхъ становъ вашихъ
Вдоль по Неглинной, хоть въ монастырѣ
Петра Святителя. Онъ будетъ старшій
Надъ вами, воеводы, и его
Молитвами да снизойдетъ согласье
И миръ межъ вами.

ТРУБЕЦКОЙ.

Твой совѣтъ хорошъ.
Такъ безобидно. Съ этимъ я согласенъ.

ПОЖАРСКІЙ.

И я не прочь.

МИНИНЪ.

Согласны, воеводы?

ВСѢ ВОЕВОДЫ И АТАМАНЫ.

Согласны! Да! Такъ будетъ хорошо!

ГОЛОВИНЪ.

И безопасно. Ты всегда, Захарычъ,
Придумаешь толково. Безъ тебя
Давно-бы всѣ разсорились.

МИНИНЪ.

Я, други,
Самъ по себѣ ничтоженъ. Благодать

Господня предуставила меня
Служить святому дѣлу и она-же
Мнѣ помогаетъ, зная, какъ сильны
Здѣсь, въ сердцѣ, скорбь о родины страданьяхъ
И вѣра въ милость Божію. Князья,
Согласны вы! Забудьте перекоры
И укрѣпите дружнымъ рукобитьемъ
Согласье ваше.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вотъ моя рука!

МИНИНЪ (*къ Пожарскому*).

И ты свою вложи въ нее отъ сердца
На миръ своимъ и на борьбу съ врагомъ.
(*Пожарскій даетъ руку Трубецкому*).

ВАРЛААМЪ.

Твоей руки недостаетъ, Захарычъ!
Ты выборный отъ всей родной земли,
Своихъ дѣтей приславшей на защиту
Ея врагомъ поруганныхъ святынь.
(*беретъ руку Минина и кладетъ ее на соединенныя руки Пожарскаго и Трубецкого*).

МИНИНЪ.

А ты своей скрѣпи благое дѣло
И освяти согласія союзъ.

ВАРЛААМЪ (*воздымая надъ ними руки*).

Да будетъ миръ ненарушимъ межъ вами
На гибель иноземному врагу.

ВОЕВОДЫ И АТАМАНЫ (*обнажая сабли и мечи и потрясая ими*).

На гибель иноземному врагу!

(*вкладываютъ оружіе; воеводы жмутъ руки атаманамъ*).

ТРУБЕЦКОЙ.

На утро, по разсвѣтѣ, соберемся
Въ монастырѣ Петровскомъ на совѣтъ.
Ходкевичъ близко! Если онъ ударитъ
Съ Замоскворѣчья, тотчасъ дамъ я знать,
И вы на помощь къ намъ не опоздайте.
Прощайте, воеводы! (*къ Пожарскому*). Миръ блюсти
Я буду, князь! Блюди его и ты.

ПОЖАРСКІЙ.

Причины нѣтъ пока намъ препираться.
Заутра съѣдемся въ монастырѣ,
Какъ здѣсь условились. Когда-жъ нагрянутъ
Враги на насъ, я васъ оповѣщу,
И поддержите, атаманы, насъ
Отпоромъ общимъ.

АТАМАНЫ.

Мы поддержимъ, князь!
Не выдадимъ! Надѣйся! Дайте знать
Лишь во-время.

ТРУБЕЦКОЙ.

Прощай, Козьма Захарычъ!
Твой мудрый умъ все впору предусмотритъ.
Твоя заслуга.

МИНИНЪ.

Будь здоровъ, бояринъ!
Дай Богъ тебѣ и бодрости, и силъ
Служить землѣ, какъ всѣ мы нынѣ служимъ
Страдалицѣ родной. Никто, какъ Богъ!
Помилуетъ, быть можетъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Не далекъ
Кровавый бой; сегодня-завтра грянетъ.
Прощайте! (*уходитъ съ атаманами*).

ВАРЛААМЪ.

Слава Богу! примирились.

ПОЖАРСКІЙ.

Не очень-то на дружбу надлежитъ
Ихъ полагаться. Съ нимъ дружить—дружи,
А камень все за пазухой держи.
Пойдемъ и мы! Пожалуй, что сегодня
Нагрянетъ врагъ. Должны быть на готовѣ.
Того и жди, что загудитъ набатъ.
Прощайте! (*уходитъ съ воеводами*).

ВАРЛААМЪ.

Онъ все такъ же недовѣрчивъ
И неуживчивъ.

МИНИНЪ.

Слышалъ нынѣ самъ.
Такъ тяжело съ нимъ ладить, что порою
И руки опускаются.

ВАРЛААМЪ

Пока
Уладилось.

МИНИНЪ.

На долго ли?

ВАРЛААМЪ.

Прощай!
Мнѣ что-то нездоровится. Продуло
У казаковъ должно быть. (*уходитъ*).

МИНИНЪ.

Сколько разъ
Я ихъ мирю. Теперь настало время
Рѣшительное. Если отобьемъ
Ходкѣвича, тогда не долго могутъ
Враги въ Кремлѣ держаться; если-жъ нѣтъ—
Погибло все! (*входитъ* **Дмитрій Мининъ** *въ боевомъ одѣяніи*).

МИНИНЪ.

Тебя назначилъ я
Въ передовой отрядъ на случай боя.
Не постыди!

ДМИТРІЙ.

Во мнѣ не сомнѣвайся.
Не постыжу. Горитъ отвагой сердце.
Въ удачѣ Богъ! Не побѣгу, какъ заяцъ,
Передъ врагомъ и жизни не отдамъ
Безъ выкупа. Да и къ чему она
Нужна мнѣ?

МИНИНЪ.

Знаетъ Богъ о томъ.
Не намъ судить.

ДМИТРІЙ.

Съ тѣхъ поръ, какъ закатилась
Моя звѣзда сердечная, не милъ
Мнѣ Божій свѣтъ.

МИНИНЪ.

Ты о звѣздѣ не думай,
Коль закатилось солнце надъ родною
Землею русской и во тьмѣ она,
Осиротѣлая, шатаясь, бродитъ.
Ей послужи.

ДМИТРІЙ.

Я и служу ей, дядя,
И смерти жду, какъ милости себѣ.

(*входитъ* **Залетный**).

МИНИНЪ.

Съ какою вѣстью жалуешь, Михѣичъ?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Съ хорошею! Да только не къ тебѣ. (*указывая на Дмитрія*).
Къ нему.

ДМИТРІЙ.

Ко мнѣ? Не можетъ быть вѣстей
Хорошихъ для меня.

ЗАЛЕТНЫЙ.

А вотъ нашлася.

Порадуетъ.

ДМИТРІЙ.

Скажи!

ЗАЛЕТНЫЙ.

Увидишь самъ. (*отворяетъ дверь*).

Войди-ка, милая, сюда! Не бойся!

Входи, входи! (*входитъ* **Любаша** *въ плащѣ*).

ДМИТРІЙ.

Кто ты?

ЗАЛЕТНЫЙ (*снимая съ Любаши плащъ*).

Аль не призналъ?

Взгляни на перстенекъ у ней на пальцѣ.

ДМИТРІЙ.

Любаша, ты?

ЛЮБАША.

Я, Митя!

ДМИТРІЙ.

Дорогая!

Голубушка моя! (*обнимаются*).

ЗАЛЕТНЫЙ.

Ага! узналъ!

МИНИНЪ.

Любаша милая! (*цѣлуетъ Любашу въ лобъ; къ Залетному*).
Да гдѣ-жъ нашелъ
Ее ты нынѣ?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Гдѣ бы ни нашелъ,
А къ вамъ привелъ. Довольны?

ДМИТРІЙ.

Не забуду
До смѐрти я подарка твоего. (*къ Любашѣ*).
Но, можетъ быть... съ другимъ ты раздѣлила
Твою любовь?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Не бойся! Не томись!
Она чиста, какъ голубь. Сохранили
Ее вполнѣ,—кому она молилась
Своей безгрѣшной дѣвичьей душой.

ДМИТРІЙ.

Но убѣжала ты...

ЗАЛЕТНЫЙ.

Ее обманомъ
Я заманилъ. Не для себя. Другому.
Дороже далъ, чѣмъ ты сулилъ тогда.

ДМИТРІЙ.

Такъ странникъ—ты?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Бывалъ и имъ. Что было,
То сплыло, не зачѣмъ и вспоминать.
За то теперь доволенъ?

ДМИТРІЙ.

О, Любаша!
Какъ счастливъ я, родная!

ЛЮБАША.

Милый мой!

МИНИНЪ.

Отрадный день! Считалъ ее погибшей,
И обрѣли.

ДМИТРІЙ.

Теперь я жить хочу!
Теперь возможно снова стало счастье
Съ тобой! вдвоемъ! (*раздается звонъ набата*).

МИНИНЪ.

Набатъ! Скорѣе въ бой!
Идетъ Ходкѣвичъ!

ДМИТРІЙ.

Въ бой? Ее оставить?
Найти нежданно съ тѣмъ, чтобы на вѣкъ
Разстаться съ ней быть можетъ?

МИНИНЪ.

Неужѐли
Ты не пойдешь?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Пойдетъ.

ДМИТРІЙ.

Идти я долженъ! (*къ Любашѣ*).
Прощай! Молись! О, Боже, сохрани
Меня въ бою! (*вбѣгаетъ нѣсколько ратниковъ*).

РАТНИКЪ.

Ходкѣвича полки,
У Дѣвичьяго поля переправясь,
Ударили на нашихъ!

МИНИНЪ (*одѣвая при помощи ратниковъ кольчугу, шлемъ и оружіе*).

Поспѣшимъ
На помощь имъ!

ДМИТРІЙ.

Молись за насъ, Любаша!,
(*всѣ, кромѣ Любаши, убѣгаютъ*).

ЛЮБАША.

Спаси ихъ Господи! Не дай мнѣ снова
Его лишиться. Не напрасно Ты
Меня хранилъ средь ужасовъ кровавыхъ,
Чтобы счастья мигъ въ дни горя обратить.

Конецъ 4-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Картина 1-я.

Дѣйствующія лица.

Бояринъ князь Д. Т. Трубецкой.
Бояринъ князь Воротынскій.
Козьма Мининъ.
Окольничій Головинъ. } воеводы.
Плещеевъ.
Глѣбовъ. } выборные.
Ростокинъ.
Блиновъ.
Залетный.
Любаша Пареенова.
Чубарый.
Вирючъ.
Старуха } изъ народа.
Парень
1-й
2-й
3-й

Воеводы, ратники и народъ.

Площадь въ Кремлѣ. Справа Софійскій соборъ. Сзади Грановитая палата и Красное крыльцо *). Зима. Время — передъ вечерней.

---

*) Декорація по рисунку въ книгѣ «Изъ исторіи Москвы» В. Н. Москва 1896 г. стр. 181.

Кучка народа; сзади проходитъ народъ.

ПЕРВЫЙ.

Благодаренье Господу! Настали
И тишина, и миръ. А сколько горя
Мы испытали. Страшно и подумать!

ВТОРОЙ.

Жену убили; дѣти перемерзли;
Избенку растаскали на дрова.
И нагъ, и сиръ!

ТРЕТІЙ.

Святые Божьи храмы
Въ конюшни обратили. На иконахъ
Играли въ зернь. И день, и ночь немолчно
Безчинствовали.

СТАРУХА.

Я сама со страха
Чуть не сошла съ ума.

ПЕРВЫЙ.

А что?

СТАРУХА.

Да, право,
Постыдно и сказать! Въ Кремлѣ мы жили
Съ боярыней Ростовской. Каждый день
За жизнь свою боялися. Повѣришь —
Какъ ночь наступитъ, такъ и жди безпутныхъ.
Въ ворота ломятся.

ПАРЕНЬ.

Грѣшишь, старуха!
Сознайся, что прилгнула. Кто-жъ къ тебѣ
Ломиться станетъ? Слѣпъ онъ что-ли, тетка?

СТАРУХА.

Напьются, милый, гдѣ имъ разбирать.
Племянницу Маврушу зарубили
На смѐрть за то, что во святомъ вѣнцѣ
Плясать не захотѣла передъ ними.

ТРЕТІЙ.

Да, было время.
(*входитъ* **Бирючъ** *съ трещеткой въ рукахъ*).

БИРЮЧЪ (*протрещавъ трещеткой*).

Слушайте наказъ!
Отъ воеводъ московскихъ извѣщенье!
Сбираться завтра въ Чудовъ монастырь
Къ обѣднѣ ранней выборнымъ московскимъ
Отъ городовъ, посадовъ, волостей;
Оттуда же, молебенъ переждавъ,
На площадь Красную для выбора царя
И государя волею земли.
Никто чтобъ не былъ въ нѣтехъ. Передайте
Неслышавшимъ объявленный наказъ! (*уходитъ*).

(*проходитъ народъ*).
(**Глѣбовъ, Ростокинъ и Блиновъ**).

ГЛѢБОВЪ.

Здорово, другъ!

РОСТОКИНЪ.

Здорово, Фролъ Семенычъ!
Не чаялося встрѣтиться въ Москвѣ.
Давно не видѣлись.

БЛИНОВЪ (*прислушавшись*).

Издалека̀,
Должно быть, съѣхались?

ГЛѢБОВЪ.

Я изъ Рязани.

РОСТОКИНЪ.

Изъ Пскова я.

БЛИНОВЪ.

А я изъ Костромы.
Перемѣшались нынѣ, въ лихолѣтье,
Какъ жолуди дорогою въ мѣшкѣ.

ГЛѢБОВЪ.

Теперь недолго. Выберемъ царя
И по домамъ!

БЛИНОВЪ.

Кого-то Богъ поможетъ?

РОСТОКИНЪ.

Романова, вѣстимо! За него
Стоятъ всѣ дружно.

ГЛѢБОВЪ.

Очень и иныхъ
Престолъ блазнитъ.

РОСТОКИНЪ.

Таить не стану, други!
Пыталися съ подсыломъ и ко мнѣ.

ГЛѢБОВЪ.

Да и меня порядкомъ улещали
Стоять за князя...

БЛИНОВЪ.

Трубецкого?

ГЛѢБОВЪ.

Да.

РОСТОКИНЪ.

Какой онъ царь.

ГЛѢБОВЪ.

Дванадесять рублей
Пока давали. Послѣ, говорятъ,
Еще дадутъ и пошлины сбирать
Въ Москвѣ пристроятъ, коли на престолъ
Ему удастся сѣсть.

БЛИНОВЪ.

Не онъ одинъ.
И Воротынскій, и Пожарскій оба

Свои заслуги выставляютъ. Всѣмъ
Завиденъ царскій санъ.

ГЛѢБОВЪ.

Довольно было
Отъ нихъ раздоровъ. Мы наказъ имѣемъ
За сына Филарета Михаила
Подать свой голосъ. Не измѣнимъ клятвѣ
Прямить по совѣсти. Пойдемте, други!
Изъ Грановитой воеводы наши
Идутъ сюда. Должно быть, совѣщанье
Ихъ кончилось. А завтра грянетъ здѣсь
Народный голосъ выборныхъ отъ всей
Родной земли и скажетъ неподкупно,
Кого она на царство нарекла. (*уходятъ*).

(*Съ Краснаго крыльца спускаются воеводы и проходятъ по площади*).

(**Трубецкой, Головинъ и Плещеевъ**).

ТРУБЕЦКОЙ (*къ Головину*).

Ты приходи ко мнѣ, Семенъ Гаврилычъ,
Послѣ вечерни. (*къ Плещееву*). Да и ты, Ильичъ,
Моимъ виномъ и медомъ не побрезгуй.

ГОЛОВИНЪ И ПЛЕЩЕЕВЪ.

Придемъ, придемъ!

ТРУБЕЦКОЙ.

Сберется кое-кто
Изъ близкихъ нашихъ, тамъ и потолкуемъ

Промежъ себя. А съ этими не сваришь
Ни щей, ни каши!
(Къ Трубецкому подходитъ Чубарый *и кланяется, снимая шапку).*

Что тебѣ, землякъ?

ЧУБАРЫЙ.

Словечко перемолвить надо.

ТРУБЕЦКОЙ.

Послѣ.

Не мѣсто тутъ.

ЧУБАРЫЙ.

На спѣшку дѣло есть.

ГОЛОВИНЪ И ПЛЕЩЕЕВЪ.

Прощай, бояринъ!

ТРУБЕЦКОЙ.

Такъ не запоздайте.

ПЛЕЩЕЕВЪ.

Не запоздаемъ. *(уходитъ съ Головинымъ).*

ТРУБЕЦКОЙ.

Что тебѣ еще?

ЧУБАРЫЙ.

Извѣстно что! Подмазки не хватило.
А время дорого!

ТРУБЕЦКОЙ.

Довольно я
Сегодня далъ.

ЧУБАРЫЙ.

Крупы-то много въ гòрсти;
А выброси цыплятамъ—по зерну
Достанется. Налажена телѣга!
Чтобъ вывезла, ты денегъ не жалѣй!

ТРУБЕЦКОЙ.

Ты многихъ сговорилъ?

ЧУБАРЫЙ.

Да песъ ихъ знаетъ!
Башка у нихъ не ящикъ; не видать,
Чтò въ ней лежитъ. Надѣемся, что сдержатъ
По уговору слово. Воротынскій
Не дремлетъ тоже, горячо куетъ.
Стараемся.

ТРУБЕЦКОЙ.

Старайся—и свое
Благополучіе устроишь. Жди
У задняго крыльца; съ Игнатомъ вышлю.

ЧУБАРЫЙ.

Скорѣе-бы.

ТРУБЕЦКОЙ.

Успѣешь! До утра
Довольно времени. Ступай! (*Чубарый уходитъ*). Какъ соръ
Уходятъ деньги. А надежды мало
На выборы. Теперь въ рукахъ земли
Избраніе царя. Она здѣсь сила!
И не поднять мнѣ больше казаковъ,
Какъ поднималъ ихъ раньше. Миновала
Привольная пора. А до престола
Не доростешь... Увидимъ. Не далекъ
Грядущій день; что онъ намъ завтра скажетъ?
Не безъ поддержки. (*уходитъ*).

(Мининъ и Воротынскій).

ВОРОТЫНСКІЙ.

Ты, Козьма Захарычъ,
Не хочешь постараться за меня.
А могъ бы.

МИНИНЪ.

Я стараюсь, князь,
На пользу общую. Что̀ выборные скажутъ,
То и добро.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Но могъ бы за меня
Ты слово молвить; вѣское оно
Для выборныхъ.

МИНИНЪ.

Не мнѣ ихъ научать.
Не маленькіе. Знаетъ каждый самъ
Кого избрать. Кого Господь назначилъ,
Того и выберутъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Конечно, такъ.
А все-таки... Прощай, Козьма Захарычъ! (*уходитъ*).

МИНИНЪ.

Заутра день всѣ споры порѣшитъ;
Избраніемъ всеобщимъ Михаила
Романова дастъ для Руси царя
Ей нужнаго. А эти воеводы
Всякъ о себѣ хлопочетъ. Всѣ въ цари
Попасть хотятъ и денегъ не жалѣютъ.
Посулы, подкупъ, тайные сговоры
Такъ и кишатъ повсюду. Но избавитъ
Отъ нихъ Господь! Руси страданій чаша
Ниспосланная выпита до дна
Народомъ русскимъ. (*подходятъ* **Залетный** *и* **Любаша**; *площадь понемногу пустѣетъ*).
Ты зачѣмъ, Любаша,
Сюда пришла?

ЛЮБАША (*вся въ черномъ одѣяніи*).

Служила панихиду.

МИНИНЪ.

По Дмитріѣ? Онъ, мученикъ, себѣ
Пріютъ въ небесномъ царствѣ приготовилъ.
Какъ левъ, онъ бился на моихъ глазахъ
Съ нагрянувшей на насъ литовской силой;
Но смѣлая отвага не могла
Ихъ одолѣть. Изрубленный врагами,
Онъ палъ въ бою. Лишь трупъ его остывшій
Намъ удалось найти на полѣ битвы
И съ отпустомъ церковнымъ схоронить.

ЛЮБАША.

Тебя хочу просить я...

МИНИНЪ.

Возвратиться
Къ себѣ домой?

ЛЮБАША.

Нѣтъ, не о томъ.

МИНИНЪ.

О чемъ же?

ЛЮБАША.

Желанный Дмитрій съ свѣтлою надеждой
Пошелъ на бой; но возвратиться къ намъ
Ему не привелося. Прахъ его
Въ монастырѣ Никитскомъ схоронили,
Оплакавъ, мы. Передъ своей кончиной,
Стремяся въ бой, онъ крикнулъ на прощанье:

«Молись за насъ, Любаша!» Такъ дозволь
Его исполнить просьбу.

МИНИНЪ.

Что-жъ, молиться
Вездѣ ты можешь.

ЛЮБАША.

Нѣтъ! Лежитъ въ Москвѣ
Онъ, мой женихъ по сердцу, и хочу
И я въ Москвѣ остаться до могилы.

МИНИНЪ.

Но съ кѣмъ? Одна?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Съ моей сестрой, Захарычъ!
Она монахиня.

МИНИНЪ (*къ Любашѣ*).

И ты?...

ЛЮБАША.

И я хочу
Монахиней окончить жизнь земную.
Здѣсь я могу свободно посѣщать
Завѣтную, священную могилу
И у подножья скорбнаго креста
Молиться за усопшаго. Дозволь!
Не откажи въ своемъ благословеньѣ
На подвигъ мой.

МИНИНЪ.

Твое, голубка, дѣло.
Ты сирота. Печаль давно сразила
Твою родительницу. Будешь также
И за нее молиться. Я тебя
Не стану отговаривать. Лишь дай
Окончить намъ царя священный выборъ;
А послѣ пообсудимъ, не спѣша,
Твое желанье. (*къ Залетному*). Безъ нея съ тобой
Вернемся въ Нижній.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Нѣтъ, и я, Захарычъ,
Тебѣ не спутникъ больше.

МИНИНЪ.

Ты куда-же
Идти отсюда вздумалъ?

ЗАЛЕТНЫЙ.

Никуда!
Натѣльный крестъ, которымъ меня въ Нижнемъ
Благословилъ прозорливый старикъ,
Былъ крестъ монаха. Онъ меня провелъ
Благополучно средь навѣтовъ хитрыхъ
И искушеній мощнаго врага;
Онъ освѣтилъ мнѣ душу, сжалилъ сердце,
И онъ же нынѣ къ пристани надежной
Меня ведетъ. Прощай, Козьма Захарычъ!
Поклонъ тебѣ за твой святой починъ,
За пòдъятое чистыми руками

Мірское дѣло. Нынѣ ужъ конецъ
Ему сталъ виденъ. Въ общемъ ополченьѣ
Потребности не станетъ на Руси;
И я свой мечъ на Божій крестъ мѣняю
И ратный шлемъ на инока клобукъ.
Авось Господь помилуетъ меня
И дастъ мнѣ время въ строгомъ послушаньѣ
Грѣховъ тяжелыхъ бремя облегчить.
А ихъ не мало накопилось въ жизни
Моей безпутной.

МИНИНЪ.

Въ добрый часъ, Михѣичъ!
Рѣшенье мудрое. Подай Господь
Обѣтъ священный до конца исполнить
Въ его сурово строгой чистотѣ,

ЗАЛЕТНЫЙ.

Спасибо, другъ! (*кланяется, дотрогиваясь рукой до земли*).
Поклонъ земной тебѣ
За божеское дѣло, что сумѣлъ
Ты насъ, звѣрей, своей душою чистой
Людьми содѣлать. Это не легко!
Разсѣялися тучи въ головѣ
И выглянуло солнце здѣсь, въ душѣ
И въ сердцѣ. Никому оно не видно,
И не зачѣмъ! А сладко, какъ въ раю,
И даже слезы снова появились.

МИНИНЪ.

Да развѣ я возмогъ бы сдѣлать, другъ,
Когда бы не было со мной въ средѣ народа

Тебѣ подобныхъ? Вы вершили дѣло!
Я только началъ, высказалъ при всѣхъ,
Что на душѣ у каждаго лежало.
Доколѣ вѣра есть въ сердцахъ людей,
Невидимо она связуетъ души
И окрыляетъ въ годы испытаній,
Во дни напасти. Кто и нынѣ спасъ
Родную Русь? Откуда раздавались
Священные призывы ко спасенью?
Какъ неумолчный колокола звонъ,
Отъ Сергія обители посланья
Будили Русь. Въ Москвѣ же неустанно,
Среди измѣны всяческой, вѣщалъ
Священный голосъ старца Гермогена,
Насъ неуклонно призывавшій бросить
Раздоръ и смуту, вспомнить Божье слово
И въ единеньѣ обрѣсти исходъ
Бѣдѣ всеобщей. Здѣсь, какъ громъ, гремѣлъ
Онъ средь враговъ своихъ ожесточенныхъ,
Доколѣ въ мукахъ голода не смолкъ
Его глаголъ. О немъ, какъ патріархѣ
И мученикѣ, сотворимъ усердно
Поминовеніе молитвой. (*обнажаетъ съ Залетнымъ голову; всѣ трое складываютъ руки и склоняютъ головы*).

Здѣсь,
Въ святомъ Кремлѣ, средь вѣковыхъ святынь,
Витаетъ духъ его благословенный;
И пусть его священная рука
Благословитъ заутра нашъ соборъ
Избранія царя и государя.

Служители Христа у насъ скромны,
Ихъ свѣточи покоятся подъ спудомъ,
Но въ грозный часъ Господняго суда
И испытанья—впереди они
Доселѣ были; и всегда такъ будетъ,
Доколѣ будетъ русская земля
Стоять неколебимо на устояхъ
Своихъ исконныхъ! *(раздается первый ударъ колокола къ вечернѣ)*. Воздадимъ же Богу,
Творцу и Промыслителю всего,
Что было, есть и будетъ во грядущемъ, *(второй ударъ колокола)*
Благодареніе отъ сердца и души,
Къ нему любовію сыновней полной. *(третій ударъ колокола. Всѣ трое становятся на колѣни и склоняютъ головы; продолжается мѣрный звонъ колокола къ вечернѣ).*

(Занавѣсъ медленно падаетъ).

Картина 2-я.

Дѣйствующія лица:

Бояринъ Морозовъ.
Козьма Мининъ.
Варлаамъ.
Глѣбовъ
Ростокинъ
Блиновъ
Старикъ
Сторонникъ Трубецкого
Сторонникъ Пожарскаго
Сторонникъ Владислава
} выборные.

Выборные и народъ.

Красная площадь въ Москвѣ. Слѣва немного въ глубинѣ Лобное мѣсто. Задняя декорація: Кремлевская стѣна съ Фроловскими (нынѣ Спасскими) воротами и главами соборовъ и колокольни Ивана Великаго, безъ Филаретовской пристройки. Слѣва церковь Василія Блаженнаго *). Ясный зимній день.

Площадь постепенно наполняется выборными и народомъ.

РОСТОКИНЪ.

Холодновато. Дѣдушка морозъ
Пощипываетъ крѣпко.

БЛИНОВЪ.

Онъ плясать
И трезваго на улицѣ заставитъ.
Веселый дѣдъ!

ГЛѢБОВЪ.

За пазуху ко всѣмъ,
И къ молодымъ, и къ старымъ норовитъ
Своей рукою льдистою забраться.

СТОРОННИКЪ ПОЖАРСКАГО.

Скорѣе бы кончали. По домамъ
Пора намъ ѣхать.

СТАРИКЪ.

Погоди, любезный!
Не на базаръ пріѣхалъ. Выбирать

*) Декорація по рисунку въ книгѣ «Изъ исторіи Москвы» В. Н. Москва, 1896 г., стр. 171.

Не старосту приходится. Нельзя
Спѣшить въ такомъ великомъ нашемъ дѣлѣ.

СТОРОННИКЪ ТРУБЕЦКОГО.

Сегодня порѣшатъ. А надо выбрать
Достойнаго. Вонъ, говорятъ, хотятъ
Романова избрать. Онъ молодъ очень,
Неопытенъ. Постарше есть. Хотя бы
Князь Трубецкой! Бояринъ именитый
И воинъ храбрый. Одолѣлъ враговъ.
Освободилъ Москву. Кому же больше
Вѣнецъ присталъ?

РОСТОКИНЪ.

Хорошъ твой Трубецкой!
Какъ мокрый листъ, ко всѣмъ царькамъ поганымъ
Онъ приставалъ. (*сдержанный смѣхъ*).

ГОЛОСА.

Такихъ не надо намъ!

СТОРОННИКЪ ПОЖАРСКАГО.

Измѣнчивъ онъ. Вотъ, други, князь Пожарскій
Достоинъ всѣмъ. Не измѣнялъ присягѣ.
Землей въ вожди былъ избранъ и царемъ
Надежнымъ будетъ.

ГЛѢБОВЪ.

И его негоже
Царемъ избрать. По прежнему раздоры
Въ Москвѣ пойдутъ. Ихъ захудалый родъ,
И право на престолъ ему не вмѣстно.

СТАРИКЪ.

Оставимъ воеводъ. Избрать намъ нужно
Отъ корня благочестнаго отростокъ,
Не прикасавшійся къ пучинѣ зла,
Насъ одолѣвшей. Богъ хранилъ его!

БЛИНОВЪ.

Романовы! О нихъ въ народѣ слава
Всегда была хорошая. Отъ нихъ,
Замученныхъ Борисомъ неповинно,
Младой отростокъ Михаилъ остался.
Его и выбрать.

СТОРОННИКЪ ПОЖАРСКАГО.

Молодъ онъ.

СТАРИКЪ.

Не даромъ
Его отца Господь намъ сохранилъ
Въ священномъ санѣ. Сына онъ наставитъ,
Дастъ указанье и благой совѣтъ.

ГЛѢБОВЪ.

И близокъ онъ къ царямъ усопшимъ. Бабку
Его Настасью до сихъ поръ въ Москвѣ
Народъ молвою доброй поминаетъ.

СТОРОННИКЪ ТРУБЕЦКОГО.

За нимъ самимъ нѣтъ никакихъ заслугъ.
У насъ всегда добро позабываютъ.
Князь Трубецкой спасъ Русь.

СТАРИКЪ.

Неправду молвишь!

СТОРОННИКЪ ПОЖАРСКАГО.

Пожарскій!

СТАРИКЪ.

И не онъ.

СТОРОННИКЪ ПОЖАРСКАГО.

Такъ кто же?

СТАРИКЪ.

Богъ!
И нынѣ спасъ Онъ, какъ спасалъ всегда,
Когда Его о томъ мы умоляли
И на Него надѣялись.

ГОЛОСА.

Вѣстимо!
Никто, какъ Богъ! Его забыли мы!
И покаралъ.

ГЛѢБОВЪ.

Мы милости Его
Не долго помнимъ въ немощи житейской

СТОРОННИКЪ ВЛАДИСЛАВА.

Забывчивы. Давно-ли присягали
Всѣ Владиславу.

РОСТОКИНЪ.

Нѣтъ! довольно съ насъ
Затѣевъ ляшскихъ! Иновѣрцу мѣста
Нѣтъ на престолѣ русскомъ. Православнымъ
Быть долженъ царь, чтобы въ одномъ съ народомъ
Молиться храмѣ.

СТОРОННИКЪ ВЛАДИСЛАВА.

Перейти согласенъ
Онъ въ нашу вѣру.

ГЛѢБОВЪ.

Вѣра, братъ, не шапка,
Чтобъ по погодѣ надѣвать ее.
Проваливай съ своимъ ты Владиславомъ,
Отъ насъ въ болото!

РОСТОКИНЪ.

Коль онъ любъ тебѣ,
Ступай къ нему; тебѣ еще заплатятъ
За вѣрное усердіе твое.

СТОРОННИКЪ ВЛАДИСЛАВА (*засучивая рукава*).

Заплатятъ! Видѣлъ что-ли ты, соплякъ,
Какъ мнѣ платили? Я съ тобой расчетъ
Сейчасъ сведу!

РОСТОКИНЪ (*засучивая рукава*).

И я, братъ, намѣняю
Кулачными копѣйками тебѣ. (*хотятъ драться, но ихъ не допускаютъ*).

СТАРИКЪ.

Не ссорьтесь, други! Часъ не тотъ теперь,
Чтобъ ссориться. Желаетъ вся земля
Романова на царство. На него
И патріархъ усопшій Гермогенъ
Указывалъ предъ праведной кончиной.
То вѣщій гласъ, послушаемъ его.

ГОЛОСА.

Вѣстимо, такъ! Намъ святъ его завѣтъ!
Онъ мученикъ! За Русь пріялъ мученье!
Голодной смертью умеръ!

БЛИНОВЪ.

Гермогена
Завѣтъ исполнимъ! Порадѣемъ, други,
Мы за Романова!

ГОЛОСА.

Идутъ! Идутъ
На мѣсто Лобное.

РОСТОКИНЪ.

Сейчасъ узнаемъ,
Кого хотятъ.

ГЛѢБОВЪ.

Народнымъ приговоромъ
Рѣшится дѣло.

(Изъ Фроловскихъ воротъ выходятъ и на Лобное мѣсто входятъ: **Морозовъ, Мининъ и Варлаамъ** *въ сопровожденіи двухъ воеводъ. Морозовъ кланяется во всѣ стороны народу).*

ГОЛОСА.

Слушайте! Молчите!

МОРОЗОВЪ.

Излюбленные выборные люди
Отъ русской всей земли! По волѣ Божьей,
Молитвами Владычицы Пречистой
И чудотворцовъ церкви православной,
Приспѣло время вамъ рѣшить, кого
Избрать на царство.

БОЛЬШИНСТВО ГОЛОСОВЪ.

Романова!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ. (*въ разныхъ мѣстахъ и особенно усердно*).

Пожарскаго! Трубецкого! Голицына! Воротынскаго!

(*Морозовъ даетъ знакъ, что хочетъ говорить*).

ГОЛОСА.

Молчите! Слушайте! Молчите! Тсс!..

МОРОЗОВЪ.

Романова слышнѣе всѣхъ. Но слышны
И имена другихъ. Кого-жъ хотите?

БОЛЬШИНСТВО ГОЛОСОВЪ.

Романова! Романова!

ОТДѢЛЬНЫЕ ГОЛОСА (*еще усерднѣе*).

Трубецкого! Пожарскаго! Воротынскаго! Голицына!
Мстиславскаго!

(*Мининъ даетъ знакъ рукою, толпа разомъ стихаетъ*).

МОРОЗОВЪ (*къ Минину*).

Спроси ихъ ты.

МИНИНЪ.

На голоса одни
Нельзя рѣшать. Другой порядокъ есть.
Надежнѣе. (*къ выборнымъ*). Кто думаетъ избрать
Романова, скидайте шапки, други! (*огромное большинство разомъ снимаетъ шапки. Кое-гдѣ еще видны покрытыя головы, но и онѣ обнажаются и всѣ выборные стоятъ безъ шапокъ. Народъ тоже снимаетъ шапки*).

МИНИНЪ (*къ Морозову*).

Теперь сомнѣнья быть не можетъ. Видишь?

ВЫБОРНЫЕ И НАРОДЪ.

Романова на царство! Михаила
Романова! (*Морозовъ поднимаетъ свой боярскій посохъ; водворяется молчаніе, всѣ стоятъ съ обнаженными головами*).

МОРОЗОВЪ (*снимаетъ шапку*).

Соизволеньемъ Божьимъ, волею земли,
Чрезъ выборныхъ ея, мы всенародно
Провозглашаемъ: буди государемъ,
Царемъ Руси избранникъ Михаилъ
Ѳеодорычъ Романовъ! (*раздается трезвонъ колоколовъ*).

ВЫБОРНЫЕ И НАРОДЪ (*махая шапками и кидая ихъ вверхъ*).

Да! Романовъ!
Ура! Ура, Романовъ! (*за сценой слышны тѣ же крики*).

Конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Отличительной чертой русскаго народа было сохранившееся и донынѣ его отношеніе къ окружающей средѣ. Если русскій человѣкъ былъ недоволенъ обстановкой и средой, въ которыхъ жилъ, то онъ не собиралъ своихъ силъ для противодѣйствія имъ, а бѣжалъ, искалъ себѣ или новаго отечества въ другихъ странахъ, или привольной, независимой жизни въ никому еще не принадлежавшихъ и ненаселенныхъ земляхъ, слѣдуя своей мудрой пословицѣ: рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше. При существованіи удѣловъ и малой ихъ населенности переходъ съ одного мѣста на другое былъ не только доступенъ, но даже поощрялся въ видахъ заселенія окраинъ. Но съ образованіемъ и развитіемъ московскаго государства податной неслужилый классъ населенія получилъ опредѣленное устройство съ наложеніемъ на него часто непосильныхъ поборовъ и повинностей.

Несеніе этихъ повинностей называлось тягломъ; исполнявшіе ихъ были тяглые люди. Тягло опредѣлялось не числомъ душъ, а размѣромъ имущества, приносящаго доходъ и заносимаго въ писцовыя книги..

Тяглые люди раздѣлялись на посадскихъ (горожане)

и волостныхъ (крестьяне); первые облагались по своимъ промысламъ, вторые—по землямъ и угодьямъ, которыми владѣли. Отвѣтственность передъ правительствомъ несли цѣлыя общины, которыя уже сами распредѣляли налоги среди своихъ членовъ. Каждое тягло составляло часть общаго тягла и называлось вытью. Существовали еще бобыли—бѣдные люди, бывшіе не въ состояніи держать цѣлой выти, но владѣвшіе только дворомъ и платившіе небольшой налогъ. Тянули тягло только одни хозяева, записанные въ писцовыя книги. Остальныя лица, не входившія въ тягло, пока не были записаны въ писцовыя книги съ полученіемъ особыхъ вытей, считались нетяглыми, гулящими людьми. Онѣ имѣли право свободнаго переселенія и найма, могли поступать въ холопы, закладываться, верстаться въ служилые люди и вообще располагать собою, какъ угодно. При населеніи новыхъ мѣстностей правительство дозволяло набирать такихъ гулящихъ людей.

Въ XVI столѣтіи изъ этихъ гулящихъ людей начало образовываться особое сословіе, принявшее названіе казаковъ.

Казакъ есть слово татарское и означало сперва вольнаго, бездомовнаго бродягу, а потомъ низшій родъ воиновъ, набранныхъ изъ такихъ бродягъ.

Какъ гулящіе люди, такъ и тяглые, которымъ становилось не подъ силу или не было по душѣ тягло, убѣгали преимущественно на окраины государства въ привольныя степи, гдѣ и образовывали вольныя братства съ полной личной свободой, нестѣсняемымъ землевладѣніемъ, выборнымъ правленіемъ и самосудомъ, всеоб-

щимъ равенствомъ, при полномъ пренебреженіи ко всякимъ преимуществамъ происхожденія, и съ взаимной защитой отъ враговъ. Такъ образовались казачества: донское, украинское, терское, волжское, яицкое и другія. Вынужденные постоянно отражать нападенія окружающихъ ихъ враговъ, казаки выработались въ чисто военное сословіе, отличавшееся отвагой и презрѣніемъ къ опасности. Жизнь считалась ни во что!

Но и среди казаковъ неизбѣжно произошло раздѣленіе на имущихъ — домовниковъ и неимущихъ — голытьбу. Эти послѣдніе презирали всякій трудъ кромѣ воинской потѣхи, жили грабежемъ и потому естественно постоянно искали всякаго случая поживиться на чужой счетъ, «добыть себѣ зипуны». На Днѣпрѣ изъ этихъ народныхъ рыцарей образовалась знаменитая Запорожская Сѣчь, съ ея разгульною жизнью и недопускомъ женщинъ, постоянно воевавшая съ поляками, съ татарами, съ турками, со всѣми иновѣрцами, не пренебрегая покормиться и на счетъ православныхъ, если представлялся удобный случай. Съ Дона уходили грабить на Волгу, въ Персію, въ Крымъ и по берегамъ Чернаго моря.

Но въ понятіи народа казакомъ былъ не только тотъ, кто уходилъ на Донъ или въ Сѣчь и поступалъ тамъ въ военное братство, для всѣхъ открытое, но всякій удалецъ, не подчинявшійся власти и не желавшій нести налагаемыя ею тяготы. Не переводившіяся на Руси разбойничьи шайки тоже именовали себя казаками; да и само правительство называло ихъ такъ, только съ прибавленіемъ слова «воровскіе», т. е. тай-

ные, непризнанные. Разграничить всю эту вольницу было трудно. Казачья голытьба самовольно уходила на грабежъ и затѣмъ снова возвращалась домой. Особенно развилось разбойничество на Волгѣ. Шайки, составленныя изъ донскихъ казаковъ и разныхъ русскихъ бѣглецовъ, нападали тамъ на купцовъ, на пословъ, даже на царскія суда, обирали казну и товары. Правительство боролось съ ними, посылало отряды, разбивало нѣкоторыя шайки, вѣшало и казнило. Разбой немного стихалъ, но затѣмъ вновь разгорался, и уничтожить его было невозможно.

Вся эта гулящая вольница, какъ признанная, такъ и воровская, въ наступившее смутное время нашла себѣ подходящую работу по всей расшатавшейся землѣ русской и проявила вполнѣ свою страшную хищническую силу, въ особенности среди сторонниковъ Тушинскаго вора.

«Жилища человѣческія, — повѣствуетъ лѣтописецъ — превратились въ логовища звѣрей; медвѣди, волки, лисицы и зайцы свободно гуляли по городскимъ площадямъ, и птицы вили гнѣзда на трупахъ человѣческихъ. Люди смѣнили звѣрей въ ихъ лѣсныхъ убѣжищахъ, скрывались въ пещерахъ, въ непроходимыхъ кустарникахъ, искали темноты. Но ночи были свѣтлы; пожаръ освѣщалъ поля и лѣса. Звѣриная охота смѣнилась охотою за людьми, слѣды которыхъ отыскивали гончія собаки». Казачья голытьба проявляла ненависть ко всякому произведенію труда; она истребляла сельскіе запасы, сыпала ихъ въ грязь и въ воду или топтала лошадьми, жгла дома или портила ихъ, разбивая двери и ворота,

чтобы сдѣлать неспособными къ жилью. Не щадили ни пола, ни возраста. Неистовствовали безъ границъ.

И долго еще не могло успокоиться это разбушевавшееся море хищныхъ страстей.

Съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича и заключеніемъ перемирія съ Польшею настоящее казачество стало понемногу возвращаться въ свои владѣнія. Московское правительство отдѣляло ихъ отъ воровскихъ шаекъ и вступало съ ними въ переговоры, посылая къ нимъ грамоты. Такъ, въ одной изъ грамотъ, убѣждая приволжскихъ казаковъ отстать отъ Заруцкаго, оно озаглавило ее: «Великія Россійскія державы и Московскія области оберегателямъ, Волжскимъ, Терскимъ и Яицкимъ атаманамъ и молодцамъ и всему великому войску».

Но долго еще бродили по русской землѣ многочисленныя шайки воровскихъ казаковъ. Соединившись, они даже подошли къ Москвѣ, угрожая грабежемъ и переходомъ къ Лисовскому. Испугавшись сбора войска, они отступили и были на голову разбиты въ Малоярославскомъ уѣздѣ на р. Лужѣ. Послѣ этого часть ихъ повинилась и цѣловала крестъ на вѣрность государству, а остальные разбѣжались и были добиваемы по частямъ.

Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій происходилъ изъ захудалаго рода стародубскихъ князей суздальской земли, потомковъ младшаго сына Всеволода III Юрьевича, и былъ лишь стольникомъ. Въ Смутное время князь Пожарскій вѣрно служилъ тому, кого признавала царемъ Москва, не склонялся ни къ Тушинскому вору,

ни къ Польскому королю, и пока Шуйскій былъ на престолѣ, служилъ ему по совѣсти и удачно разбивалъ отдѣльныя воровскія шайки, разбойничавшія вокругъ Москвы. Въ 1610 году, будучи зарайскимъ воеводою, онъ не поддался увѣщаніямъ Ляпунова провозгласить царемъ князя Михаила Скопина-Шуйскаго, не допускалъ городъ передаться Тушинскому вору и даже выдержалъ осаду въ зарайскомъ Кремлѣ отъ посадскихъ людей, грозившихъ убить его за вѣрность Шуйскому. Когда Шуйскаго свергнули съ престола и Москва избрала въ цари Владислава, Пожарскій присягнулъ ему; но русскіе скоро убѣдились, что Сигизмундъ самъ хочетъ овладѣть Московскимъ государствомъ. Патріархъ Гермогенъ далъ православнымъ разрѣшеніе отъ присяги Владиславу, призывая всѣхъ въ защиту православной вѣры, поруганной поляками. Изъ Москвы полетѣли грамоты въ русскіе города съ призывомъ къ освобожденію ея святынь отъ иноплеменниковъ. Пожарскій тотчасъ откликнулся на этотъ призывъ. Онъ, съ своимъ зарайскимъ отрядомъ, помогъ Ляпунову освободиться въ Пронскѣ отъ осады его черкасами и двинулся затѣмъ къ Москвѣ. 19 марта 1611 года, когда въ Москвѣ вспыхнуло возстаніе противъ поляковъ и поляки зажгли Бѣлый городъ, Пожарскій съ своимъ отрядомъ храбро бился съ поляками, но былъ раненъ и, упавъ на землю, въ горести произнесъ: «Охъ, хоть бы мнѣ умереть, только бы не видѣть того, что пришлось увидать!» Его вывезли изъ пылающаго города по Троицкой дорогѣ. Съ тѣхъ поръ Пожарскій проживалъ въ своей вотчинѣ Линдехѣ въ 120 верстахъ отъ Нижняго и оправлялся отъ ранъ.

На приглашеніе нижегородцевъ сдѣлаться начальникомъ земскаго ополченія, Пожарскій согласился лишь подъ условіемъ, чтобы изъ посадскихъ людей былъ избранъ такой человѣкъ, который могъ-бы быть съ нимъ у великаго дѣла, вѣдалъ бы казну на жалованье ратнымъ людямъ. При этомъ Пожарскій добавилъ: «У васъ есть въ городѣ человѣкъ бывалый: Козьма Мининъ-Сухорукъ, ему такое дѣло за обычай».

Пожарскій принялъ начальство надъ собраннымъ ополченіемъ и кликнулъ кличъ по Руси, призывая ратныхъ людей, требуя и казны для ихъ содержанія. Первыми явились въ Нижній коломенцы; за ними пришли рязанцы, жители украинныхъ городовъ, казаки и стрѣльцы, сидѣвшіе прежде съ царемъ Василіемъ Шуйскимъ въ осадѣ въ Москвѣ. Всѣ получали жалованье, отъ всѣхъ требовали порядка и воинскаго подчиненія. Чувствовалось созиданіе войска, а не сброда воровскихъ казаковъ. Только Казань обманула.

Въ то время еще живъ былъ Гермогенъ. Передавшіеся полякамъ бояре пришли къ нему требовать, чтобы онъ запретилъ нижегородцамъ продолжать начатое ими дѣло. Но Гермогенъ благословилъ начало великаго дѣла, еще разъ проклялъ измѣнниковъ и сошелъ въ могилу, воспріявъ мученическую смерть и исполнивъ свой подвигъ до конца.

Лишь въ мартѣ мѣсяцѣ двинулся Пожарскій съ ополченіемъ вверхъ по Волгѣ. Ополченія Балахны, Юрьевца, Рѣшмы и Кинешмы отдали Минину свою казну и присоединились къ нижегородцамъ. Въ Костромѣ воевода Иванъ Шереметевъ, сторонникъ Владислава, хотѣлъ было

сопротивляться, но костромичи выдали его Пожарскому и присоединились къ ополченію.

Въ первыхъ числахъ апрѣля ополченіе дошло до Ярославля. Ярославцы встрѣтили его крестнымъ ходомъ и предложили все свое имущество на общее дѣло. Они поднесли подарки Пожарскому и Минину, но тѣ отъ нихъ отказались. Въ Ярославлѣ ополченіе оставалось нѣсколько мѣсяцевъ, пополняясь отовсюду прибывавшими силами. Пожарскій управлялъ не только ратными людьми, но и землею, именуясь «состоящимъ, по избранію всѣхъ чиновъ людей, у ратныхъ и земскихъ дѣлъ», хотя въ грамотахъ, разсылаемыхъ въ города, подписывался лишь на десятомъ мѣстѣ, уступая первенство боярамъ, окольничьимъ и старшимъ родамъ.

Въ Ярославлѣ среди ополченія возникли несогласія и раздоры. Пожарскій по природѣ своей не обладалъ качествами, необходимыми для главнаго, почти верховнаго вождя. Опытный и стойкій въ бояхъ, онъ не былъ человѣкомъ почина, устроителемъ и вершителемъ и сознавалъ это, что видно изъ его словъ въ отвѣтѣ новгородцамъ, прибывшимъ къ нему столковаться о выборѣ шведскаго королевича съ принятіемъ послѣднимъ православія. «Былъ бы у насъ такой столпъ, какъ Василій Васильевичъ Голицынъ, всѣ-бы его держались и слушались; а я къ такому великому дѣлу мимо его не принялся бы. Меня къ тому дѣлу приневолили бояре и вся земля».

Для усмиренія раздоровъ призвали въ Ярославль бывшаго ростовскаго митрополита Кирилла, жившаго въ Троицкомъ монастырѣ. Кириллъ прибылъ въ Ярославль

и сталъ «нарядникомъ», т. е. примирителемъ и вершителемъ несогласій и споровъ.

Заруцкій всѣми средствами вредилъ образованію земскаго ополченія. Его казаки разсыпались по всѣмъ дорогамъ и путямъ и, занимая нѣкоторые города въ тылу ополченія, угрожали послѣднему но высланные отряды нанесли имъ пораженіе въ Пошехоньѣ и Угличѣ. Тогда Заруцкій подослалъ убійцъ. Казакъ Степанъ хотѣлъ убить Пожарскаго въ Ярославлѣ, когда тотъ выходилъ изъ Съѣзжей избы осматривать огнестрѣльный снарядъ но промахнулся и ранилъ стоявшаго рядомъ казака. Заговорщики были схвачены и приговорены къ наказанію, но затѣмъ прощены, потому что самъ Пожарскій просилъ за нихъ.

Пожарскій медлилъ идти къ Москвѣ, опасаясь Заруцкаго, а потомъ и Трубецкого. Только приближеніе литовскаго гетмана Ходкѣвича къ Москвѣ на помощь осажденнымъ полякамъ заставило Пожарскаго двинуться изъ Ярославля; но и тутъ, оставивъ ополченіе въ Ростовѣ, онъ поѣхалъ въ Спасскій монастырь помолиться на могилѣ предковъ.

По прибытіи ополченія въ Москву, Пожарскій, несмотря на приглашеніе Трубецкого, не хотѣлъ стать въ одномъ станѣ съ казаками, а укрѣпился отдѣльно у Арбатскихъ воротъ.

По взятіи Китай города, а затѣмъ и сдачи Кремля, Пожарскій оградилъ отъ грабежа и населенія сдавшихся ему русскихъ людей и не выдалъ ихъ казакамъ, не смотря на угрозы послѣднихъ.

Во время избранія царя Пожарскій старался за себя

и по одному извѣстію, хотя не вполнѣ достовѣрному, даже истратилъ на это до 20 тысячъ рублей.

Возведенный царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ боярское достоинство, Пожарскій участвовалъ затѣмъ въ его царствованіе въ ратныхъ дѣлахъ, управлялъ разбойнымъ, а потомъ суднымъ приказомъ, былъ воеводою въ Калугѣ, Новгородѣ, Переяславлѣ Рязанскомъ, но особеннаго значенія не имѣлъ. Только по возвращеніи Филарета въ 1619 г. онъ получилъ отъ царя въ вотчину село, проселокъ, сельцо и четыре деревни. Черезъ годъ по воцареніи Михаила Ѳеодоровича, когда Пожарскому приказано было объявить боярство родственнику матери царя Салтыкову и онъ отказался отъ этого, считая себя по роду выше Салтыкова, то царь выдалъ его Салтыкову головою и Пожарскій долженъ былъ подчиниться этому позорному для родовой чести обычаю.

Пожарскій умеръ въ 1642 году, 64 лѣтъ отъ рода, и погребенъ въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Судя по всѣмъ свѣдѣніямъ, Пожарскій былъ человѣкъ глубоко преданный православной вѣрѣ, законности и обычаямъ старины. Храбрый и упорный въ бою, но нерѣшительный и медленный въ начинаніяхъ, недовѣрчивый и необщительный, онъ не былъ способенъ къ самостоятельному почину, къ твердому проявленію сильной власти и неуклонной воли, необходимыхъ, чтобы стоять во главѣ народнаго движенія, которое охватило всю землю русскую и избрало его своимъ вождемъ. По современнымъ извѣстіямъ, онъ страдалъ «чернымъ недугомъ», т. е. меланхоліею. Недугъ этотъ, развиваясь въ немъ постепенно, конечно, вліялъ на основныя черты

его характера. Пожарскаго не особенно любили; но ему вѣрили, зная, что въ годины всеобщаго шатанія онъ, въ числѣ немногихъ, не измѣнялъ крестному цѣлованію, скорбѣлъ о невзгодахъ русскаго государства, не искалъ личныхъ выгодъ, не кривилъ душой. Но ладить съ нимъ было трудно, и личное вліяніе его было не велико.

Авраамій Палицынъ, въ мірѣ Аверкій Ивановичъ, родился въ Ростовскомъ уѣздѣ, близъ села Протасова. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича онъ, какъ приверженецъ Шуйскихъ, былъ сосланъ Борисомъ Годуновымъ въ монастырь, гдѣ вступилъ, а можетъ быть и насильно былъ постриженъ въ монахи. Имѣніе его было отобрано въ казну. Черезъ два года Борисъ снялъ съ него опалу; но Палицынъ, и при немъ, и при Самозванцѣ оставался въ удаленіи и только съ воцареніемъ Шуйскаго былъ назначенъ келаремъ Троицко-Сергіева монастыря. Обязанность келаря заключалась въ представительствѣ монастыря передъ мірскими властями, въ охраненіи его выгодъ, въ ходатайствѣ по его дѣламъ у властей и въ судахъ. Это заставило Палицына большую часть времени жить въ монастырскомъ подворьѣ въ Москвѣ, гдѣ онъ находился и во время осады монастыря Сапѣгою и Лисовскимъ въ 1609 году.

По низверженіи Шуйскаго, Палицынъ находился въ составѣ членовъ русскаго посольства, отправленнаго подъ Смоленскъ къ польскому королю Сигизмунду, съ просьбою отпустить сына послѣдняго Владислава на русскій престолъ. Сигизмундъ, жалавшій самъ сдѣлаться рус-

скимъ царемъ, не давалъ рѣшительнаго отвѣта и старался склонить членовъ посольства исполнить всѣ его требованія. Переговоры затянулись. Палицынъ убѣдился, что посольство не только ничего не достигнетъ, но и не вырвется изъ польскихъ рукъ. Онъ согласился на всѣ предъявленныя ему требованія съ тѣмъ только, чтобы его отпустили въ Москву, на что и получилъ разрѣшеніе.

Вернувшись въ монастырь, Палицынъ тотчасъ же примкнулъ къ дѣятельности настоятеля монастыря архимандрита Діонисія и началъ вмѣстѣ съ послѣднимъ разсылать посланія, въ которыхъ русскіе люди призывались къ спасенію отечества и освобожденію Москвы отъ поляковъ.

Когда образовалось нижегородское ополченіе и, двинувшись къ Ярославлю, задержалось тамъ, Палицынъ съ Діонисіемъ въ своихъ посланіяхъ умоляли Минина и Пожарскаго спѣшить къ Москвѣ, которой угрожалъ приходъ литовскаго гетмана Ходкѣвича съ подкрѣпленіями и запасами для осажденныхъ въ Москвѣ поляковъ. Узнавъ, что въ Ярославлѣ начались среди ополченія смуты и раздоры, Палицынъ лично отправился туда для водворенія согласія и убѣжденія спѣшить къ Москвѣ. Когда, черезъ три мѣсяца, ополченіе добралось до Троицкаго монастыря, Палицынъ отправился съ нимъ далѣе въ Москву, гдѣ своимъ вліяніемъ примирилъ князя Пожарскаго съ предводителемъ казаковъ княземъ Трубецкимъ, не ладившихъ другъ съ другомъ.

Подошелъ Ходкѣвичъ. Онъ напалъ на ополченіе Пожарскаго и смялъ его. Въ то же время сдѣлали

вылазку и осажденные. Они овладѣли казачьимъ острожкомъ у церкви св. Климента и засѣли въ немъ, войдя въ сношенія съ Ходкѣвичемъ, которому удалось ввезти въ острожекъ много запасовъ. Казаки прекратили борьбу. Дѣло погибало. Тогда Палицынъ бросился къ тѣмъ казакамъ, которые еще оставались у острожка, и уговорилъ ихъ, а затѣмъ переѣхалъ въ казацкіе таборы, расположенные за рѣкой, куда удалились казаки, покинувшіе бой. Они пьянствовали и играли въ зернь. Горячо убѣждая казаковъ не покидать общаго дѣла, напоминая имъ о гибели православія, если одолѣютъ поляки, Палицынъ сумѣлъ воодушевить ихъ. Чувство вѣры восторжествовало. Зазвонили колокола; въ устахъ казаковъ раздалось священное имя Сергія. Они бросились на поляковъ, выбили ихъ изъ Клементьевскаго острожка и прогнали обратно въ Кремль, затѣмъ помогли и Пожарскому одолѣть Ходкѣвича и отогнать его отъ Москвы.

Опасность миновала; но еще два мѣсяца длилась осада. Казаки грозились бросить осаду, за неплатежъ имъ жалованья, и идти грабить русскіе города. Палицынъ поспѣшилъ въ монастырь и убѣдилъ Діонисія послать казакамъ, при увѣщательной грамотѣ, въ залогъ еще сохранившееся церковное имущество, употреблявшееся при богослуженіи, которое онъ лично и отвезъ въ казачій станъ. Казакамъ стало стыдно брать въ залогъ священныя вещи. Они отказались отъ нихъ и дали обѣтъ не оставлять осаду до конца.

22-го октября казаки взяли приступомъ Китай-городъ, а черезъ мѣсяцъ сдались и поляки, сидѣвшіе въ Кремлѣ. 27-го ноября двинулись крестные ходы изъ

уцѣлѣвшихъ въ Москвѣ церквей. Они сошлись на Лобномъ мѣстѣ, гдѣ Діонисій отслужилъ благодарственный молебенъ и во главѣ крестнаго хода вступилъ въ Кремль. За духовенствомъ шло войско. Въ Кремлѣ ихъ встрѣтилъ свой крестный ходъ, имѣя во главѣ архіепископа Арсенія съ Владимірской иконой въ рукахъ. Оба крестные хода соединились и вошли для совершенія литургіи въ Успенскій соборъ.

Москва была очищена отъ враговъ. Приступили къ избранію царя.

Въ февралѣ 1613 г. Палицынъ, въ составѣ посольства отъ всей русской земли, отправился въ Кострому звать на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Затѣмъ, во время заключенія Діонисія въ Новоспасскомъ монастырѣ, яко бы за невѣрное исправленіе церковныхъ книгъ, Палицынъ управлялъ Троицко-Сергіевымъ монастыремъ и въ 1618 голу, во время нашествія Владислава на Москву и подступа Чаплинскаго съ казаками къ монастырю, сжегъ монастырскіе посады и приготовился къ защитѣ. Снова загремѣли выстрѣлы съ монастырскихъ стѣнъ. Чаплинскій былъ отбитъ, и вскорѣ было заключено съ поляками Деулинское перемиріе на $14^1/_2$ лѣтъ.

Палицынъ оставилъ намъ и описаніе смутнаго времени въ своемъ сказаніи объ осадѣ Троицко-Сергіева монастыря отъ поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ.

Окончилъ свою жизнь Палицынъ 13-го сентября 1627 года въ Соловецкомъ монастырѣ, пробывъ въ ссылкѣ семь лѣтъ. За что онъ былъ сосланъ — неиз-

вѣстно; но такъ какъ онъ самовольно оставилъ русское посольство подъ Смоленскомъ, гдѣ, по требованію главы посольства митрополита Филарета, не явился къ нему, сказавшись больнымъ, и уѣхалъ тайкомъ, то, вѣроятно, ставъ патріархомъ, Филаретъ нашелъ случай смирить энергичнаго и имѣвшаго большую вліятельную силу Палицына.

Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ былъ говядарь, то есть торговецъ или битымъ скотомъ (мясникъ), или живымъ (гуртовщикъ). Во время лихолѣтья онъ состоялъ въ Нижнемъ земскимъ старостой и пользовался почетною извѣстностью среди горожанъ. Послѣ смерти Ляпунова, въ виду все возроставшей неурядицы, русскіе города, не перестававшіе переписываться между собою по поводу разрухи государства, установили всеобщій постъ съ цѣлью самоочищенія и умилостивленія праведнаго гнѣва Господня. Скорбѣли; молились; ждали избавленія. Скорбѣла и душа Минина. Явился ему во снѣ св. Сергій и повелѣлъ разбудить уснувшихъ. Сошлись горожане въ соборѣ. Протопопъ Савва прочелъ Діонисіеву призывную грамоту и увѣщевалъ стать за вѣру; потомъ на паперти сказалъ свое слово и Мининъ, призывая помочь московскому государству, «не жалѣя не только достатковъ своихъ, но и дворы свои продавати и жены и дѣти закладывати и бити челомъ, хтобъ вступился за истинную православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ».

По душѣ пришлась рѣчь Минина. Несли горожане

жертвы свои для казны мірской. Велика стала она. Тогда Мининъ сталъ держать совѣтъ съ духовными и мірскими старѣйшинами города объ устроеніи ратнаго ополченія. Рѣшили избрать начальникомъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, а казначеемъ Минина. Тотъ отказывался и согласился только тогда, когда нижегородцы составили письменный приговоръ, которымъ обязывались ни въ чемъ ему не противиться и исполнять всѣ его требованія по содержанію ратныхъ людей, причемъ онъ внесъ въ приговоръ и сказанныя имъ въ призывной рѣчи свои слова: «не токмо что имати животъ, но жены и дѣти продавати, а ратнымъ людямъ давати». Мининъ обложилъ всѣхъ пятою деньгою, т. е. отбиралъ пятую часть достоянія на земское дѣло. Были избраны оцѣнщики имущества. Не допускалось ни льготъ, ни отсрочекъ. Не исключались ни духовенство, ни монастыри. Многіе отдавали все, что имѣли, несли послѣднее въ мірскую казну. Кто скупился, у тѣхъ отнимали силою. Неимущихъ отдавали въ кабалу тѣмъ, кто за нихъ платилъ. Мѣры Минина были круты, но справедливы и неизбѣжны для осуществленія великой идеи спасенія отечества. Гонцы съ призывными грамотами отправились изъ Нижняго во всѣ концы государства. Стали приходить въ Нижній ополченія изъ ближнихъ городовъ. Когда ополченіе двинулось изъ Нижняго къ Ярославлю, къ нему дорогою присоединялись ополченія окрестныхъ городовъ.

Во все время существованія ополченія Мининъ завѣдывалъ его денежною и вещевою частью и пользовался всеобщимъ довѣріемъ, не даромъ называясь въ

грамотахъ «выборнымъ всею землею человѣкомъ». Своимъ благотворнымъ вліяніемъ онъ умирялъ раздоры, постоянно возникавшіе среди сборнаго ополченія, а также несогласія и пререканія воеводъ. Ему же принадлежитъ слава и ратнаго почина къ одолѣнію врага.

24 августа 1612 года, когда Ходкѣвичъ напалъ на ополченіе въ Москвѣ и смялъ его, а осажденные въ Кремлѣ поляки, сдѣлавъ вылазку, вошли въ сношеніе съ Ходкѣвичемъ, то казаки прекратили бой. Дѣло погибало. День клонился къ вечеру. Въ станѣ ополченія раздавалось молебное пѣніе, смѣшанное съ рыданіями; молились, чтобы Богъ спасъ родное царство отъ гибели, давали обѣты... «И положилъ Богъ храбрость въ немощнаго,—пишетъ лѣтописецъ.—«Пришелъ Козьма Мининъ къ князю Дмитрію и сталъ просить у него людей. Пожарскій отвѣчалъ: возьми, сколько хочешь». Мининъ взялъ три сотни, перешелъ Москву рѣку и у Крымскаго двора бросился на двѣ роты поляковъ, конную и пѣшую. Не выдержали онѣ дружнаго напора и побѣжали къ стану Ходкѣвича, сбивая все встрѣчавшееся на пути. Видя удачу Минина, русская пѣхота вышла изъ окоповъ и ямъ и ударила на поляковъ; конница устремилась съ другой стороны; подоспѣли и казаки. Ходкѣвичъ побѣжалъ изъ стана и отступилъ къ Донскому монастырю, а на утро ушелъ по дорогѣ въ Литву.

При вѣнчаніи на царство Михаила Ѳеодоровича Мининъ былъ пожалованъ званіемъ думнаго дворянина. Въ 1615 году, когда казанскіе татары и луговые черемисы, возмутившись, завладѣли дорогою изъ Казани въ Нижній, то для изслѣдованія этого дѣла вмѣстѣ съ

княземъ Ромодановскимъ былъ посланъ въ Казань и Мининъ.

Въ 1616 году Мининъ умеръ, оставивъ сына Нефеда, умершаго бездѣтнымъ въ 1632 г. Родной племянникъ Минина былъ убитъ на его глазахъ въ Москвѣ во время нападенія Минина на поляковъ.

По всѣмъ даннымъ можно заключить, что Мининъ былъ человѣкъ глубоко вѣрующій, степенный, даже суровый, но чистой жизни, справедливый, безпристрастный, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ со стороны своихъ согражданъ и вообще всей русской земли. Это былъ «избранникъ Божій» на спасеніе Руси. И совершилъ онъ свое великое дѣло съ смиреніемъ, свойственнымъ истинно русскому человѣку, приписывающему все хорошее и доброе милости Божіей, а не себѣ.

Съ появленіемъ перваго самозванца на Руси, многимъ честолюбивымъ людямъ явилась возможность выбиться изъ своего ничтожества и получить отличія и выгоды, на которыя они не могли разсчитывать при существовавшемъ строѣ государства. Къ числу такихъ искателей принадлежалъ и стольникъ князь Дмитрій Тимофѣевичъ Трубецкой. Для него присяга была пустякомъ, а измѣна—орудіемъ къ собственному благополучію.

Когда царь Василій Шуйскій, послѣ пораженія своего войска подъ Рахмановымъ, оповѣстилъ въ Москвѣ, что намѣренъ выдержать предстоящую осаду, а кто не хочетъ съ нимъ сидѣть, воленъ выѣхать, то Трубецкой, въ числѣ другихъ, цѣловалъ крестъ умереть за домъ

Пречистой Богородицы, а на другой же день перебѣжалъ въ Тушино къ второму самозванцу, отъ котораго въ награду получилъ боярство. Послѣ бѣгства самозванца въ Калугу, три тысячи казаковъ подъ предводительствомъ Трубецкого и Засѣкина, вопреки приказу вождя своего Заруцкаго, державшаго сторону поляковъ, отправились къ самозванцу, но, потерпѣвъ двойное пораженіе отъ Рожинскаго и Млоцкаго, лишь въ небольшомъ числѣ добрались до Калуги.

По низверженіи Шуйскаго и убійствѣ второго самозванца, Трубецкой, во главѣ калужскаго ополченія, прибылъ подъ Москву, гдѣ сначала присягнулъ Владиславу, а потомъ сталъ во главѣ временнаго правительства вмѣстѣ съ Ляпуновымъ и Заруцкимъ, обдѣлывая свои личныя дѣла и получивъ, по приговору земли, обширную область Вагу, принадлежавшую прежде Борису Годунову. Убійство казаками Ляпунова передало въ ихъ руки судьбу русскаго государства. Народное ополченіе разошлось. Подъ Москвой остались лишь бывшіе тушинцы, да казаки. Предводитель послѣднихъ Заруцкій задумалъ провозгласить царемъ сына Марины. Трубецкой согласился и на это. Объявился новый самозванецъ Сидорка, бывшій дьякономъ въ Москвѣ. Признали его псковичи; готовъ былъ цѣловать ему крестъ и Трубецкой.

Образованіе нижегородскаго ополченія пришлось Трубецкому не по душѣ. Когда оно стало приближаться къ Москвѣ, Заруцкій съ преданными ему казаками оставилъ Москву, захватилъ въ Калугѣ Марину съ сыномъ и, разграбивъ городъ, ушелъ въ Рязанскую землю. Трубецкой остался главою казачьяго ополченія.

Онъ хотѣлъ подчинить всю ратную силу своей власти и, по прибытіи ополченія въ Москву, приглашалъ Пожарскаго образовать одинъ общій станъ. Но земское ополченіе не хотѣло смѣшиваться съ казаками и стало отдѣльно у Арбатскихъ воротъ. Между Трубецкимъ и Пожарскимъ начались несогласія.

22 августа, во время нападенія Ходкѣвича на ополченіе Пожарскаго, Трубецкой, узнавъ о приближеніи поляковъ, выпросилъ у Пожарскаго пять лучшихъ сотенъ для совмѣстнаго нападенія съ казаками съ другой стороны; но когда поляки смяли ополченіе, то Трубецкой не только не оказалъ ему помощи, но даже не отпускалъ и земскія сотни. Казаки издѣвались надъ гонцами Пожарскаго, говоря: «богаты пришли изъ Ярославля и сами отстоитесь отъ гетмана». Тогда земскія сотни и четыре казачьихъ атамана—Филатъ Межаковъ, Аѳанасій Коломна, Дружина Романовъ и Макаръ Козловъ, вопреки сопротивленію Трубецкого, бросились на помощь ополченію и отбили Ходкѣвича, который отошелъ къ Донскому монастырю. Черезъ день, 24 августа, по возобновленіи боя, когда осажденные поляки, сдѣлавъ вылазку, овладѣли казачьимъ острожкомъ у церкви Св. Климента и вошли въ сношеніе съ Ходкѣвичемъ, то Трубецкой съ казаками, прекративъ бой, удалился за рѣку въ свой станъ, и только увѣщаніе казаковъ Палицынымъ спасло земское ополченіе отъ полнаго пораженія.

При избраніи царя Трубецкой старался за себя и потратилъ на это не мало денегъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ утвердилъ за нимъ боярство и всѣ богатыя помѣстья, полученныя имъ въ смутное время.

Въ 1615 году Трубецкой, во главѣ большого войска, былъ посланъ подъ Новгородъ противъ шведовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Делагарди. Въ станѣ Трубецкого, по свидѣтельству лѣтописца, повторилось прежнее, то есть «нестроеніе великое, грабежи отъ казаковъ и всякихъ людей». Делагарди осадилъ русское войско въ Бронницахъ. Оно вынуждено было отступить въ полномъ безпорядкѣ. Сами воеводы едва ушли пѣшкомъ. Къ счастью, Густавъ-Адольфъ, потерпѣвъ неудачу въ осадѣ Пскова, самъ желалъ мира, который затѣмъ и былъ заключенъ при посредствѣ англійскаго повѣреннаго Джона Мерика и голландскихъ пословъ.

Въ 1624 году упоминается о князѣ Трубецкомъ въ прошеніи князя Голицына, что ему на царской свадьбѣ меньше боярина Трубецкого быть невмѣстно.

При постановкѣ на сцену, конецъ второго дѣйствія. начиная съ 10-й строки 57-й страницы, по цензурнымъ условіямъ, подлежитъ слѣдующему измѣненію:

ЗАЛЕТНЫЙ.

Эхъ, жаль, что не имѣю
Я ничего, чтобъ положить сюда!
Все прогулялъ.

ПЕРМЯКЪ.

Отдай ты крестъ натѣльный;
Хотя и малъ, а все-таки приносъ.

ЗАЛЕТНЫЙ.

Нѣтъ и креста; давно я съ нимъ разстался.
(Дряхлый старецъ, принесшій, при помощи внуковъ, разное имущество, прислушивается къ словамъ Залетнаго).

СТАРЕЦЪ *(къ Залетному).*

А какже, другъ, ты ходишь безъ креста?
Вѣдь, не татаринъ ты.

ЗАЛЕТНЫЙ *(смутившись).*

Крещенъ, вѣстимо.
Такъ... не въ домекъ.

СТАРЕЦЪ.

Негоже безъ креста
И часа быть. Зайди ко мнѣ, родимый!
Есть у меня. Онъ не великъ, древянъ;
Но праведникъ носилъ его до смерти.
Носи и ты; носи всегда—и будетъ
Служить тебѣ охраною въ бою
И дома онъ, невидимый защитникъ.
А безъ креста погибнешь ты.

ЗАЛЕТНЫЙ *(еще болѣе смутившись).*

Спасибо.
Смутился я... На сердцѣ у меня
Давно такой тревоги не бывало.

СТАРЕЦЪ *(кладетъ руку на плечо Залетнаго).*

Господь съ тобой. Пойдемъ. *(уходитъ).*

ЗАЛЕТНЫЙ.

Я догоню.
Приду, приду... Прощайте, горожане. (*въ сторону*).
Господь съ тобой... Вѣдь выдумалъ сказать!
Смутилъ совсѣмъ... Нашелъ ему гдѣ мѣсто
Въ моей въ грѣхахъ погрязнувшей душѣ.

КОНЕЦЪ.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
3	15	сидятъ:	сидятъ
19	6	деньги)	деньги).
32	18	дастъ	даетъ
54	9	огдай	отдай
67	10	смерть	смерть.
81	23	Охолодить	охолодить
82	27	сожалѣнъѣ	сожалѣньѣ
94	7	счета.	счета;
101	26	надпваетъ	надѣваетъ
105	3	Гвое	Твое
116	19	Любаша!,	Любаша!
132	14	нему	Нему
149	6	послѣднему,	послѣднему;
»	10	снарядъ	снарядъ,
151	27	Сигизмунду,	Сигизмунду

А. А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій).

БЫЛАЯ РУСЬ

историческая драма

въ 5-ти дѣйствіяхъ, и 6-ти картинахъ,
въ стихахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°“, Фонтанка, 95.
1900.

«Вездѣ бысть послѣдняя Русь.»
(Изъ раскольничьей рукописи XVIII вѣка).

Въ 1878 году была написана авторомъ историческая драма «Послѣдняя Русь», напечатанная въ журналѣ «Русская Рѣчь». Неразрѣшенная къ представленію на сценѣ, драма эта въ настоящее время передѣлана авторомъ, причемъ роли раскольниковъ въ ней измѣнены и сокращены.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бояринъ князь Кондратій Ивановичъ Звенигородскій, 70 лѣтъ.

Боярыня Домникія Ѳеодоровна Салтыкова — вдова, его сестра, 60 лѣтъ.

Александръ Никитичъ Ртищевъ—деньщикъ Петра Великаго, 32 лѣтъ.

Тереитьичъ—бѣдный дворянинъ, живущій на хлѣбахъ у князя Звенигородскаго, 62 лѣтъ.

Тарасьевна—няня боярышни, 74 лѣтъ.

Вассіанъ [1]) - 58 лѣтъ
Питиримъ [2])—50 лѣтъ } раскольничьи старцы.

Епифаній—пустынножитель въ олонецкихъ лѣсахъ, 68 лѣтъ.

Маша—его пріемышъ, 9 лѣтъ.

Мартьянычъ—дворецкій.

Турка
Ѳедоръ } холопы боярина.

Сѣнная дѣвушка.

Дѣйствіе происходитъ въ 1712 году.

Первыя четыре дѣйствія - въ отчинѣ князя Звенигородскаго послѣднее—въ олонецкихъ лѣсахъ.

---

[1]) Вассіанъ—высокаго роста, худъ, щеки впалыя, носъ орлиный, борода длинная, сѣдая; движенія рѣзки, рѣчь порывиста, ярый фанатикъ.

[2]) Питиримъ—обыкновеннаго роста, дороденъ, лѣсъ, маленькая бородка клиномъ.

Оба въ однорядкахъ и клобукахъ раскольничьяго покроя, съ лѣстовками въ рукахъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Горница въ домѣ боярина. По стѣнамъ широкія лавки, покрытыя персидскими коврами; въ глубинѣ сцены: справа—поставецъ съ посудою, слѣва—большая изразцовая печь. Посреди сцены—дубовый столъ съ яствами и питьями, за которымъ сидятъ: **Бояринъ, Ртищевъ** и **Терентьичъ**.

БОЯРИНЪ (*указывая на блюдо*).

Возьми еще.

РТИЩЕВЪ.

Премного благодаренъ
Тебѣ, бояринъ! (*беретъ*).

БОЯРИНЪ.

Да бери побольше.
Иль не по вкусу?

РТИЩЕВЪ.

Вкусно! Только будетъ.
По горло сытъ!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

А ты медкомъ боярскимъ
Лишь глотку промочи, такъ и почуешь,
Что мѣста хватитъ.

БОЯРИНЪ.

Онъ теперь, должно быть,
Отвыкъ отъ нашихъ яствъ. У нихъ, вѣдь, нынѣ
Все мерзость иноземную ѣдятъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Да и съ дороги иногда не ѣстся,
Коль долго обрѣтаешься въ пути.
А ты сегодня, чай, конецъ не малый
Изволилъ отмахать?

РТИЩЕВЪ.

Скакалъ всю ночь.
Хотѣлося родное пепелище,
Да и тебя, бояринъ, повидать.
Вѣдь сколько лѣтъ не видѣлись. Я думалъ,
Что не удастся и теперь; но нынѣ
Самъ государь изволилъ мнѣ сказать,
Что безъ ущерба службѣ царской можетъ
На мѣсяцъ отпустить въ родимый край.

БОЯРИНЪ.

Не удалося твоему отцу,
А моему пріятелю и другу,
Тебя предъ смертью повидать. Скончался
Онъ на моихъ лишь старческихъ рукахъ.

РТИЩЕВЪ.

Какъ ни хотѣлъ, не могъ къ нему пріѣхать.
Далéко былъ.

БОЯРИНЪ.

За тридевять земель?

РТИЩЕВЪ

Почти что такъ. Безъ царскаго указа
Меня-бы не пустили. А оттуда,
Отъ насъ, лишь въ мѣсяцъ до царя въ ту пòру
Извѣстья доходили.

БОЯРИНЪ.

Да, покойникъ
Тужилъ зѣло, что ты въ странѣ далекой
И подъ началомъ злыхъ еретиковъ,
По волѣ царской, состоялъ. А впрочемъ,
Господь великъ! Быть можетъ, старику
И твой пріѣздъ не пò сердцу-бъ пришелся.

РТИЩЕВЪ.

Да почему-же?

БОЯРИНЪ.

Такъ... Въ такой одёжѣ,
Безъ бороды...

РТИЩЕВЪ.

Но съ тою же любовью
Къ отцу родному!

БОЯРИНЪ.

Чтобъ узнать любовь,
Потребно время; а для глазъ—одёжа
Примѣтна сразу.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Чаю, ты набрался
Премудрости по горло? Ты вѣдь долго
Въ наукѣ находился?

РТИЩЕВЪ.

Да, не даромъ
Мы жили тамъ. Лѣниться-то не очень
Возможно было. Знали всѣ, что царь,
Какъ возвратимся, лично соизволитъ
Насъ испытать.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

И ихнимъ языкамъ
Ты обученъ гораздо?

РТИЩЕВЪ.

Научился.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

А какъ по ихнему назвать придется,
Къ примѣру, хлѣбъ ржаной?

РТИЩЕВЪ.

Языкъ у нихъ
Вѣдь не одинъ, а разный; на какомъ-же
Ты хочешь знать?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

А ты какіе знаешь?

РТИЩЕВЪ.

Нѣмецкій, а отчасти и другой,
Которымъ говорятъ у франковъ, то-есть
У французжанъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Такъ какъ-же, хоть у нѣмцевъ,
Зовется хлѣбъ?

РТИЩЕВЪ.

Das Brod.

ТЕРЕНТЬИЧЪ

Какъ?

РТИЩЕВЪ.

Brod.

БОЯРИНЪ.

А бродъ по ихнему, должно быть, хлѣбъ?

РТИЩЕВЪ.

Не знаю.
Не приходилось слышать иль читать.

БОЯРИНЪ.

А какъ назвать по франкскому нарѣчью
Все тотъ-же хлѣбъ?

РТИЩЕВЪ.

Pain.

БОЯРИНЪ.

Повтори-ка.

РТИЩЕВЪ.

Pain!

БОЯРИНЪ.

Пенъ?

РТИЩЕВЪ.

Нѣтъ, не peine, а pain; а peine у нихъ
Иное значитъ; peine—то значитъ трудъ,
А также: скорбь, забота, наказанье.

БОЯРИНЪ.

Довольно! будетъ! Ишь, языкъ мудреный!
Ну словно птичій! Pan, да pin, да pen!
Должно быть, надо прежде простудиться,
Чтобъ хорошенько заложило носъ,
Тогда дойдешь. А взять-бы помело
И приказать имъ отстегать покрѣпче
Васъ по спинѣ.

РТИЩЕВЪ.

За что?

БОЯРИНЪ.

Да хоть за то,
Что вы умнѣй отцовъ быть захотѣли.

РТИЩЕВЪ.

Не наша воля! Мы приказъ царя,
Его желанье исполняемъ. Онъ
Насъ приказалъ послать въ далекій край,
Чтобъ изучать науку и обычай.
Тебѣ извѣстно.

БОЯРИНЪ.

Замолчи! Довольно!
Мнѣ не съ тобой, съ такимъ молокососомъ,
Дѣянія царевы обсуждать.

РТИЩЕВЪ.

Намъ иноземцы тоже вѣдь не мало
Приносятъ пользы. Научили насъ
Они добру во многомъ, и царю
По правдѣ служатъ. Въ нихъ учителѐй
И вѣрныхъ слугъ обрѣлъ нашъ государь.

БОЯРИНЪ.

Назадъ тому ровнехонько сто лѣтъ,
Когда, во гнѣвѣ праведномъ своемъ,
Послалъ Господь великую невзгоду
И гибла Русь... Кто спасъ ее? Народъ!
Подъявъ иконы, отслуживъ молебны,
Съ хоругвями, съ крестами, да съ молитвой
Ко Господу, къ Владычицѣ Пречистой,
Къ угодникамъ, къ россійскимъ чудотворцамъ
Поднялся Нижній разомъ—и къ нему,
Какъ къ матерой насѣдкѣ, отовсюду

Народъ собрался. Встали русской грудью—
И выперли врага! Междоусобье
Сумѣли прекратить и полюбовно
Соборомъ земскимъ выбрали царя.
Зане у насъ нѣтъ Руси безъ владыки.
И впредь такъ будетъ! Въ тяжкія годины,
Когда Господь такое-жъ испытанье
Пошлетъ на Русь, она, какъ въ дни былые,
Всегда себѣ спасеніе обрящетъ
Лишь въ православной вѣрѣ, да въ народѣ,
Готовомъ встать стѣной неодолимой
За край родной. Того не позабудутъ
Потомки наши никогда, доколѣ
У нихъ въ груди хоть капля русской крови,
Да вѣра предковъ будутъ сохраняться!
А съ иноземцами: дружить—дружи,
А камень все за пазухой держи!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Вѣстимо, такъ!

РТИЩЕВЪ.

Позволь тебѣ, бояринъ,
Сказать, что я, хотя въ другой одёжѣ,
Хотя безъ бороды, хоть въ парикѣ,
Но такъ-же горячо и безпредѣльно
Люблю родную Русь—и для нея
Готовъ отдать себя безъ колебанья!
Я сынъ ея! Она мнѣ дорога,

Какъ родина, какъ мать, какъ вѣковая
Хранительница праха и дѣяній
Отца и предковъ! И ее, родную,
Вотъ это сердце, чѣмъ-бы ни прикрыли
Его извнѣ, любить не перестанетъ,
Доколѣ бьется! (*встаетъ*). Будь здоровъ, бояринъ!
И выпьемъ вмѣстѣ за родную Русь,
Чтобы она, какъ солнце, согрѣвала
Любовью общей всѣхъ своихъ дѣтей!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Вѣстимо, такъ!

БОЯРИНЪ.

Вотъ эта рѣчь понятна
И для меня. Спасибо! Въ ней я вижу
Достойнаго родителя сынка.
И за твое здоровье... Нѣтъ, постой...
По древнему обычью поднесетъ
Тебѣ заздравный кубокъ дочка, Груня.
Эй! (*входитъ Мартьянычъ*). Прикажи позвать сюда ко мнѣ
Боярышню! Пусть выйдетъ по обычью
И гостю кубокъ поднесетъ. Живѣй! (*Мартьянычъ уходитъ*).
Вѣдь ты ее не позабылъ?

РТИЩЕВЪ.

Нельзя
Забыть подругу юныхъ лѣтъ. Не мало.
Мы провели за дѣтскою потѣхой
Счастливыхъ дней. Тарасьевна, бывало,

Такъ осерчаетъ, что не разъ на цѣпь
Грозила посадить. Жива-ли нынѣ
Она, бояринъ?

БОЯРИНЪ.

Какже! Все живетъ—
И умирать не хочетъ. Не узнàетъ
Она тебя. Да ты и самъ едва-ли
Узнàешь Груню. Нынѣ вѣдь она
Большая стала. Какъ напоминаетъ
Покойницу жену. Ну точно Маша,
Когда ее привезъ изъ-подъ вѣнца
Я въ этотъ домъ. О, Господи-Владыко,
Какъ время-то идетъ! Легко сказать,
Съ тѣхъ поръ прошло ужъ шестьдесятъ годовъ.
Послѣдней Груню молокомъ кормила
Покойница. Шесть человѣкъ дѣтей
Мнѣ до нея послалъ Господь и всѣхъ
Къ себѣ прибрàлъ. Да будетъ Его воля! (*входятъ:* **боярышня и Тарасьевна**).
А вотъ и Груня! Ну, не бойся гостя!
А подойди и попроси его
Не обезчестить насъ своимъ отказомъ.

ТАРАСЬЕВНА (*сзади*).

Иди, иди!

БОЯРЫШНЯ (*смутившись, подходитъ къ Ртищеву и кланяется*).

Не обезсудь. Откушай.

РТИЩЕВЪ (*беретъ кубокъ*).

Какъ расцвѣла! Дай Богъ тебѣ, бояринъ,
Здоровья тѣлу, бодрости душѣ
И исполненья всѣхъ твоихъ желаній (*пьетъ*).

БОЯРИНЪ.

За пожеланье доброе—спасибо!
Ну, что-жъ? Аль позабылъ родной обычай?
Цѣлуй въ уста! Не бойся! не укуситъ!

РТИЩЕВЪ (*подходитъ и цѣлуетъ Груню*).

Дай Богъ тебѣ лишь счастья, да утѣхи
Въ грядущей жизни.

БОЯРИНЪ (*къ дочери*).

Ты его признала?

БОЯРЫШНЯ.

Признала, батюшка.

БОЯРИНЪ (*къ Ртищеву*).

А ты?

РТИЩЕВЪ.

А я,
Когда-бы встрѣтилъ гдѣ, не у тебя,
Съ трудомъ призналъ-бы.

БОЯРИНЪ. (*къ Грунѣ*)

Вишь, какимъ шутомъ
Онъ нарядился! Ну, а ты, старуха,
Признала сорванца?

ТАРАСЬЕВНА.

Да неужёли
Ты точно Саша, то бишь Александръ Никитичъ?

РТИЩЕВЪ.

Я самъ, Тарасьевна!

ТАРАСЬЕВНА.

Ахъ, Господи-Владыко,
Какъ выросъ-то!

РТИЩЕВЪ.

А помнишь, какъ, бывало,
Грозила ты насъ посадить на цѣпь?

ТАРАСЬЕВНА.

Ты не взыщи! Когда былъ малъ, грозила.
Бывало, точно; а теперь, какъ вспомню,
Такъ и не вѣрю! Какъ тебя Господь
Повытянулъ. А вотъ меня, старуху,
Къ землѣ ужъ гнетъ.

РТИЩЕВЪ.

Да ты нисколько
Не измѣнилась.

ТАРАСЬЕВНА.

Ну, ужъ ты не ври!
Я человѣкъ, не пень! И тотъ чернѣетъ
Отъ времени, такъ какъ же грѣшной мнѣ

Не измѣниться. Указалъ Господь
Вамъ, молодымъ, цвѣсти, а намъ старѣть;
И, милостивъ Владыко нашъ небесный,
Не забываетъ грѣшную меня.

БОЯРИНЪ (*къ дочери*).

Ступай къ себѣ. Здѣсь съ нами непригоже
Вамъ оставаться долго. Поклонися—
И, съ Богомъ, въ теремъ!

ТАРАСЬЕВНА (*низко кланяясь*).

Будь здоровъ, родимый!

РТИЩЕВЪ.

Прощай, боярышня! (*Тарасьевна и боярышня уходятъ*). Какъ солнце въ небѣ.
Мелькнула—и за тучи.

БОЯРИНЪ.

А у васъ
Теперь иной обычай до полнóчи
Гуляете съ дѣвицами и въ пляскѣ,
Да въ бѣсовскихъ потѣхахъ сатану
По горло тѣшите. Ты табачище жрешь?

РТИЩЕВЪ.

Курю, бояринъ.

БОЯРИНЪ.

Только у меня
Не заводи подобнаго поганства
Передъ иконами. Ступай на дворъ,

Подальше отъ строенья, и ужъ тамъ
Твори душѣ на гибель окаянство.

РТИЩЕВЪ.

Спокоенъ будь. Я у тебя не стану
Курить въ дому, найду другое мѣсто.
А обойтись безъ этого не въ силахъ.
Привыкъ!

БОЯРИНЪ.

Привыкъ! Едва лишь молоко
Обсохло на губахъ, а тоже рѣчь
Заводитъ о привычкахъ. Ну, пора
Изъ-за стола! Благодаренье Богу,
Насытившему отъ щедротъ Своихъ
Насъ недостойныхъ. Сытъ-ли?

РТИЩЕВЪ.

Сытъ, бояринъ!
По горло сытъ.

БОЯРИНЪ

Ну, сытъ, такъ слава Богу!
А мнѣ пора и на покой. Прощай!
Коль отдохнуть захочешь, такъ готова
Тебѣ постель.

РТИЩЕВЪ.

Благодарю, бояринъ!
До нòчи подожду.

БОЯРИНЪ.

Такъ оставайся
Съ Терентьичемъ. Да прикажи медку
Еще подать. Пока не осушите,
Терентьичъ не уйдетъ. Ужъ очень любитъ
На дно глядѣть.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Шутить всегда изволишь
Надъ старикомъ.

БОЯРИНЪ.

И пошутить не грѣхъ.
Не захвораешь! Знаешь самъ, что шутка
Не то, что глазъ—хворобы не нашлетъ.
Прощайте!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Съ Богомъ!

РТИЩЕВЪ.

Въ добрый часъ, бояринъ!
Пріятный сонъ.

БОЯРИНЪ.

Спасибо! Что-то нынѣ
На память ослабѣлъ; ужъ не могу
И сна припомнить. (*уходитъ*).

РТИЩЕВЪ.

Выпьемъ-ка, Терентьичъ!
Вѣдь медъ на диво! Словно масло льется.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Да, у боярина таковскій медъ:
Чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше пить желаешь.

РТИЩЕВЪ.

А какова боярышня?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Малина!

РТИЩЕВЪ.

Что за красавица!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Дородства мало.
Ну, да съ лѣтами вспухнетъ.

РТИЩЕВЪ.

Что за станъ!
Что за лицо! А очи!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Съ поволокой.

РТИЩЕВЪ.

Красавица!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Да что тутъ толковать:
По всѣмъ статьямъ изрядная бабенка.

РТИЩЕВЪ.

И что за скромница! Бывало, прежде
Какая рѣзвая была; а нынѣ —
Едва глядитъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Не полагайся очень
На скромность ихъ. Какъ женишься,—узнаешь,
Что часто скромность ихъ для виду только;
А въ теремѣ:—охъ, охъ!

РТИЩЕВЪ.

А что, Терентьичъ,
Твоя жена здорова?

ТЕРЕНТЬИЧЪ,

Нѣтъ, голубчикъ!
Ужъ сколько лѣтъ вдовѣю. Ну ее!
И вспоминать не хочется.

РТИЩЕВЪ.

А что?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Да тоже скромница была такая,
Что хуже пса цѣпнаго.

РТИЩЕВЪ.

Ай да Груня!
Какъ расцвѣла. Должны съ тобою выпить
Мы за ея здоровье. (*наливаетъ себѣ и Терентьичу*).
Дай Господь ей только счастья въ жизни! (*пьетъ*).

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*пьетъ*).

Что-жъ, она
Боярышня хорошая; грѣшно
Пока сказать дурное. Вѣдь бояринъ
Не дастъ потачки. Онъ въ Господнемъ страхѣ,
Въ повиновеньѣ строгомъ возрастилъ
Родную дочь. Послушай-ка, родимый,
Не прогнѣвись, а я тебя хочу
Спросить... о дѣлѣ... объ одномъ.

РТИЩЕВЪ.

Изволь!
Готовъ послушать.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Видишь-ли, желанный...
Азъ окаянный во грѣхахъ своихъ,
Какъ песъ смердящій...

РТИЩЕВЪ.

Говори яснѣе.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Я, видишь-ли... да только ты не выдай
Моихъ рѣчей; а то бѣда, бѣда!

РТИЩЕВЪ.

Ужъ я не выдамъ. Говори!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Да грѣхъ
Великъ ужъ больно.

РТИЩЕВЪ (*наливая Терентьичу*).

Всполосни, Терентьичъ!
Авось языкъ развяжетъ; а не то
И къ вечеру не кончишь.

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*пьетъ*).

Благодарствуй!
Да, такъ оно... Позволь тебя спросить:
Ты табачище жрешь или вдыхаешь
Такъ... носомъ?

РТИЩЕВЪ (*улыбаясь*).

Жру.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

И не имѣешь
Того, другаго зелья?

РТИЩЕВЪ.

А тебѣ
Зачѣмъ оно? Иль, старый грѣховодникъ,
Повиненъ ты и этому грѣху?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Охъ, грѣшенъ, грѣшенъ! Знаю самъ, что страшно
Меня Господь накажетъ. Не могу!
Такъ сатана объѣхалъ! Какъ нюхнешь—
И веселѣе станетъ, и глаза
Какъ будто чище видятъ.

РТИЩЕВЪ.

Гдѣ-же ты
Такъ искусился?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Видишь-ли, родимый,
У насъ, въ Коломнѣ, есть одинъ подъячій—
Такъ отъ него. А какъ ужъ я боюсь,
Чтобъ не примѣтили. Повѣришь, даже
Нарочно ѣмъ чеснокъ, чтобы отъ носа
Вдругъ не пахнуло невзначай.

РТИЩЕВЪ.

Постой!
Когда я былъ глазами очень боленъ,
Мнѣ царскій лекарь далъ совѣтъ, чтобъ нюхать
Я сталъ табакъ. И помогло.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Вотъ видишь:
Самъ царскій лекарь.

РТИЩЕВЪ.

Съ той поры со мной
Его всегда запасецъ есть.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Голубчикъ!
Родной ты мой! Не откажи!

РТИЩЕВЪ.

Изволь!
Охотно дамъ. Пойду сейчасъ, достану
Его изъ сундука. (*уходитъ*).

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Достань, родимый!
Вотъ благодѣтель! А ужъ я не зналъ,
Гдѣ и достать. У Юрьича трудненько
По-чàсту брать. А этотъ скверный носъ,
Какъ мельница: что ни клади зерна,
Все перемелетъ.

РТИЩЕВЪ (*входитъ*).

На! Вотъ тутъ довольно.
Недѣли на двѣ хватитъ; а затѣмъ
И изъ Москвы прислать не трудно будетъ.
У нѣмцевъ, на Кокуѣ, вѣдь его
Купить всегда возможно.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Вотъ спасибо!
Разодолжилъ! Ишь, слабость человѣчья,
Такъ вѣдь и тянетъ. (*нюхаетъ*). На! бери! бери!
Соси, разбойникъ! (*нюхаетъ*). Важно! Ухъ, ухъ, ухъ!
Какъ пробираетъ! (*чихаетъ*). Ну! (*чихаетъ*). Довольно! Будетъ! (*чихаетъ*).
Довольно, говорятъ! Охъ, убѣгу!
А то, пожалуй, кто-нибудь войдетъ,
Да неравно замѣтитъ. (*чихаетъ*). На дорожку! (*наливаетъ въ стопку медъ, пьетъ и убѣгаетъ*).

РТИЩЕВЪ.

Стыдно
Надъ старикомъ смѣяться; но невольно
Подъ часъ смѣшно становится. И грѣхъ—
И нюхаетъ. А Груня! Показалась—
И снова подъ замокъ. Да я сумѣю
Найти къ ней путь. Какъ ни крѣпки запоры,
Какъ ни вѣрны холопы—но за деньги
Достанешь все! Теперь отправлюсь въ садъ
И покурю проклятый табачище.

Конецъ 1-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же декорація.

Ртищевъ сидитъ задумавшись у стола.

РТИЩЕВЪ.

Сегодня объяснюсь. Подходитъ время
Сбираться въ путь, на службу. Если дастъ
Свое согласье, то-то будетъ радость!
Возьму ее, голубку, въ Петербургъ,
Устроимся—и заживемъ счастливо́
Своимъ домкомъ (*встаетъ и ходитъ по горницѣ*).
А что за красота!
И любитъ какъ! Хоть цѣлый день сиди
Да на нее любуйся, не прискучитъ.
И скро́мница! Отпуститъ-ли старикъ
Ее со мной? Вѣдь самъ онъ ни за что
Изъ отчины своей не переѣдетъ.
Лишь согласился-бы. А ужъ отдастъ,
Такъ не захочетъ разлучать съ женою.
Не по закону. (*садится*). Больно не по нраву
Ему порядки новые. А вдругъ
Откажетъ на отрѣзъ? Тогда что̀ дѣлать?
Ужъ и не знаю! (*задумывается; входитъ* **Терентьичъ**).

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Не вздремнулъ-ли? Спитъ...

РТИЩЕВЪ.

А, это ты, Терентьичъ?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Я, голубчикъ!
Что призадумался?

РТИЩЕВЪ.

Да такъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Дивлюсь
Я твоему терпѣнью. Шутка-ль этакъ
Съ утра въ обтяжкѣ быть. Ну, до обѣда
Еще, пожалуй, можно. А поѣлъ —
И кушака не распустить.

РТИЩЕВЪ.

Привычка!
Не любитъ государь, чтобъ не въ порядкѣ
Была одёжа.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Тамъ другое дѣло;
Тамъ на глазахъ, а здѣсь...

РТИЩЕВЪ.

А здѣсь отвыкнешь,
Такъ послѣ пріучаться тяжело.
Вѣдь лѣнь что омутъ, такъ и засосетъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Уменъ, уменъ! Ты вотъ что мнѣ скажи:
Окольничьяго Строева сынокъ,
Николушка, чай тоже не безъ мѣста?

РТИЩЕВЪ.

Кто, Строевъ? Онъ на мѣстѣ знатномъ.
Онъ камергеромъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Какъ сказать изволилъ?

РТИЩЕВЪ.

Онъ камергеръ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Ишь, мудрое названье.
А что же означать оно изволитъ?

РТИЩЕВЪ.

Да камергеръ прислуживать царю
Въ его парадномъ обиходѣ долженъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Такъ, понимаю. Прежде то же мѣсто
Бывало при царѣ, но называли
Ихъ стряпчими, а нынѣ каморгеры.
Должно быть такъ почетнѣе названье.
Да ты вѣдь тоже служишь при царѣ?

РТИЩЕВЪ.

Я деньщикомъ служу при государѣ.

Намъ государь особое довѣрье
Оказывать изволитъ; посылаетъ
Развѣдать о неправдѣ, о дѣлахъ,
Съ закономъ несогласныхъ, и повсюду,
Гдѣ самому ему не можно быть,
Но гдѣ чрезъ насъ онъ вѣрное извѣстье
По совѣсти желаетъ получить. (*входитъ* **бояринъ**).

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Какъ почивать изволилъ?

БОЯРИНЪ.

Не спалось.
Гулялъ въ саду; смотрѣлъ, какъ поспѣваютъ
Наливъ и груши. Знатный урожай
Господь на плодъ намъ днесь ниспосылаетъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

И я, бояринъ, Господа не разъ
За благодать и милость славословилъ.
Ни червяка, ни сухоты; давно ужъ
Такихъ плодовъ сбирать не удавалось.

БОЯРИНЪ (*къ Ртищеву*).

А ты что дѣлалъ?

РТИЩЕВЪ.

Былъ у кузнеца;
Ковать учился.

БОЯРИНЪ.

Развѣ это дѣло
По службѣ знать тебѣ необходимо?

РТИЩЕВЪ.

Да пригодиться можетъ. Государь
И самъ ковать куда какъ научился.

БОЯРИНЪ.

Вотъ то-то онъ, должно быть, и куетъ
Родную Русь на фряжской наковальнѣ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Все новые, все люди молодые
Вокругъ царя. Вотъ Строева сынокъ
Николушка, такъ тоже при царѣ
И стряпчимъ состоитъ, да прозываютъ
Его мудрéно какъ-то.

РТИЩЕВЪ.

Камергеромъ.

БОЯРИНЪ.

Когда я былъ еще подросткомъ малымъ,
Такъ у покойнаго великаго царя
И самодержца Руси Алексія
Михайловича въ рындахъ состоялъ
И съ правой стороны царева трона
Не разъ, бывало, стаивалъ. Тогда
Другой порядокъ былъ, иной, старинный,
Завѣщанный отъ предковъ; а теперь
Все это стало лишнимъ. Деньщики
Какіе-то, вишь, надобны царю,
Да камор-геры и другія лица
Съ такимъ мудренымъ прозвищемъ, что съ разу

Не выговоришь на тощакъ. А, впрочемъ—
Одѣли по нѣмецки, такъ ужъ нужно
И называть по ихнему, а то
Вѣдь и назвать бояриномъ негоже
Кургузаго шута, безъ бороды,
Съ ногами пѣтушиными, съ шпаженкой,
Да съ этакой копной на головѣ.
Что-жъ ты молчишь?

РТИЩЕВЪ.

Зачѣмъ тебѣ перечить.
Ты старше насъ, не намъ тебя учить.

БОЯРИНЪ.

Вотъ эта рѣчь мнѣ по душѣ пришлася.
Спасибо, Саша! (*входитъ* **Мартьянычъ**).

ДВОРЕЦКІЙ.

Отправлять подводу,
Иль обождать изволишь приказать?

БОЯРИНЪ.

Пусть ѣдутъ съ Богомъ! Вѣдь тебѣ, Терентьичъ,
Зачѣмъ-то нужно было въ городъ съѣздить.
Коль хочешь—довезутъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Конечно, лучше
Съ подводами доѣхать, чѣмъ пѣшкомъ.
Прощенія прошу, бояринъ.

БОЯРИНЪ.

Съ Богомъ!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Прощай и ты, свѣтъ Александръ Никитичъ!

РТИЩЕВЪ.

Прощай, Терентьичъ! (*Мартьянычъ и Терентьичъ уходятъ*).

БОЯРИНЪ.

Онъ семью годами
Меня моложе, а опухъ, обрюзгъ;
Ужъ больно падокъ до всего хмѣльного.

РТИЩЕВЪ.

Бояринъ!

БОЯРИНЪ.

Что?

РТИЩЕВЪ.

Позволь тебѣ промолвить
По сердцу рѣчь.

БОЯРИНЪ.

Что-жъ, говори.

РТИЩЕВЪ.

Но только
Не осерчай напрасно на полсловѣ.
Дозволь промолвить до конца.

БОЯРИНЪ.

О чемъ
Вести ты хочешь рѣчь?

РТИЩЕВЪ.

Я все скажу.
Лишь до конца дослушай.

БОЯРИНЪ (*садится*).

Говори.

РТИЩЕВЪ.

Бояринъ, ты съ моимъ отцомъ покойнымъ
Былъ вѣрный другъ.

БОЯРИНЪ.

До гроба.

РТИЩЕВЪ.

Да и онъ
Тебя, какъ брата старшаго, изволилъ
Всегда считать... и я въ твоей семьѣ,
Какъ у отца родного, принимался.

БОЯРИНЪ.

Все это правда. Дальше!

РТИЩЕВЪ.

Не забылъ
Я словъ отца и словъ твоихъ, бояринъ,
Какъ вы, бывало, глядя на меня,

Такъ радостно, сердечно улыбались
И говорили: «парень хоть куда!
Какъ подростетъ, да станетъ молодцомъ,
Такъ съ Груней пара будетъ всѣмъ на диво,
И полюбуемся мы на родныхъ внучатъ.»
Ты не забылъ, бояринъ?

БОЯРИНЪ.

Не забылъ.

РТИЩЕВЪ.

Вотъ я и выросъ! Въ службѣ у царя
Не изъ послѣднихъ. Мой отецъ покойный
Не дождался, родимый,—отошелъ
Къ престолу Божью; а тебя Господь
Благословилъ счастливымъ долголѣтьемъ
И сохранилъ, на радость и утѣху,
Родную дочь. Она теперь невѣста.
Она товаръ, а я купецъ, бояринъ!
Не откажи! (*падаетъ на колѣни*). Благослови ты насъ
На брачное житье! Я видѣлъ Груню—
И краше дѣвицы, скажу по правдѣ,
Нигдѣ не встрѣтилъ. Согласись, бояринъ!
Исполни ты завѣтное желанье
Родителя покойнаго. А я
Почту за честь великую съ тобой
Чрезъ Груню породниться и отцомъ
Тебя назвать. Не откажи, бояринъ!
Не прогнѣвись за дерзостную рѣчь!

БОЯРИНЪ.

Въ былое время я бы самъ охотно
Съ тобою породнился. Да, бывало,
Ты былъ еще ребенкомъ, думалъ я:
Вотъ подростетъ и незамѣтно станетъ
Завиднымъ парнемъ, и настанетъ время,
Какъ водится, и сватовъ принимать.
А нынѣ—нѣтъ! Теперь пошло инàче!
Самъ вздумалъ свататься.

РТИЩЕВЪ

Не все-ль равно!
Я предъ тобой хотѣлъ, какъ передъ Богомъ,
Повѣдать все, что на душѣ лежитъ.

БОЯРИНЪ.

Теперь—не то! Теперь родныхъ внучатъ
Я не хочу имѣть!

РТИЩЕВЪ.

Да почему же?

БОЯРИНЪ.

Не на утѣху народятся. Нѣтъ!
Чужой нарядъ, чужая рѣчь, чужіе
И нравы, и обычьи; вѣдь, пожалуй,
Надъ старикомъ еще смѣяться станутъ.
Не будетъ свадьбы!

РТИЩЕВЪ.

Я тебя всегда

Въ отцово мѣсто почиталъ и дѣтямъ
О томъ же стану съ малыхъ лѣтъ твердить.

БОЯРИНЪ.

Не будетъ свадьбы!

РТИЩЕВЪ.

Почему?

БОЯРИНЪ.

Не будетъ!
И рѣчь объ этомъ больше не веди.
Не за тебя отдамъ! Скорѣй въ могилу
Ее сведу, а къ вамъ не отпущу
На посрамленье вѣрѣ, на потѣху
Заморской твари.

РТИЩЕВЪ.

Не гнѣвись, бояринъ!

БОЯРИНЪ (*перебивая*).

Сказалъ—и будетъ! Больше разговора
Не заводи объ этомъ.

РТИЩЕВЪ.

Обсуди...

БОЯРИНЪ (*перебивая*).

Все обсудилъ! Довольно время было.
Иль ты меня не знаешь? Говорю:
Не будетъ свадьбы—и не будетъ! Время
Мнѣ отдохнуть. Недужится; не спалъ

Почти всю ночь. А ты сберешься скоро
На службу царскую?

РТИЩЕВЪ (*встаетъ*).

Коль отказалъ, такъ мнѣ
Здѣсь оставаться больше не годится.
Уѣду утромъ.

БОЯРИНЪ.

Я не задержу
И не гоню. Какъ знаешь, такъ и дѣлай!
Еще увидимся. Какъ будешь уѣзжать,
Такъ приходи ко мнѣ, благословенье
Я дамъ охотно; вѣдь не близкій путь
Въ поморщину.

РТИЩЕВЪ.

Господь тебя разсудитъ!

БОЯРИНЪ.

Не ты, конечно. Съ Богомъ! Въ добрый часъ!
Найди себѣ невѣсту изъ затѣйницъ,
Что наплевавши на обычай древній,
Къ заморскому охотой приплелись,
И заводи по ихнему порядки.
А древній родъ князей Звенигородскихъ
Со мной, да съ дочкой кончится совсѣмъ
И вмѣстѣ въ гробъ съ обычьемъ старымъ ляжетъ.
Довольно потрудилися! Пора
И на покой! Послѣдній я! Меня
Вамъ не сманить ничѣмъ; а дочь родную,

Отростокъ слабый, я ужъ самъ сумѣю
Отъ нынѣшнихъ соблазновъ оградить. (*уходитъ*)

РТИЩЕВЪ.

Что дѣлать мнѣ? О, старика я знаю!
Его теперь ничѣмъ не уломать!
Но неужѐли долженъ отказаться
Я навсегда отъ Груни? Нѣтъ, не въ силахъ!
Я такъ люблю ее, мою голубку.
Что дѣлать? (*входитъ* Тарасьевна).

ТАРАСЬЕВНА.

Ну?

РТИЩЕВЪ.

Да свадьбы не бывать!

ТАРАСЬЕВНА.

Неужели? Должно быть не сумѣлъ
Ты ублажить его?

РТИЩЕВЪ.

Скорѣй медвѣдя
Упросишь на рогатину полѣзть,
Чѣмъ ублажишь его.

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ какъ-же быть-то?
Вѣдь Грунюшка зачахнетъ, какъ узнаетъ
Такую вѣсть. Она и то, голубка,
Молилася все время со слезами

И плакала; должно быть, ожидала,
Что не добьешься толку.

РТИЩЕВЪ.

Мамка?

ТАРАСЬЕВНА.

Что?

РТИЩЕВЪ.

Я увезу ее!

ТАРАСЬЕВНА.

Нѣтъ, не моги
И говорить объ этомъ.

РТИЩЕВЪ.

Отчего-же?
Вѣдь Груня мнѣ не разъ предъ образами
Клялась, что я дороже ей всего
На Божьемъ свѣтѣ.

ТАРАСЬЕВНА.

Знаю.

РТИЩЕВЪ.

Пусть докажетъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Что вздоръ толкуешь! Слыхано-ли дѣло:
Изъ дому отчаго, какъ вору, убѣжать.
Иль ты не знаешь? Вѣдь ее бояринъ

РТИЩЕВЪ.

Не запоздаю!
Пойду сейчасъ и осмотрю подробнѣй,
Чтобы не сбиться. (*входитъ* сѣнная дѣвушка).

ТАРАСЬЕВНА (*къ дѣвушкѣ*).

Что тебѣ?

ДѢВУШКА.

Изволитъ
Тебя боярышня зачѣмъ-то спѣшнымъ звать.

ТАРАСЬЕВНА.

Иду, иду!

РТИЩЕВЪ.

Смотри-же!

ТАРАСЬЕВНА.

Тсс... Иду! (*уходитъ*).

РТИЩЕВЪ.

Пойду и я; устроить надо дѣло. (*уходитъ*).

ДѢВУШКА.

Вотъ если-бы до свадебки дошло,
Такъ было-бы веселье. Ужъ тогда
Я упросить боярышню сумѣю,
Чтобъ и меня съ Гришуткой повѣнчать.

Конецъ 2-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Боярскій фруктовый садъ; посреди старая дуплистая груша. Темная ночь.

Тарасьевна и боярышня осторожно пробираются по сценѣ

БОЯРЫШНЯ.

Ахъ, страшно какъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Еще бы! Что за темень.
Въ такое время и нехорошо
Быть не подъ кровлей. Долго-ль до бѣды!
Силе́нъ лукавый.

БОЯРЫШНЯ.

Ахъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Что тамъ такое?

БОЯРЫШНЯ.

Нѣтъ, это камень. Вотъ и добрали́сь.
Вѣдь это груша старая?

ТАРАСЬЕВНА.

Она!
Ну, слава Богу! Здѣсь и подождемъ.
Сюда придти онъ долженъ скоро.

БОЯРЫШНЯ.

Мама?

ТАРАСЬЕВНА.

Чего, голубка?

БОЯРЫШНЯ (*прижимаясь къ ней*).

Страшно!..

ТАРАСЬЕВНА.

Ничего!
Вотъ какъ придетъ—и страхи всѣ забудешь.

БОЯРЫШНЯ.

Что-жъ онъ нейдетъ?

ТАРАСЬЕВНА.

Охъ, сердце молодое!
То страшно, то нейдетъ. Постой, никакъ
Зашелестило. (*подходитъ* Ртищевъ).

РТИЩЕВЪ.

Здравствуй, моя радость!

БОЯРЫШНЯ (*бросаясь къ нему*).

Голубчикъ мой! Насилу дождалась!

РТИЩЕВЪ.

Едва добрелъ. Темнó, ни зги не видно!
Боялся ошибиться и напрасно
Всю ночь по саду пробродить.

ТАРАСЬЕВНА.

Небось
Не заблудился.

БОЯРЫШНЯ.

Мама дорогая,
Ты здѣсь побудь, а мы...

РТИЩЕВЪ.

А мы пойдемъ
По саду побродить немного.

ТАРАСЬЕВНА.

Ладно!
Ступайте, милые; да только далекò
Не отходите очень. Плохо, коль случàемъ
Съ пути собьетесь, васъ и не найдешь;
А голосомъ опасно кликать: могутъ
Почуять псы, тогда намъ всѣмъ бѣда!

РТИЩЕВЪ.

Намъ нечего бояться ихъ; не страшны
Они для насъ сегодня.

ТАРАСЬЕВНА.

Охъ, какъ злы!
Всѣхъ разорвутъ, своихъ не пожалѣютъ.

РТИЩЕВЪ (*обнимая боярышню, къ Тарасьевнѣ*).

Ты оставайся!

БОЯРЫШНЯ.

Мама, ты далéко
Сама не стходи. Мнѣ... я...

РТИЩЕВЪ.

Не бойся.
Вѣдь ты со мной.

БОЯРЫШНЯ.

И страшно, и отрадно!
Какъ бьется сердце.

РТИЩЕВЪ.

Милая, о многомъ
Мнѣ нужно говорить съ тобой. Пойдемъ!

БОЯРЫШНЯ (*прижимаясь къ нему*).

Пойдемъ. (*уходятъ*).

ТАРАСЬЕВНА.

Ушли. Чтобъ не было бѣды.
Коли провѣдаетъ о томъ бояринъ,
Не пощадитъ, живой зароетъ въ землю.
Вѣдь онъ ее беречь мнѣ паче ока
Наказывалъ всегда. Да что-жъ, и я
Не звѣрь какой... Вѣдь облилòся кровью
Сегодня сердце, слушая голубку,
Да глядючи на скорбь ея и слезы.
Съ чего онъ взялъ, что Александръ Никитичъ
Не пара нашей красотѣ? Вѣдь оба—
Что королевичъ съ кралей, да и родомъ

Совсѣмъ равны. Положимъ, что молодчикъ
Живетъ не такъ, какъ указалъ Господь,
По старинѣ; но все же вѣдь крещеный.
Да и молодкѣ милъ не по одёжѣ
Бываетъ мо́лодецъ. Устроятъ сами;
Уговорятъ, или ина̀че какъ,—
А дастъ Господь, и кончимъ это дѣло
Честны́мъ пиркомъ, да свадебкой. Устала
Болтаться день деньской. Присяду. Нынче
Совсѣмъ не держатъ ноги. (*садится*). А бывало,
Назадъ годковъ съ полсотни, такъ и я
Частенько выбѣгала въ часъ полночный
Къ родному Сенѣ. Статный и лихой
Онъ въ тѣ поры́ былъ мо̀лодецъ, и много
Я скоротала съ нимъ тогда ночей
Подъ этой грушей. Охъ, грѣхи, грѣхи!
Ишь, вѣтеръ какъ гудитъ, и въ правду страшно!
Того гляди, что лѣшій окаянный
Вдругъ набредетъ случа̀емъ, да замѣтитъ
И лапою косматой обойметъ...

ѲЕДОРЪ (*подкрадываясь сзади, обнимаетъ Тарасьевну*).

А, вотъ гдѣ ты!

ТАРАСЬЕВНА (*вскакивая*).

Охъ, Господи, Создатель!
Чуръ, чуръ меня! Спасите! Мм...

ѲЕДОРЪ.

Чего мычишь? (*хохочетъ*). Сморчокъ ты мой сердечный!

Корга столѣтняя! Беззубая красотка!
А я тебя вѣдь ждалъ—не дождался;
Всѣ очи проглядѣлъ и истомился.

ТАРАСЬЕВНА.

Отстань, пострѣлъ! Ишь, напужалъ, уродъ!
И духъ едва переведу доселѣ.

ѲЕДОРЪ.

А ты не разомъ, полегоньку. Ну-ка,
Повѣдай мнѣ, съ чего тебѣ взбрело
Въ такую пору здѣсь, въ саду, шататься?

ТАРАСЬЕВНА (*смѣшавшись*).

Кому?

ѲЕДОРЪ.

Тебѣ!

ТАРАСЬЕВНА.

Ахъ, мнѣ...

ѲЕДОРЪ.

Ну да, тебѣ!

ТАРАСЬЕВНА.

Вотъ видишь-ли, голубчикъ мой любезный,
У насъ сегодня истопникъ-злодѣй
Такого дыму напустилъ, что просто
Хоть умирай! Едва, едва на воздухъ
Я добрела, и по сію пору

Такъ и стучитъ, такъ и стучитъ! (*хватается за голову*).
Совсѣмъ
Какъ въ омутѣ, такъ голова кружится.

ѲЕДОРЪ.

Ври поскладнѣй! Съ чего топить пристало
Хоромы лѣтомъ. Не въ попадъ пришлось.
Соври получше!

ТАРАСЬЕВНА.

Нѣтъ, не вру, любезный!
По правдѣ истинной.

ѲЕДОРЪ.

Коли не врешь,
Такъ я тебѣ могу помочь. Пойдемъ-ка,
Я до крылечка доведу тебя.

ТАРАСЬЕВНА.

Спасибо, милый! Ты не безпокойся,
Я и одна сумѣю добрести.

ѲЕДОРЪ.

Пойдемъ, пойдемъ! Не ночевать же будешь
Подъ этой грушей.

ТАРАСЬЕВНА.

Ѳедя...

ѲЕДОРЪ.

Что тебѣ?

ТАРАСЬЕВНА.

Оставь меня, голубчикъ!

ѲЕДОРЪ.

Что-то, видно,
Тебѣ идти не хочется отселѣ?

ТАРАСЬЕВНА.

Нѣтъ... я пойду... Охъ, Ѳедя дорогой,
Не мучь меня, уйди! (*смотритъ по направленію къ кустамъ*).

ѲЕДОРЪ.

Ай, ай, старуха,
Чѣмъ занимаешься! Постой-ка, я пошарю
Вонъ тамъ, въ кустахъ.

ТАРАСЬЕВНА.

Голубчикъ, не сгуби!
Вѣдь мнѣ твоя покойница сестра
Съ родни была. На-вотъ, возьми алтынъ
И уходи своей дорогой.

ѲЕДОРЪ.

Мало, тетка!
Давай рублевикъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Что̀ ты! Гдѣ-жъ мнѣ взять
Такія деньги? Съ роду не видала
Въ моей мошнѣ такихъ большихъ гостей.

ѲЕДОРЪ.

Ну, и не надо! (*хочетъ идти къ кустамъ*).

ТАРАСЬЕВНА.

Охъ, возьми двѣ гривны!
Вѣдь все, что есть, тебѣ я отдаю.

ѲЕДОРЪ.

Рублевикъ, тетка! Лучше не торгуйся;
А то, пожалуй, больше запрошу..

ТАРАСЬЕВНА.

Да нѣту, Ѳедя. Рада бы, готова
Хоть больше дать! Да нѣту-же, ей-ей!

ѲЕДОРЪ.

Ты поищи—найдешь. Подъ душегрѣей
Въ мошнѣ на шеѣ. Вѣдь согнулась даже,
Такъ оттянули. Доставай скорѣй!

ТАРАСЬЕВНА (*кряхтя достаетъ деньги*).

На, на, возьми! Охъ, раззорилъ, злодѣй!
Вѣдь по годамъ сбирала, а теперь:
Вынь, да положь—и улетѣлъ, сердечный,
Въ чужія руки! Нѣтъ въ тебѣ стыда
Убогихъ грабить.

ѲЕДОРЪ.

Эхъ, кабы убогихъ
Такихъ побольше было. Ну, спасибо!
Пожалуй, ты и завтра приходи.

ТАРАСЬЕВНА (*сердито*).

Содралъ—такъ и проваливай! Не выросъ
Еще ты зубы скалить на меня.
Ступай! пошелъ!

ѲЕДОРЪ.

Иду. Спасибо, тетка!
Вѣдь къ Александра-то Никитича деньгамъ
И твой рублевикъ кстати какъ пришелся.

ТАРАСЬЕВНА.

Къ какимъ деньгамъ?

ѲЕДОРЪ.

Да къ нашимъ! Неужели
Ты думала, что онъ меня минуетъ
Въ такой затѣѣ?

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ тебѣ извѣстно?

ѲЕДОРЪ.

Еще бы, милая! Да кто-же для него
Прибралъ собакъ?

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ ты за что-жъ, злодѣй,
Съ меня содралъ рублевикъ? Ахъ, грабитель!
Отдай назадъ!

ѲЕДОРЪ.

Ой-ли?

ТАРАСЬЕВНА.

Отдай, поганецъ!
За что-жъ ты взялъ?

ѲЕДОРЪ.

За что?

ТАРАСЬЕВНА.

Ну да, за что?

ѲЕДОРЪ.

За глупость, тетка! Нынче и за глупость
Берутъ оброкъ. Ты здѣсь не прозѣвай;
А я пойду, да повожу съ собою
Въ другомъ концѣ на привязи собакъ.
А то, пожалуй, старый-то бояринъ,
Какъ не услышитъ лая, да не спитъ
И вздумаетъ пожаловать провѣрить
Спустилъ-ли я собакъ—тогда бѣда!
Не унести вамъ ноги никому
Изъ этихъ мѣстъ. Ты, тетка, не забыла
Замкнуть крылечко?

ТАРАСЬЕВНА.

Уходи скорѣй!
Не яйца учатъ курицу. Грабитель!

ѲЕДОРЪ.

Ты не сердись! Кого-же и доить,
Какъ не такихъ коровъ. Да очень долго
Не позволяй гулять. Какъ засвищу—
Такъ убирайтесь живо! (*прячетъ рублевикъ въ кошель*). Эхъ, родимый,
Не долго залежишься! Вѣдь не даромъ
И сдѣланъ круглымъ. (*къ Тарасьевнѣ*). Не засни, смотри.

ТАРАСЬЕВНА.

Ступай, ступай!

ѲЕДОРЪ.

Прощай, моя ворона! (*уходитъ*).

ТАРАСЬЕВНА.

Разбойникъ! Негодяй! Грабитель подлый!
Такъ ни за что и вытянулъ, проклятый,
Рублевикъ цѣлый! Скоро-ль наживешь
Деньгу́ такую. Онъ вѣдь у меня
Лежалъ-бы долго, долго; у него же—
Сейчасъ ребромъ. И я-то оглупѣла,
Какъ малое дитя. На, вотъ, возьми—
И отдала! Вѣдь онъ-бы, окаянный,
Однимъ алтыномъ, такъ и тѣмъ доволенъ,
Навѣрно, былъ бы. Я же: на, бери—
И отдала. Да что-жъ они такъ долго
Нейдутъ назадъ. Пора, давно пора!
Эй, гдѣ вы? Время! (*отходитъ къ кустамъ*). Гдѣ вы? (*уходитъ*).

(Ртищевъ и боярышня *подходятъ съ другой стороны*).

БОЯРЫШНЯ.

Тебѣ легче!
Ты будешь занятъ цѣлый день въ трудахъ
По царскому наказу; для меня же
Вся жизнь въ тебѣ одномъ, и безъ тебя
Я не найду ни въ чемъ ни утѣшенья,
Ни радости.

РТИЩЕВЪ.

Въ работѣ и трудахъ,
И днемъ, и ночью, всюду и всегда
Я о тебѣ одной лишь буду думать,
Тебя одну любить и вспоминать.

БОЯРЫШНЯ.

Спасибо, милый! Тамъ у васъ не мало
Боярышень красивыхъ, молодыхъ...
Быть можетъ, не одна изъ нихъ томится
И слезы льетъ въ разлукѣ по тебѣ?
Ты не измѣнишь?

РТИЩЕВЪ.

Я? И ты могла
Подумать обо мнѣ, что я рѣшуся...

БОЯРЫШНЯ (*перебивая*).

Ты не сердись! Не огорчить тебя
Хотѣла я; но... знаешь... ноетъ сердце...
Невольно думается.

РТИЩЕВЪ.

Не страшись.
Молись и жди. Не позабуду я
Ни словъ твоихъ, ни ласковаго взора,
Ни милаго лица. Передо мною
Безсмѣнно будутъ...
(*слышенъ шумъ въ кустахъ*).

БОЯРЫШНЯ.

Ахъ! кто тамъ шуршитъ?

РТИЩЕВЪ (*прислушивается*)

Нѣтъ никого! Вспорхнула, видно, птица
Между кустовъ.

БОЯРЫШНЯ.

Мнѣ страшно! Неравно
Откроютъ насъ. Голубчикъ, неужѐли
Въ послѣдній разъ я вижуся съ тобой?

РТИЩЕВЪ.

Не бойся, Груня! Я тебѣ ручаюсь,
Что все устрою! Царь ко мнѣ теперь
Не по заслугѣ милостивъ. Откроюсь
Ему во всемъ и попрошу, въ награду
Моихъ трудовъ, устроить нашу свадьбу.
А если царь быть сватомъ пожелаетъ,
Такъ не посмѣетъ отказать ему
Родитель твой. Сегодня же съ разсвѣтомъ,

Я выѣду въ Москву. Туда, на дняхъ,
И государь нашъ возвратится. Тóтчасъ,
При первой же возможности, когда
Къ нему изъ абшида являться буду,
Такъ брошусь въ ноги, разскажу какъ есть—
И если соизволитъ государь
Устроить свадьбу, да отцу прикажетъ
Съ тобой въ Москву пріѣхать, такъ тогда
Все и рѣшится.

БОЯРЫШНЯ.

Если-бъ совершилось
Все такъ, какъ ты изволишь говорить.

РТИЩЕВЪ.

И совершится! Вѣрь моимъ надеждамъ!
Не первый разъ придется государю
Быть нашимъ сватомъ. Много онъ устроилъ
Подобныхъ свадебъ, и никто доселѣ
Изъ самыхъ знатныхъ, заслуженныхъ лицъ
Еще не смѣлъ отказывать царю
На сватовствѣ. Повѣрь же мнѣ, голубка,
И будь покойна! Не замедлю я
Черезъ Терентьича пересылать тебѣ
Объ этомъ вѣсточки. Онъ преданъ мнѣ
И не измѣнитъ; онъ же и читать
Тебѣ ихъ будетъ.

БОЯРЫШНЯ.

Милый мой! Спасибо,
Что такъ придумалъ; легче будетъ мнѣ.

Пиши, пиши! Со мною неразлучны
Твои посланья будутъ. Но зачѣмъ
Ты такъ спѣшишь? Еще хотя бы день
Остался здѣсь, и завтра мы могли бы
Опять увидѣться.

РТИЩЕВЪ.

Нельзя, голубка!
Для нашей пользы мнѣ необходимо
Скорѣе ѣхать.

БОЯРЫШНЯ.

Знаю! Но невольно
Какая-то тяжелая печаль
Тревожитъ сердце. Скучно, мой голубчикъ,
Мнѣ станетъ безъ тебя въ разлукѣ; длинно
Потянутся, во слѣдъ одинъ другому,
Лихіе дни, и ужъ ни въ чемъ отрады
Я не найду. Ты дай мнѣ что-нибудь
На память о себѣ.

РТИЩЕВЪ.

Охотно! Только
Что дать тебѣ?

БОЯРЫШНЯ.

Сорви вотъ эту вѣтку
И поцѣлуй сперва, а послѣ мнѣ
Ее отдай.

РТИЩЕВЪ (*срываетъ вѣтку, цѣлуетъ ее и отдаетъ боярышнѣ, цѣлуя и ее*).

Изволь!

БОЯРЫШНЯ.

Спасибо, милый!
Мнѣ веселѣе будетъ съ ней.

ТАРАСЬЕВНА (*подходитъ*).

А я
Васъ сколько времени ищу напрасно
Вонъ въ тѣхъ кустахъ; ободралась совсѣмъ
Въ крыжовникѣ. Ужъ время разставаться!
Пора давно!

РТИЩЕВЪ.

Еще немного, мама.

ТАРАСЬЕВНА.

Нельзя, нельзя! (*слышенъ свистъ*). Постой, никакъ свистятъ! (*прислушивается*).
Свистятъ и есть! Скорѣй, скорѣй отсюда!
Бѣда, бѣда!

РТИЩЕВЪ (*обнимая боярышню*).

Голубушка, прощай!

БОЯРЫШНЯ.

Прощай, мой милый! Пріѣзжай скорѣй!
Не позабудь.

РТИЩЕВЪ.

Пріѣду!

ТАРАСЬЕВНА.

Ну, довольно!
Пора, пора!

БОЯРЫШНЯ.

Прощай, мой дорогой!

РТИЩЕВЪ.

Прощай! (*цѣлуетъ ее*). Еще! (*цѣлуетъ*). Не откажи, родная!
На легкій путь! На счастье! (*цѣлуетъ*).

ТАРАСЬЕВНА.

Уходи
Ты, ради Бога! Иль не слышалъ свиста?
Идемъ, идемъ! (*тащитъ боярышню*).

РТИЩЕВЪ.

Еще хоть разъ одинъ! (*цѣлуются*).

БОЯРЫШНЯ.

Прощай, прощай! (*Тарасьевна силой отталкиваетъ боярышню и удаляется съ нею*).

РТИЩЕВЪ (*подбѣгаетъ къ боярышнѣ*).

Въ послѣдній разъ, голубка!
(*боярышня вырывается отъ Тарасьевны и падаетъ въ объятія Ртищева; затѣмъ уходитъ, увлекаемая Тарасьевной*).

РТИЩЕВЪ.

Голубушка!.. А какъ темнò! Дорогу,
Въ такой глуши, съ трудомъ теперь найду. (*къ нему подходитъ поспѣшно Ѳедоръ*).

ѲЕДОРЪ.

Спѣши, бояринъ! Да держись лѣвѣе
Вонъ тѣхъ кустовъ, а тамъ, черезъ ограду,
И въ поле! Съ Богомъ!

РТИЩЕВЪ.

Ну, спасибо, Ѳедька!
Возьми еще! (*даетъ ему деньги и убѣгаетъ*).

ѲЕДОРЪ.

А я нарочно вздумалъ
Его пугнуть, чтобъ зналъ впередъ дорогу
На всякій случай. Молодецъ! Сегодня
Изрядная толика перепала
Въ мою мошну. Пойду, спущу собакъ,
Да и прилягу! (*развязываетъ мошну и кладетъ деньги*). Вотъ,
вѣдь, деньги къ деньгамъ
Всегда пристанутъ. Эхъ, дружки, дружки,
Изъ серебра любезные кружки!

Конецъ 3-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Картина 1-я.

Свѣтлица боярышни. Время послѣ обѣда.

Боярышня сидитъ на скамьѣ.

БОЯРЫШНЯ.

Щемитъ мнѣ сердце! Чуется бѣда
Невѣдомая. Грустно все вокругъ—
И лишь о немъ мнѣ думается всюду.
Устроитъ-ли? Родитель мой суровъ.
Не перемѣнитъ слова. А помимо
Его согласья замужъ выходить
Хоть и за милаго—грѣшно; не будетъ
Благословенья Божьяго на насъ.
Печальны дни. Хотѣлось бы хоть разъ
Вглянуть на Сашу; снова услыхать
Любимый голосъ; замереть на мигъ
Въ его объятьяхъ жаркихъ. Такъ отрадно
Мнѣ было съ нимъ тогда, въ саду, вдвоемъ—
И пролетѣло сномъ свиданье наше,
Блаженнымъ сномъ. (**входитъ Тарасьевна**).

ТАРАСЬЕВНА.

Да выйди погулять!
Въ саду-то рай; чего здѣсь пригвоздилась?

БОЯРЫШНЯ.

Не хочется.

ТАРАСЬЕВНА.

А ты принудь себя.
Ты не старуха и должна во всемъ
Себя блюсти. Нерóвенъ часъ, голубка!
Вдругъ похудѣешь, да спадешь съ лица,
И милому тогда не той ужъ станешь.

БОЯРЫШНЯ.

Не веселитъ меня ничто въ разлукѣ съ нимъ.
И съ мѣста не сошла бы.

ТАРАСЬЕВНА.

Я и молвлю:
Нехорошо такую власть давать
Своей тоскѣ; она людей не краситъ.
Грустить грусти, а соблюдать себя
Не забывай. Такое наше дѣло.
Пока бѣлы́ да круглы, насъ и любятъ,
И цѣловать охочи; а потомъ
Иные станутъ.

БОЯРЫШНЯ.

Нѣтъ, ты не клепли
Напраслины на Сашу. Не таковъ онъ!
Не охладѣетъ никогда ко мнѣ.

ТАРАСЬЕВНА.

Дай тебѣ Богъ!

БОЯРЫШНЯ.

Удастся-ли ему
Устроить наше дѣло?

ТАРАСЬЕВНА.

Ловокъ онъ
И тароватъ; а будетъ-ли удача,
Извѣстно Богу. Ты молись усерднѣй.
Въ Его рукахъ судьба насъ грѣшныхъ всѣхъ.
(за дверью слышенъ кашель).
Вонъ ужъ ползетъ тюремщица твоя,
И поболтать съ тобою не успѣешь.
(входитъ Домникія).

ТАРАСЬЕВНА.

Ты-бы, боярыня, немного отдохнула;
Послѣ ѣды потребно всѣмъ соснуть.
А я побуду съ Грунюшкой.

ДОМНИКІЯ.

Вдремну
Немного здѣсь. Нельзя мнѣ оставлять
Ее на долго. Клятвой обязалась
Не разлучаться съ Груней. Ты ступай
И отдохни.

ТАРАСЬЕВНА.

Ужъ больно нынѣ жарко.
Такъ и моритъ. (*уходитъ, зѣвая*).

ДОМНИКІЯ.

Ты что-же будешь дѣлать?
Займешься чѣмъ?

БОЯРЫШНЯ.

Ничѣмъ.

ДОМНИКІЯ.

Поотдохни.
А я немного подремлю. Устала.
И паритъ очень; вѣрно быть грозѣ. (*стучатъ въ дверь*).
Кто тамъ?

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*за дверью*).

Терентьичъ.

ДОМНИКІЯ.

Что тебѣ? Войди!

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*входитъ*).

Здорова-ли, боярыня?

ДОМНИКІЯ.

Здорова.
Господь хранитъ. Чего тебѣ, Терентьичъ?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Къ боярышнѣ пришелъ; принесъ ей книжку.
Занятна очень.

ДОМНИКІЯ.

Это хорошо.
Прочти ее; послушаю и я.

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*къ боярышнѣ*).

Поклонъ тебѣ, боярышня! Здоровьемъ
Какъ чувствуешь себя?

БОЯРЫШНЯ.

Спасибо! Плохо.
Все голова болитъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Коли надуло,
Такъ въ уши положи купырь траву,
И полегчаетъ.

ДОМНИКІЯ.

Ты какую-жъ книжку
Принесъ съ собой?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Хорошую.

ДОМНИКІЯ.

Какую?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

А именуется «Сильвестровъ Домострой».
И какъ спасительна.

ДОМНИКІЯ.

Прочти. Слыхала.
Хвалилъ ее духовный мой отецъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*въ сторону*).

Ишь, старая корга! Спровадить нужно
Ее отсель, да только мудрено.

ДОМНИКІЯ.

Ты сядь вотъ здѣсь, къ боярышнѣ поближе,
А я къ столу приткнуся, и читай.
Благое дѣло.

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*садится возлѣ боярышни*).

Ладно! Только надо
Съ вниманьемъ слушать. Книжка мудрена.
Съ понятіемъ.

ДОМНИКІЯ.

Духовная, вѣстимо!
Чѣмъ мудренѣй, тѣмъ лучше.

БОЯРЫШНЯ.

Ты, Терентьичъ,
Въ другой бы разъ зашелъ. Сегодня я
Не такъ охоча слушать.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Не могу
Откладывать, боярышня. И книжка
Мнѣ дадена на срокъ. Ее послушай!
На пользу будетъ.

ДОМНИКІЯ.

Почитай, Терентьичъ!
Работать не охота на жарѣ.
Я для тебя отдерну занавѣску;
Свѣтлѣе будетъ. (*идетъ къ окну и отдергиваетъ занавѣску*).

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*къ боярышнѣ тихо*).

Вѣсточка къ тебѣ
Пришла сегодня.

БОЯРЫШНЯ (*тихо*).

Да?

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*тихо, указывая на Домникію*).

Не выдавай
Меня предъ ней. Садись и только слушай.

БОЯРЫШНЯ (*громко*).

Если нельзя откладывать, прочти.
Послушаю.

ДОМНИКІЯ (*садясь у стола*).

Послушаемъ, голубка!
Душеспасительное хорошо всегда.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Вотъ я тебѣ, боярышня, прочту. (*читаетъ*).
«Како дѣтямъ отца и матерь беречи и повиноватися имъ во всемъ».

ДОМНИКІЯ.

Прочти, прочти! Объ этомъ хорошо
Читать почаще дѣтямъ (*къ боярышнѣ*). Ты его
Съ вниманьемъ слушай.

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*читаетъ медленно и однообразно, растягивая слова*).

«Чада, послушаите заповѣди Господня: любити отца своего и матерь свою, и послушаите ихъ и повинуитеся имъ, по Бозѣ во всемъ: и старость ихъ чтите и немощь ихъ, и скорбь всякую отъ всея души понесите на своеи выи: и благо вамъ будетъ, и долголѣтни будите на земли».

БОЯРЫШНЯ (*замѣтивъ, что Домникія дремлетъ, тихо*).

Съ тобою вѣсточка?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Со мною. Только
Ты не спѣши.

БОЯРЫШНЯ.

Что-жъ дѣлать?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Погоди!
Устрою все.

ДОМНИКІЯ (*очнувшись*).

Что-жъ ты замолкъ, Терентьичъ?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Да въ горлѣ пересохло. Прикажи
Подать медку иль бражки; легче станетъ
Читать-то вслухъ.

ДОМНИКІЯ.

Добро! Сейчасъ скажу,
Чтобъ принесли. (*уходитъ*).

БОЯРЫШНЯ.

Прочти ее скорѣй!
Скорѣй, скорѣй!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Прочесть я не успѣю.
Ты погоди.

БОЯРЫШНЯ.

Когда ты получилъ?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Сегодня утромъ.

БОЯРЫШНЯ.

Онъ здоровъ? Пріѣдетъ?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Здоровъ, здоровъ! Узнаешь. Погоди!
(*входитъ* Домникія).

ДОМНИКІЯ.

Сейчасъ дадутъ. И я съ тобою выпью.

(**сѣнная дѣвушка** *приноситъ ендову браги съ ковшомъ, ставитъ на столъ и уходитъ*).

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*къ Домникіи*).

Испей, родная! Послѣ разносолья
Такъ и зоветъ къ питью. (*подаетъ ей ковшъ*). Вкушай во здравье!

ДОМНИКІЯ (*пьетъ*).

Ты, Грунюшка, не хочешь-ли?

БОЯРЫШНЯ.

Спасибо!
Я не люблю пить брагу; не вкусна.

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*пьетъ*).

Холодненькая бражка! Что-жъ для насъ
Медку-то пожалѣли?

ДОМНИКІЯ.

Брага лучше.
Не такъ хмѣльна.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

На бабій вкусъ оно
Выходитъ такъ. А намъ, родная, хмѣль

Не врагъ, а другъ; живемъ въ согласьи добромъ.
Какъ мать, готовъ укачивать онъ насъ.

ДОМНИКІЯ.

Ну, продолжай! Хорошее писанье.
Къ раздумью клонитъ; мудры словеса.

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*пьетъ*).

Ухъ, хорошо! Теперь полегче станетъ
Читать, какъ глотку бражкой сполоснешь.

(*придвигаетъ къ себѣ ендову и начинаетъ читать такъ же мѣрно и протяжно*),

«и долголѣтни будите на земли; симъ очистите грѣхи своя: и отъ Бога помиловани будете, и отъ человѣкъ прославитеся, и домъ вашъ будетъ во вѣки, и наслѣдятъ сыны сыновъ своихъ... сыны сыновъ своихъ...»

(*замѣтивъ, что Домникія склонила голову на руки и стала всхрапывать, къ боярышнѣ*).

Теперь, боярышня, прослушай! (*поспѣшно выпиваетъ ковшъ браги, вынимаетъ письмо, кладетъ его въ книжку и частью мѣрно, а частью скороговоркой продолжаетъ читать*).

«Свѣтику моему, дорогой голубкѣ Грунюшкѣ, сердечный привѣтъ и любовный поклонъ отъ ея друга любезнаго на многія лѣта. Увѣдомляю тебя, ангела моего: жди въ радости; скоро кончится благостно дѣло наше. Самъ государь сватомъ быть возжелалъ, и не откажетъ ему родитель твой, и станешь ты моею дорогою женою до конца дней. Не горюй-же, солнышко мое ясное; скоро свидимся и не разлучимся никогда! Цѣлую твои уста сахарныя, глазки твои ясные, ручки твои...»

ДОМНИКІЯ (*поднимая голову*).

Кто, кто цѣлуетъ-то? Ты что читаешь?
Какія ручки тамъ?

БОЯРЫШНЯ (*смѣется*).

Ха, ха, ха, ха!

ДОМНИКІЯ.

Чего смѣешься?

БОЯРЫШНЯ.

Какъ же! Ты заснула
И, вѣрно, видѣла, что цѣловали
Тебѣ во снѣ и ручки, и глаза.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Силенъ лукавый! Ишь, вѣдь, навожденье
Какое отъ нечистаго бываетъ.

ДОМНИКІЯ.

Я не заснула. Такъ была въ раздумьи.
Глаза закрыла, чтобъ внимать усерднѣй.
Не пропустить бы.

БОЯРЫШНЯ.

Для чего-жъ храпѣть
Ты принималась?

ДОМНИКІЯ.

Развѣ *я* храпѣла?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Былъ малый грѣхъ. (*пьетъ*).

ДОМНИКІЯ.

Вольно-жъ тебѣ читать,
Какъ по покойникѣ. Небось, всю брагу выпилъ?

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Пересыхаетъ горло.

ДОМНИКІЯ.

Знаю я
Твою утробу. Высосешь ведро
Въ одинъ присѣстъ.

БОЯРЫШНЯ.

Не обижай его.
Онъ отъ жары.

ДОМНИКІЯ.

Не обижаю я,
А правду молвлю. (*встаетъ*). Ну, довольно! будетъ
Читать сегодня. Жарко, какъ въ печи,
И слушать трудно.

ТЕРЕНТЬИЧЪ (*встаетъ*).

Дочитаемъ послѣ.
Въ другое время. (*къ боярышнѣ*). Дай тебѣ Господь
Отъ твоего недуга исцѣленье.
Пожалуй ручку на прощанье мнѣ. (*цѣлуетъ руку и незамѣтно передаетъ письмо*).

БОЯРЫШНЯ.

Прощай, Терентьичъ! Ты зайди на дняхъ
Докончить книжку.

ДОМНИКІЯ.

А тебѣ занятной
Она пришлася?

БОЯРЫШНЯ.

Очень.

ДОМНИКІЯ.

Только онъ
Читаетъ плохо.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Я зайду, зайду!
Прощай, боярыня.

ДОМНИКІЯ (*къ Терентьичу*).

Пойдемъ со мною
До лѣстницы въ сѣняхъ, чтобъ знали тамъ,
Что не одинъ ты съ Груней оставался. (*уходитъ съ Терентьичемъ*).

БОЯРЫШНЯ (*цѣлуетъ письмо*).

Завѣтное посланье! Дай-то Богъ,
Чтобы оно скорѣй осуществилось.
Какъ жаль, что я не въ силахъ прочитать
Его одна; за то со мною будетъ

Оно повсюду неразлучно. Милый!
Я жду тебя! Лети ко мнѣ скорѣй!
Или твоей, или ничьей я буду,
И безъ тебя мнѣ счастья не видать.

Картина 2-я.

Комната въ домѣ боярина.

(Бояринъ, Питиримъ и Вассіанъ).

БОЯРИНЪ.

Поотдохните, гости дорогіе.
Устали, чай?

ПИТИРИМЪ.

Привычная дорога.
Въ трудахъ всегда. Въ опасности не малой
Все пребываемъ. Знаешь самъ, бояринъ,
Какія нынче времена.

БОЯРИНЪ.

Ужасны!
Завѣтъ отцовъ, преданья вѣковыя,
Обычаи священные забыты
И служатъ лишь потѣхою для тѣхъ,
Кто измѣнилъ имъ, волею пріявши
Обычай чуждыхъ, иноземныхъ странъ.
Отступники! Ты помнишь Алексашку,
Никиты Савича покойнаго сынка?

Обрился, окургузился и въ силѣ
Не малой тамъ средь новыхъ состоитъ.

ПИТИРИМЪ.

Царю Петру такіе люди нужны,
Онъ съ иноземцами ихъ скоро подружитъ.

БОЯРИНЪ.

Придетъ пора, вернутся къ старинѣ;
Лишь было-бы не поздно. Время, время!..
Подумаешь—невольно согрѣшишь.
Зачѣмъ Господь мнѣ не закрылъ глаза,
Пока вся Русь по старинѣ держалась.
Вонъ Ртищевъ сколько лѣтъ лежитъ спокойно
Въ сырой землѣ. И мнѣ пора давно-бы
Быть вмѣстѣ съ нимъ.

ПИТИРИМЪ.

А что-жъ тогда, бояринъ,
Съ твоею Груней сталось бы? До насъ
Молвой стоустной донеслася вѣсть,
Что Александра...

БОЯРИНЪ (*перебивая*).

Вздоръ! Какія вѣсти?
Все бабьи сплетни!

ПИТИРИМЪ.

Хоть оно и сплетни,
А только знаешь...

БОЯРИНЪ (*перебивая*).

Сплетни—и довольно!
Не заводи объ этомъ больше рѣчь.
Мнѣ вреденъ гнѣвъ, и на худыя мысли
Наводитъ онъ мой ослабѣвшій умъ.

ВАССІАНЪ.

Не Божій гнѣвъ! А гнѣву человѣчью
Не надо мѣста многаго давать.

ПИТИРИМЪ.

Прости, бояринъ! Болѣе не буду
О неугодномъ спрашивать тебя. (*стучатъ*).

БОЯРИНЪ.

Кто тамъ? Войди! (*входитъ Мартьянычъ*).

МАРТЬЯНЫЧЪ.

Бояринъ, изъ Москвы
Вернулся Турка.

БОЯРИНЪ.

Для чего?

МАРТЬЯНЫЧЪ.

Съ цидулой
Отъ Манукова! Говоритъ, что онъ
Ему велѣлъ, не медля ни минуты
И не жалѣючи коней, скакать скорѣй
Къ тебѣ, бояринъ.

БОЯРИНЪ.

Позови сюда! (*Мартьянычъ уходитъ*).
Что это значитъ? Мануковъ напрасно
Не потревожитъ.

ПИТИРИМЪ.

Онъ при чемъ теперь?

БОЯРИНЪ.

Да съ новыми порядками остался
Такъ, ни при чемъ. А все же у него
Пріятелей по прежнему приказу
Дворцовому осталося довольно.
Должно быть, нынѣ что нибудь провѣдалъ
И извѣщаетъ. (*входитъ Турка*).

ТУРКА.

Дай Господь здоровья
Тебѣ, бояринъ! Вотъ Иванъ Касьянычъ
Писанье наказалъ тебѣ подать,
Да не жалѣть коней, чтобъ безпремѣнно
Поспѣть до свѣта.

БОЯРИНЪ.

Больше ничего
Не говорилъ тебѣ?

ТУРКА.

Нѣтъ, ничего!
А только, молъ, сказалъ: лети, какъ вѣтеръ,

И не жалѣй коней. Да какъ пріѣдешь—
И если будетъ почивать бояринъ,
Такъ накажи, чтобъ разбудили тотчасъ
И подали немедля.

БОЯРИНЪ.

Не загналъ
Совсѣмъ одровъ?

ТУРКА.

Нѣтъ, ничего! Вотъ чалый
Къ концу немного началъ припадать.
Въ лугахъ оправится.

БОЯРИНЪ.

Ступай! Спасибо!
Да не болтай, кѣмъ присланъ изъ Москвы.

ТУРКА.

Спокоенъ будь, бояринъ! Не впервые!
Хоть вытяни языкъ, а не сболтну,
Чего не слѣдуетъ.

БОЯРИНЪ.

Спасибо! (*Турка уходитъ*). Что-то пишетъ
Касьянычъ здѣсь? (*къ Питириму, подавая письмо*). Прочти-ка ты цидулу.
Меня Господь не вразумилъ познаньемъ
Подъяческую мудрость разбирать.

ПИТИРИМЪ (*читаетъ письмо*).

Бьетъ тебѣ челомъ и благодаритъ за твои великія милости подъячій Ивашка, что не забываешь меня, съ женкою и дѣтишками, отъ щедротъ твоихъ въ долготу дней. По семъ поспѣшаю извѣстить тебя, благодѣтель, что сего числа билъ челомъ во дворцѣ великому государю Алексашка Ртищевъ и просилъ пожаловать его государскою милостью, поженить его на боярышнѣ дочкѣ твоей, свѣтъ-Аграфенѣ Кондратьевнѣ. И государь его пожаловалъ, соизволилъ его дѣло на себя взять и приказалъ тебя, бояринъ, съ дочкою звать въ Москву ласковымъ обычаемъ передъ свѣтлыя очи государевы. А и будетъ къ тебѣ гонецъ отъ его царскаго величества на завтра день съ позывомъ честнымъ отъ самого царя. Азъ-же, милостивецъ, егда узналъ о семъ отъ вѣрныхъ людей, поспѣшивъ отыскать на Москвѣ холопа твоего Турку и передавъ ему цыдулу сію, повеле: не теряя часа единаго, къ тебѣ, благодѣтелю моему, не жалѣючи одровъ, скакати, дабы тебя во-время упредити, да не обрящетъ тя гонецъ царскій не уготованна къ вѣсти сія. По семъ, благодѣтель, желаю тебѣ всякаго здравія и спасенія со чады и домочадцы твоя; а меня, раба твоего, да не забудешь и напредь великою твоею милостью и благостыней. Подъячій Ивашка Мануковъ Семптебрія 8-го дня.

БОЯРИНЪ.

Такъ вотъ оно! Проклятый Алексашка!
Какимъ путемъ ты вздумалъ породниться

Со мной теперь. Что дѣлать? Если я
Не захочу добромъ поѣхать, силой
Къ царю доставять; если-жъ и поѣду —
Да откажу, такъ онъ, вѣдь, не посмотритъ
На мой отказъ. Что дѣлать? До утра
Рѣшить я долженъ! Что-же вы молчите,
Честные старцы? Помогите мнѣ
И вразумите старика! Не знаю,
Что дѣлать мнѣ!

ПИТИРИМЪ.

Исходъ одинъ остался.

БОЯРИНЪ.

Какой? скажи!

ПИТИРИМЪ.

Бѣжать!

БОЯРИНЪ.

Когда!

ПИТИРИМЪ.

Сейчасъ!

БОЯРИНЪ.

Сейчасъ? Куда?

ПИТИРИМЪ.

Да къ намъ, на Выгъ, бояринъ!
Ужъ мы укроемъ.

БОЯРИНЪ.

Къ вамъ! А дочь?

ПИТИРИМЪ.

Ее
Съ собой возьми. У матери Анѳисы
Въ обители побудетъ; а потомъ—
Что̀ предпринять, размыслимъ на досугѣ.

БОЯРИНЪ.

На Выгъ! Въ обитель! Разомъ, не успѣвши
И распорядка сдѣлать.

ПИТИРИМЪ.

Коли онъ
Тебѣ дороже дочки, такъ останься
И поѣзжай въ Москву.

БОЯРИНЪ.

Нѣтъ, не поѣду!

ПИТИРИМЪ.

Заставятъ силой! Шутовской поѣздъ
Устроютъ нарочито. Царь, вѣдь, любитъ
Васъ такъ учить. Иль не слыхалъ?

БОЯРИНЪ.

Нельзя-ли
Куда нибудь на время дочь отправить,
Иль схоронить въ усадьбѣ и сказать,
Что убѣжала?

ПИТИРИМЪ.

Слову не повѣрятъ.
Найдутъ вездѣ!

ВАССІАНЪ.

Смятенье одолѣло!
Иль тебѣ легче перенесть позоръ,
Чѣмъ бросить все, но злу не покориться?

БОЯРИНЪ.

Я думалъ Груню отвезти на дняхъ
Въ далекій Болховъ. Тамъ живетъ въ помѣстьѣ
Пріятель мой Собакинъ. Овдовѣлъ
Онъ годъ назадъ и мнѣ писалъ намедни,
Что вновь жениться хочетъ. Онъ не молодъ,
Но и не старъ. Хотѣлъ я за него
Посватать Груню. Онъ по старинѣ
Привыкнулъ жить и Груню не допуститъ
До новшества. Къ тому же онъ два раза
Ужъ былъ женатъ и не имѣлъ дѣтей,
Такъ, вѣрно, у него ужъ и отъ Груни
Ребятъ не будетъ, и нашъ родъ со мной
И съ дочерью окончится на вѣки.
Завѣтъ отцовъ святыней мы считаемъ;
Съ завѣтомъ этимъ мы не разойдемся
И не измѣнимъ старинѣ родной.
И вдругъ, нежданно...

ПИТИРИМЪ.

Поздно ужъ, бояринъ,
Объ этомъ думать! Не успѣешь нынѣ

Отправить дочку тайно. Обрѣтутъ—
И выдадутъ за Ртищева! Тебя же
Силкомъ доставятъ въ Питеръ, а затѣмъ,
На свадебномъ пиру окажутъ милость:
Браду обрѣжутъ, шутовской кафтанъ
Напялятъ силой и съ нѣмецкой дѣвкой
Плясать заставятъ!

БОЯРИНЪ.

Нѣтъ! Скорѣй умру!

ВАССІАНЪ (*восторженно*).

Или къ намъ—или въ адъ!
Тьмой кромѣшной объятъ,
Будетъ царь надъ тобою глумиться!
И погубишь ты дщерь
И себя, такъ теперь
Выбирай!

ПИТИРИМЪ.

Медлить днесь не годится!

БОЯРИНЪ.

Готовъ, отцы! Укройте лишь надежно
Меня по смерть отъ царскаго глумленья;
А я ужъ больше не разстанусь съ вами
И дочь возьму. Эй! (*входитъ Мартьянычъ*). Позови сейчасъ
Сюда Тарасьевну! (*Мартьянычъ уходитъ*).

ПИТИРИМЪ.

Господь поможетъ

Тебѣ спастись! А Выгъ не отдаетъ
Своихъ дѣтей живыми. (*входитъ* Тарасьевна).

ТАРАСЬЕВНА.

Что̀ изволишь
Мнѣ приказать?

БОЯРИНЪ.

Буди сейчасъ-же Груню
И собери ее въ далекій путь
На богомолье! Положи проворнѣй
Ты въ сундучишко невеликій такъ,
Чтобы всего, примѣрно, тамъ, что нужно,
Хватило ей до заговѣнья. Живо!

ТАРАСЬЕВНА.

Сейчасъ, бояринъ? Въ этакую пору?
Она, голубка, только что заснула...

БОЯРИНЪ.

Сейчасъ буди! Чтобъ живо собиралась!
Какъ отъ пожара!

ТАРАСЬЕВНА.

Слушаю! А мнѣ
Прикажешь съ нею?

БОЯРИНЪ (*смотритъ на Питирима тотъ качаетъ головой*).

Нѣтъ, тебѣ не нужно!
Со мной поѣдетъ. (*Тарасьевна уходитъ*).

ПИТИРИМЪ.

Двумъ не хватитъ мѣста,
Да и не выдержать ей въ эти лѣта
Дороги къ намъ. Ты прикажи, бояринъ,
Чтобъ запрягли шестерку самыхъ лучшихъ
Лихихъ коней. Я самъ управлюсь съ ними!
И къ утру мы ужъ будемъ далекó
Отъ этихъ мѣстъ. А далѣе поѣдемъ
Такимъ путемъ, гдѣ знаютъ насъ и гдѣ
Укроютъ всѣхъ отъ происковъ злодѣйскихъ,
Коль вздумаютъ погнаться по слѣдамъ.

БОЯРИНЪ.

Пройду сейчасъ къ Домникіи, сестрѣ.
Ей все оставлю. Выберу коней
И приготовлюсь къ дальнему пути,
Простясь навѣкъ съ родимымъ пепелищемъ. (*уходитъ*).

ВАССІАНЪ.

Великъ Господь! Сподобитъ Онъ
Спасти избранниковъ Сіона.

ПИТИРИМЪ.

Покатимъ живо! Къ утру ужъ далéко
Отсюда будемъ. Миновавъ Москву,
Въ Киржáчѣ остановимся. А тамъ,
Черезъ Ростовъ и Угличъ, путь знакомый,
На Бѣлозерье, Повѣнецъ—и дома!
Сыскать трудненько. Много благочестныхъ
И крѣпкихъ вѣрѣ мы друзей имѣемъ.
Не предадутъ.

ВАССІАНЪ.

Надежду уповаю
На Господа! (*входятъ*: **Тарасьевна** *и* **боярышня**, *одѣтая по дорожному*).

БОЯРЫШНЯ.

Голубушка, узнай,
Куда мы ѣдемъ?

ТАРАСЬЕВНА.

Погоди; узнаю!
Сказалъ: на богомолье.

БОЯРЫШНЯ.

Да зачѣмъ
Задумалъ онъ теперь, въ пору́ ночную,
На богомолье ѣхать?

ТАРАСЬЕВНА.

Говорятъ,
Что прискакалъ сейчасъ гонецъ съ Москвы
И грамотку привезъ. Какъ прочитали —
И всполошились; видно, что нибудь
Недоброе узнали!

БОЯРЫШНЯ.

Мама, если
Пріѣдетъ Александръ Никитичъ, ты
Ему скажи, куда мы отъѣзжаемъ.
Чѣ что-то страшно!

ТАРАСЬЕВНА.

Погоди, сейчасъ
Спрошу у нихъ. (*подходитъ къ Питириму*). Позвольте-ка спросить,
Честные старцы, вы, должно быть, вмѣстѣ
Съ бояриномъ поѣдете?

ПИТИРИМЪ (*неохотно*).

Проводимъ
Его немного... до Москвы... а тамъ...
Разстанемся.

ТАРАСЬЕВНА.

А наши-то куда-же
На богомолье собрались?

ПИТИРИМЪ.

Да къ Саввѣ
Святителю, въ Звенигородъ.

ТАРАСЬЕВНА (*подходитъ къ боярышнѣ*).

Ну, вотъ,
И разузнали!

БОЯРЫШНЯ.

Охъ, боюсь я, мама,
Что не туда поѣдемъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Да ужъ я
Узнаю правду! только будь покойна

И не печалься очень. Коль пріѣдетъ,
Такъ передамъ. А тамъ ужъ онъ сумѣетъ
Напасть на слѣдъ. (*входятъ*: **бояринъ и Мартьянычъ**).

БОЯРИНЪ.

Ужъ ты готова, Груня?
Скоренько! Ну, готовъ теперь и я...
Въ дорогу, съ Богомъ!

МАРТЬЯНЫЧЪ.

Если-бы, на случай,
Понадобилось дать кому отвѣтъ
На спросъ о томъ, куда отъѣхать вздумалъ—
Такъ какъ изволишь приказать?

БОЯРИНЪ (*подходитъ къ Питириму и пошептавшись съ нимъ*).

Скажи,
Что, молъ, въ Звенигородъ отъѣхалъ, къ Саввѣ
Святителю Сторожевскому, и оттуда
Сбирался, къ Покрову, домой вернуться.
Пора въ дорогу! Отслужите намъ
Напутственный молебенъ, а затѣмъ
И въ путь скорѣй! Идемте всѣ въ моленну!
Помолимся! (*всѣ, кромѣ Тарасьевны и дворецкаго, уходятъ*).

ТАРАСЬЕВНА.

Ишь, вздумалъ вдругъ собраться
На богомолье ночью. Ты не знаешь
Съ чего ему приспичило?

МАРТЬЯНЫЧЪ.

Не знаю!
Да и тебѣ совѣтую поменьше
Чесать языкъ. Не наше это дѣло,
Такъ и болтать негоже.

ТАРАСЬЕВНА.

Какъ не наше?
А дочку-то, боярышню, зачѣмъ
Беретъ съ собой?

МАРТЬЯНЫЧЪ.

Должно быть захотѣлъ,
Такъ и беретъ.

ТАРАСЬЕВНА.

А я то?

МАРТЬЯНЫЧЪ.

Ты не дочка.

БОЯРИНЪ (*за сценой*).

Тарасьевна, иди сюда! и ты,
Мартьянычъ, тоже!

ТАРАСЬЕВНА.

Охъ, иду, бояринъ!

Конецъ 4-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Внутренность избы, сложенной изъ толстыхъ дубовыхъ стволовъ; часть ея, слѣва, отдѣлена невысокою досчатою перегородкой и образуетъ отдѣльную горенку. Справа—дверь въ клѣть. Въ заднемъ углу большая печь и рядомъ съ нею входная дверь. Вечеръ.

ЕПИФАНІЙ (*сидитъ на лавкѣ у стола*).

Сокрылся свѣтъ! Ужъ закатилось солнце,
И нощь грядетъ. Тамъ, въ суетѣ мірской,
Мятутся люди, бѣса потѣшая
Да сатанѣ служа; а здѣсь, въ пустынѣ,
Въ лѣсу дремучемъ—тишина, покой
И благодать Господня. Много лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ я, холопъ кабальный,
Ушелъ отъ міра ко святымъ мѣстамъ
И поселился здѣсь, въ уединеньи,
Чтобъ въ чистотѣ свою окончить жизнь.
Охъ, грѣшенъ я! Порой какой-то страхъ
И тяжесть одиночества смущали
Мой грѣшный духъ. Но милостивъ Господь
И скоро мнѣ благое подкрѣпленье
Во образѣ младенца ниспослалъ. (*стучатъ. Епифаній отворяетъ дверь. Входитъ* **Маша** *съ крынкой молока*).

Входи, входи! Ишь, сколько молока
Сегодня надоила.

МАША.

Что-то стала
Скучнà буренка.

ЕПИФАНІЙ.

Ничего, голубка!
Не бойся.

МАША.

Не хвороба ли. Ужъ время
Повечерять. Ты, дѣдушка, сегодня
Со мною похлебаешь молочка?

ЕПИФАНІЙ.

Сегодня можно.

МАША.

Я сейчасъ накрою
И приготовлю; ты ужъ не трудись.

ЕПИФАНІЙ.

Хозяйничай! Пора! Большая стала.
Подмогой служишь.

МАША.

Я тебѣ, родной,
Устрою все.

ЕПИФАНІЙ.

Хозяюшка.

МАША. (*ласкаясь*).

Родимый!
Погладь меня по головѣ. Вотъ такъ!
И поцѣлуй!

ЕПИФАНІЙ (*цѣлуетъ Машу*).

Господній голубокъ!
Въ морозный день, въ суровую мятель
Я васъ обрѣлъ въ лѣсу непроходимомъ,
Куда васъ лѣшій, вѣрно, заманилъ.
На цѣлинѣ, въ ложбинѣ, на снѣгу
Лежала мать твоя, почти нагая,
Съ застывшимъ взглядомъ. Все, что лишь могло
Тебя согрѣть, она съ себя, родная,
Должно быть, поснимала лишь затѣмъ,
Чтобы тебя закутать; наконецъ,
Когда ужъ смерть къ ней близко подступила,
Она къ тебѣ прильнула, обняла —
И умерла, надѣясь хоть немного
Тебя согрѣть остатней теплотой
Отъ мертваго, намерзнувшаго тѣла.
А ты спала—и мѣрно, непрерывно
На васъ съ небесъ слеталъ неслышно снѣгъ
И застилалъ безпомощное чадо
Своимъ покровомъ смертнымъ, ледянымъ.
Тебя нашелъ я! Съ той поры, невступно,
Прошло шесть лѣтъ, и каждый день смиренно
Благодарю я Господа за милость,
Что ниспослалъ онъ въ благости великой
Отраду мнѣ во образѣ твоемъ.

МАША.

Вотъ и готово!

ЕПИФАНІЙ. (*прислушиваясь*).

Погоди! Никакъ
Къ намъ ѣдетъ кто-то?..

МАША.

Ѣдутъ. Вонъ и Бѣлка
Залаялъ какъ.

ЕПИФАНІЙ.

Кого-то Богъ даетъ?
На Выгъ, должно быть. (*уходитъ*).

МАША.

Не придется съ дѣдкой
Повечерять вдвоемъ и простоквашей
Его попотчивать — отдастъ другимъ.

(*Входятъ*: **бояринъ, боярышня, Вассіанъ, Питиримъ и Епифаній**).

ЕПИФАНІЙ (*затворяя дверь*).

Грядите съ миромъ!

ПИТИРИМЪ.

Здѣсь мы отдохнемъ,
Переночуемъ, а заутра рано
И дальше въ путь!

БОЯРИНЪ.

Да нѣтъ-ли гдѣ свѣтелки
Для дочки?

ЕПИФАНІЙ (*отворяя дверь въ горенку*).

Есть; годится для ночлега. (*къ боярышнѣ*).
Пожалуй-ка сюда!

БОЯРИНЪ (*къ дочери*).

Иди, раздѣнься
И отдохни!

ЕПИФАНІЙ.

А коли нужно будетъ,
Такъ вотъ прислужитъ внучка.

БОЯРЫШНЯ (*уходитъ въ горенку и садится, не раздѣваясь, на лавку*).

Нѣтъ, не надо.

ПИТИРИМЪ.

А мы, бояринъ, здѣсь расположимся.
У старца Епифанія изба
Просторная.

ЕПИФАНІЙ.

Довольно мѣста будетъ
Въ моей избѣ для праведныхъ людей.
Притонъ надежный! Скоро повернули,
Честные старцы. Я не чаялъ нынѣ,
Что васъ принять придется.

ПИТИРИМЪ.

Божья воля!

Такой соблазнъ въ міру, что не довлѣетъ
И оставаться долго на Руси.

БОЯРЫШНЯ (*въ горенкѣ*).

Куда везутъ? Окольною дорогой...
Водою, лѣсомъ... Боже милосердый!
Онъ не найдетъ меня въ такой трущобѣ,
И я погибну!

ЕПИФАНІЙ.

Не угодно-ль будетъ
Перекусить съ дороги и присѣсть
Къ убогой трапезѣ?

ПИТИРИМЪ.

Какъ отдохнемъ
И перекусимъ. Больно торопились.
Лѣсной песокъ всѣ очи залѣпилъ.

ЕПИФАНІЙ.

А я пойду да распрягу коней
И корму имъ задамъ.

ПИТИРИМЪ.

Возьми съ повозки;
Тамъ два куля положены съ овсомъ.

БОЯРЫШНЯ.

Желанный мой! Ты такъ меня увѣрилъ,
Что ужъ устроишь свадьбу. А теперь
Меня не сыщешь! Завезутъ далеко,
И мы не свидимся.

ПИТИРИМЪ (*къ боярину*).

Теперь дорога
Пойдетъ все лѣсомъ. Тутъ мѣста такія,
Что врагъ не сунется.

БОЯРИНЪ.

Спокоенъ буду
Я лишь тогда, когда въ обитель вашу
Совсѣмъ пріѣду. Царь шутить не любитъ
И страшно надсмѣется, коль поймаетъ.
А Алексашка прытокъ!

ВАССІАНЪ.

Не смущайся!
Господь ведетъ насъ! Дерзкимъ малодушьемъ
Ты не испытывай его, ничтожный червь,
Предавшійся Господню милосердью.

БОЯРЫШНЯ.

Нѣтъ! Быть не можетъ! Онъ узнаетъ правду
И нападетъ на слѣдъ. Помчится быстро—
Настигнетъ насъ, меня отниметъ силой
И увезетъ съ собой. А я охотно
За нимъ готова всюду ѣхать. Боже,
Спаси меня! (*плачетъ*).

МАША (*подходитъ къ боярышнѣ*).

Голубушка, о чемъ
Ты плачешь такъ? Не хочешь ли съ дороги
Чего поѣсть? Хоть молочка, иль хлѣбца?

БОЯРЫШНЯ.

Спасибо, милая!

МАША.

А знаешь, у меня
Поспѣла простокваша. Вотъ сейчасъ
Я принесу.

БОЯРЫШНЯ.

Не надо, дорогая!

МАША.

Да ты не плачь! А то и я заплачу
Съ тобою вмѣстѣ. (*входитъ* **Епифаній**).

ЕПИФАНІЙ.

Странный шумъ, отцы,
Гудитъ въ лѣсу. Какъ будто топотанье
Лихихъ коней, къ намъ скачущихъ стремглавъ
Вдоль по дорогѣ; но еще далéко.

ПИТИРИМЪ.

То, можетъ, вѣтеръ?

ЕПИФАНІЙ.

Нѣтъ, я къ шуму вѣтра
Привыкъ давно. А шумъ такой въ лѣсу
Впервые слышу.

ВАССІАНЪ.

Сатаны смущенье!

БОЯРИНЪ.

Неужели погоня?

ЕПИФАНІЙ.

Вотъ пойдемте,
Послушаемъ. Быть можетъ, обманулся
Мой слухъ отъ старости. (*бояринъ, Питиримъ и Епифаній уходятъ*).

БОЯРЫШНЯ.

Погоня, Боже!
То, вѣрно, Саша! Милый! Прилетай же
И поскорѣй бери меня съ собой!

ВАССІАНЪ.

Въ благости Господней сомнѣватися—
Велій грѣхъ творити. Отжени
Помыслы лукавые и души
Сомнѣвающихся свѣтомъ просвѣти!

БОЯРЫШНЯ.

Не возвращаются! (*становится на колѣни*). О, Господи Владыко
Спаси меня и наведи на слѣдъ
Ты царскихъ слугъ! Спаси меня, Создатель!
(**бояринъ, Питиримъ и Епифаній** *поспѣшно входятъ*).

БОЯРИНЪ.

Сомнѣнья нѣтъ! Теперь ужъ ясно слышенъ
Вдоль по дорогѣ топотъ отъ коней,
Какъ вихрь летящихъ. Что же дѣлать намъ?
Бѣжать? въ лѣсу укрыться?

ПИТИРИМЪ.

Погоди! (*къ Епифанію*).

Что скажешь ты?

ЕПИФАНІЙ.

Ужъ если добрали́ся
До насъ сюда, такъ, значитъ, кто нибудь
Изъ нашихъ отступился и ведетъ
Съ собой враговъ. Бѣжать пока нельзя,
Тѣмъ паче съ бабой.

БОЯРИНЪ.

Что-же, такъ отдаться?

ЕПИФАНІЙ.

Зачѣмъ отдаться! Затвори́мся здѣсь
И заведемъ съ врагомъ переговоры.
Изба крѣпка̀! Ужъ предоставь ты мнѣ
Устроить дѣло. (*подходитъ и затворяетъ на засовъ входныя двери. Бояринъ притворяетъ дверь въ горенку. Слышенъ топотъ коней*).

БОЯРЫШНЯ (*къ Машѣ*).

Нѣтъ-ли гдѣ, голубка,
Другого входа иль окна побольше?

МАША́.

Нѣтъ, входъ одинъ; а оконъ только двое,
И тѣ малы́.

ЕПИФАНІЙ.

Ужъ близко! Видно много
Коней бѣжитъ.

ВАССІАНЪ.

Антихристово войско!

БОЯРИНЪ.

Должно быть, Ртищевъ. Какъ онъ ухитрился
Напасть на слѣдъ?

ЕПИФАНІЙ.

Бояринъ, ты не бойся!
Мы отсидимся. Вы, честные старцы,
Не даромъ, вѣрно, по Руси бродили
И запаслись казной. А эти волки
До денегъ падки! Только оберутъ,
Да и отпустятъ всѣхъ, а сами мирно
Вернутся во свояси и разскажутъ,
Что никого не захватили.

ВАССІАНЪ.

Если-жъ
Они не согласятся и живьемъ
Рѣшатся взять?

ЕПИФАНІЙ.

Тогда, на случай этотъ,
Надежные имѣемъ тайники.

БОЯРЫШНЯ.

Мнѣ сердце вѣщее не даромъ шепчетъ,
Что это Саша! А ужъ онъ, конечно,
Че денегъ ищетъ, но меня.

ЕПИФАНІЙ (*прислушиваясь*).

Молчите!

На дворъ въѣзжаютъ.

ГОЛОСА (*за сценой*).

Эй, кто есть въ избѣ!

Иди скорѣй, коль хочешь живъ остаться!

ЕПИФАНІЙ (*вполголоса*).

Не отвѣчайте.

РТИЩЕВЪ (*за сценой*).

Оцѣпить избу!

И наблюдайте зорко, чтобъ никто

Не выскочилъ изъ оконъ или съ крыши!

БОЯРЫШНЯ.

То голосъ Саши! Боже милосердый!

Я спасена!

ГОЛОСА (*за сценой*).

Тутъ четверо коней!

Вотъ и повозка!

РТИЩЕВЪ.

Значитъ, здѣсь они!

Гдѣ входъ въ избу?

ГОЛОСЪ.

Вотъ здѣсь!

РТИЩЕВЪ.

А дверь?

ГОЛОСЪ.

Должно быть
Замкнули изнутри!

РТИЩЕВЪ.

Отворимъ живо! (*стучитъ въ дверь*).
Эй, кто тамъ есть! Отъ имени царя
Я посланъ къ вамъ! Впустите и услышьте
Его приказъ! Молчатъ. Бояринъ, если
Ты тамъ, въ избѣ, такъ отвѣчай-же мнѣ!
Иль, можетъ быть, и ты, какъ воръ въ подклѣти,
Съ другими притаился и на честный
Открытый зовъ не хочешь отвѣчать?

БОЯРИНЪ.

Я здѣсь, мальчишка!

РТИЩЕВЪ.

Отвори-жъ скорѣе!
И выслушай ты царскаго гонца.

ЕПИФАНІЙ (*тихо*).

Пускай одинъ войдетъ сюда, ина́че
Не отворю!

ПИТИРИМЪ (*тихо*).

А коль его задержимъ,
Такъ легче выкрутимся изъ бѣды.

БОЯРИНЪ (*громко*).

Я прикажу тогда лишь отпереть,
Когда и ты пообѣщаешь мнѣ
Войти въ избу одинъ, а не съ оравой
Твоихъ холоповъ!

ГОЛОСЪ (*за сценой*).

Не входи одинъ!
Не слушай ихъ!

БОЯРИНЪ.

Иль, можетъ быть, ты трусишь
Меня да дочь?

РТИЩЕВЪ.

Она съ тобой, бояринъ?

БОЯРИНЪ.

Со мной.

РТИЩЕВЪ.

Изволь! войду одинъ, бояринъ!

БОЯРИНЪ.

Ты поклянись!

РТИЩЕВЪ.

Клянусь!

БОЯРИНЪ (*къ Епифанію*).

Такъ отпирай!
Пускай войдетъ! Вѣдь мы не душегубцы,

Не вѣдомые воры, такъ чего-же
Намъ ихъ бояться! (*входитъ* Ртищевъ. *Епифаній запираетъ за нимъ дверь*).

РТИЩЕВЪ (*кланяясь*).

Бью тебѣ челомъ,
Бояринъ, низко! Вотъ гдѣ намъ пришлося
Съ тобою встрѣтиться. Признаться, думалъ,
Что не настигну.

БОЯРИНЪ.

А зачѣмъ тебѣ
Меня настигнуть вздумалось? Кажись,
Нужды особой не было.

РТИЩЕВЪ.

Изволилъ
Меня послать съ Москвы самъ государь,
Чтобъ звать тебя; а въ отчинѣ сказали,
Что ты въ Звенигородъ уѣхалъ. Догадался
Въ чемъ дѣло я, и вотъ сумѣлъ, какъ видишь,
Напасть на слѣдъ и отыскалъ тебя.

БОЯРИНЪ.

Куда хочу, туда и ѣду! Вздумалъ
Поѣхать къ Саввѣ, а въ пути отдумалъ
И повернулъ въ Соловки. Иль теперь
И ко святымъ мѣстамъ проситься надо,
Чтобъ отпустили, и ярлыкъ приказный
Съ собой возить потребно?

РТИЩЕВЪ.

Да въ Соловки
Обычный путь идетъ другой дорогой.

БОЯРИНЪ.

А я по этой вздумалъ прокатиться.
Запрету нѣтъ! Зачѣмъ же нынѣ нуженъ
Я сталъ царю?

РТИЩЕВЪ.

Велѣлъ тебя и дочь,
Гдѣ ни настигну, привезти съ собою
Въ Санктъ-Петербургъ.

БОЯРИНЪ,

Зачѣмъ?

РТИЩЕВЪ.

Узнаешь самъ.

БОЯРИНЪ.

На что я тамъ понадобился?

РТИЩЕВЪ.

Гдѣ-же,
Бояринъ, Груня?

БОЯРЫШНЯ (*которая во время разговора стояла, прислушиваясь у двери, выбѣгаетъ къ Ртищеву*).

Здѣсь, желанный, здѣсь!
Измучилася...

БОЯРИНЪ (*останавливая дочь за руку*).

Погоди немного,
Безстыдница! Не вѣшайся на шею
Въ моихъ глазахъ!

БОЯРЫШНЯ (*растерянно*).

Не гнѣвайся, родитель...

БОЯРИНЪ.

Такъ, видно, вы ужъ раньше сговорились,
Какъ мимо воли отческой устроить
Свою судьбу. По новому обычью
Поваднѣй такъ.

РТИЩЕВЪ.

Я не желалъ бы съ ней
Безъ твоего согласья повѣнчаться.
Вернись въ Москву и тамъ предъ государемъ
Отдай мнѣ дочь.

БОЯРИНЪ.

Отдать тебѣ. За что?
За то, что ты, какъ хищный волкъ, ворвался
Въ мою семью? За то, что позабылъ
Съ твоимъ отцомъ связавшую насъ дружбу;
Смутилъ покой нашъ; вынудилъ меня
Покинуть домъ, искать себѣ защиту
Въ непроходимыхъ дебряхъ и скрываться
Отъ твоего наѣзда?

РТИЩЕВЪ.

Не моя
Вина тому.

БОЯРИНЪ.

Нѣтъ, ты! и ты одинъ
Всему причиной! Безъ тебя и царь
Не потревожилъ бы меня, и могъ бы
Спокойно въ отчинѣ моей наслѣдной
Я кончить жизнь. Ты! ты мой злѣйшій врагъ!
Ты мой предатель! И тебѣ отдать
Мою родную дочь? Въ гробу милѣе
Ее мнѣ видѣть, чѣмъ твоей женой.
Будь проклятъ ты, разладъ въ мой домъ вносящій!
Моихъ сѣдинъ не чтущій...

РТИЩЕВЪ (*перебивая*).

Погоди!
Не проклинай! Передъ тобою я
Не виноватъ. Пусть царь разсудитъ насъ!
Его приказъ я исполняю. Долженъ
Я васъ обоихъ отвезти къ нему.
Ты не противься.

БОЯРИНЪ.

Не поѣду я!
И дочь не отпущу!

РТИЩЕВЪ.

Не вынуждай
Меня прибѣгнуть къ силѣ.

БОЯРИНЪ.

Не дерзай
Ко мнѣ ты прикоснуться!

РТИЩЕВЪ.

Долженъ я
Приказъ царя исполнить и исполню.
Пойдемъ, боярышня! (*подходитъ къ боярышнѣ*).

БОЯРИНЪ.

Оставь!

РТИЩЕВЪ.

Зачѣмъ оставить?
Пора и въ путь.

БОЯРИНЪ.

Оставь! Не подходи!
Не тронь ее!

РТИЩЕВЪ.

Указъ царя, бояринъ.
Иди и ты!

БОЯРИНЪ.

Оставь! Въ послѣдній разъ
Я говорю тебѣ!

РТИЩЕВЪ.

Указъ хоть силой,
Но я исполню! (*хватаетъ боярышню за руку*).

БОЯРИНЪ.

Не хвались, предатель!
Не для тебя она! (*выхватываетъ изъ-за пояса ножъ и ~~убиваетъ~~ хочетъ убить дочь*). Ртищева).

БОЯРЫШНЯ (*прикрываетъ* Ртищева и принимаетъ ударъ на себя).

Родитель! Ахъ! (*падаетъ на руки Ртищева*).

РТИЩЕВЪ.

Остановись! О, Груня дорогая!
И прямо въ сердце! (*опускаетъ боярышню на скамью*) Боже!..
помогите! (*прикладываетъ къ ранѣ платокъ*).

БОЯРИНЪ.

Послѣдняя! (*бросаетъ ножъ и закрываетъ лицо руками*).

РТИЩЕВЪ (*къ боярину*).

Злодѣй! Дѣтоубійца!
Сумѣетъ царь достойно покарать
Твое злодѣйство! (*указывая на старцевъ*). Эти волки тоже
Отвѣта не избѣгнутъ. Знаю я
Что вѣдь они тебя уговорили
Отъ царскаго указа схорониться
Въ трущобахъ ихъ. По волоску на дыбѣ
Имъ бороды повырвутъ палачи! (*опускается на трупъ боярышни и рыдаетъ*).

ЕПИФАНІЙ (*къ старцамъ, тихо*).

Скорѣй въ тайникъ—и въ лѣсъ! Тихонько, тише...
(*Всѣ трое тихо уходятъ въ клѣть*).

РТИЩЕВЪ.

Вздохнула будто? (*прикладываетъ ухо*). Нѣтъ, лежитъ мертва...
О, Боже, Боже! (*склоняется надъ боярышней*).

БОЯРИНЪ.

Да... мертва, мертва...
Ужасный день! Отъ отческой руки
Погибла дочь...

РТИЩЕВЪ (*поднимая голову*).

Погибла навсегда! (*оглядывается*).
Гдѣ-жъ эти волки? Скрылись! (*встаетъ*). Вѣрно, тутъ
Есть тайники. Скорѣй вокругъ повсюду
Послать людей, не дать имъ убѣжать. (*поспѣшно уходитъ*).

БОЯРИНЪ (*оглядывая свои руки*).

Въ крови́ родной, въ крови моей голубки
Омыты вы. О, дочь моя родная!
Погибла ты въ расцвѣтѣ юныхъ лѣтъ.
Не ты мои закроешь очи, Груня,
Въ мой смертный часъ. А я закрылъ твои
На вѣки, разомъ, въ полной силѣ жизни... (*подходитъ къ дочери*).
Мертва, мертва!..

МАША (*тоже подходитъ къ боярышнѣ*).

За что ее убилъ
Ты, злой старикъ?

БОЯРИНЪ.

За что?.. за что?.. не помню!
Туманъ... не вижу? (*становится на колѣни передъ Груней*).
Словно спитъ, родная!
Но бездыханна... Сколько крòви, крòви...
Родная кровь!.. О, тяжко! тяжко! тяжко!
Какъ больно здѣсь! (*хватается за сердце*). Какъ душно...
все кружится...
Огонь кровавый... (*хватается за горло*). Душно!.. Боже!..
Боже!..
И я во слѣдъ за дочерью иду! (*умираетъ*).
(*входитъ* Ртищевъ *съ рейтарами*).

РТИЩЕВЪ.

А гдѣ-жъ бояринъ? (*подходитъ къ боярину и склоняется надъ нимъ*).
Умеръ. (*встаетъ*). Слава Богу,
Что не придется мнѣ его вести
На судъ царя. (*становится на одно колѣно передъ трупами*).
О, жертвы дорогія!
Моя любовь къ чему васъ привела.
(Занавѣсъ медленно падаетъ).

КОНЕЦЪ.

TG
34
N2
A19
V.1

Stanford University Libraries
3 6105 012 311 929

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE